Г. ДМИТРИН

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ЖИВЕТ В ТВОЕМ ДОМЕ, ИЛИ БЫЛЬ О ЗОЛОТОМ КЛЮЧИКЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Челябинский журналист Г. Дмитрин — автор ряда книг по проблемам формирования личности, развития ее творческих сил: «Кем быть? Каким быть!», «Человек в мире профессий» и другие. За книгу «Дерзайте, вы талантливы!» автор удостоен диплома и медали Всесоюзного литературного конкурса имени Н. А. Островского.

Предлагаемая вниманию читателей книга Г. Дмитрина (это ее второе, дополненное издание) обращена прежде всего к тем молодым людям, которые, стремятся проявить себя в жизни наилучшим образом. На поучительных примерах из жизни автор подсказывает юным читателям доступные пути самосовершенствования личности.

- Леонардо да Винчи живет в твоем доме, или Быль о золотом ключике
  -
  - БЫЛЬ О ЗОЛОТОМ КЛЮЧИКЕ
  - О ПОЛЬЗЕ РАННИХ НАЧАЛ
  - К ДЕЙСТВИЮ — ЧЕРЕЗ САМОПОЗНАНИЕ
  - ВРЕМЯ ПОДВЛАСТНО КАЖДОМУ
  - ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЧЕСТОЛЮБИЮ
  - ИЗБЕРИ СЕБЕ УЧИТЕЛЯ
  - «ВТОРОЕ ДНО» СПОСОБНОСТЕЙ
  - ЧЕМПИОНАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ
  - ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ЖИВЕТ В ТВОЕМ ДОМЕ
  - «ВЕЛИКАЯ ТАЙНА» ПОЛИГЛОТОВ
  - ИСКУССТВО В ТВОЕЙ ЖИЗНИ
  - ГЛАВНЫЙ ТАЛАНТ — БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ
  - С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ВЗРОСЛОСТЬ?
  - САМАЯ ГОРДАЯ МУДРОСТЬ

Леонардо да Винчи живет в твоем доме, или Быль о золотом ключике

Г. ДМИТРИН

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ЖИВЕТ В ТВОЕМ ДОМЕ, ИЛИ БЫЛЬ О ЗОЛОТОМ КЛЮЧИКЕ

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

БЫЛЬ О ЗОЛОТОМ КЛЮЧИКЕ
От автора

У любого значительного дела, предприятия всегда есть свой исходный момент: повод к нему — практическая надобность. Так, бывало, деревенский кузнец начинал ковать лемех, когда просил его о том в преддверии весны пахарь. Что заставляет лесничего бережно растить рощу, которую сам он не успеет увидеть в полной красе и силе? Забота о благе потомков и любовь к живой природе. В муках творчества создает изобретатель новую машину, часто тернист его путь, но упрямо преодолевает он преграды, настойчиво продвигается вперед, шаг за шагом приближаясь к поставленной цели. Что движет им в многотрудном занятии? Понимание потребностей общественного производства, желание внести свой личный вклад в технический прогресс и еще — вера в свой разум, знания, опыт.

Иными словами, всякому активному действию обычно предшествует призывный сигнал извне — «Надо!» — и рожденная им целевая установка.

Точно так же начиналась и эта книга. Приняться за нее, отдать ей месяцы напряженного, но вместе с тем увлекательного труда меня побудили письма не удовлетворенных собой, своими личными качествами юношей и девушек, объединенные одним общим беспокойным вопросом: «Как лучше проявить себя в мире людей? Как раскрепостить свои силы?» Этот вопрос мог бесконечно варьироваться по фразеологии, оттенкам мыслей, настроениям, но в конечном счете чаще всего сводился к просьбе приоткрыть тайну местонахождения «золотого ключика» от заветной шкатулки способностей, подсказать дорогу к роднику «живой воды», той самой, что воскрешает силы добрых молодцев…

Далеко не всегда эти послания были адресованы лично мне, часто они встречались на страницах молодежных газет и журналов. Повторяясь из года в год, они позволили отчетливее, острее разглядеть одно довольно-таки настораживающее явление — недостаток уверенности у определенной части молодых людей в своих способностях, принижение ими собственных возможностей, неумение привести в действие резервы интеллектуальных и физических сил. Разве не о том свидетельствуют такие письма-обращения:

«Что делать мне, человеку, у которого нет таланта?»

«Не хочу быть заурядностью, но такой вот уродилась».

«Разве я виноват, что не обладаю силой воли?»

«Мне порою бывает совестно мучить учителей и однокашников своей несообразительностью у классной доски. И, наверное, тщетны мои попытки вырваться из круга «середнячков».

«Хочется делать что-то большое, интересное, а ума не приложу: с чего начать, чем заняться, где сил набрать для стоящего дела».

Что можно сказать по поводу этих взволнованных и требовательных посланий?

Неудовлетворенность собой, достигнутыми на сегодня результатами, уровнем знаний или мастерства — состояние в общем-то здоровое, естественное для людей любого возраста, а тем более для молодых, жаждущих заявить о себе, самоутвердиться в обществе сограждан. И пусть еще не всегда четко понимается ими суть и особенности процесса самоутверждения и нет опыта преодоления преград на пути к нему — ничего страшного, предосудительного. И опыт, и правильное понимание вещей — все это может прийти со временем. Тогда будет и полезный результат.

Странным и неправомерным в наших глазах должно выглядеть иное, противоположное состояние, тоже порою имеющее место: полнейшая самоуспокоенность, самодовольство, застойность потребностей души, заведомый отказ от работы над собой, от самосовершенствования. В сравнении с таким неоправданным благодушием признание в своих слабостях, откровенное огорчение относительно «малости сил» — даже и не беда вовсе, а напротив, свидетельство движений живой беспокойной мысли, стремления разобраться получше в самих себе. Тем более, что подобная суровая самокритика чаще всего не отражает истинных — и значительных! — возможностей юных индивидов, а говорит лишь о их смятении перед трудностями самоутверждения.

Но если дело только и ограничивается горестными сетованиями на «судьбу-злодейку», если самокритика не сопровождается энергичным поиском выхода из тупика кажущегося, то определенно появляется риск попасть в тупик настоящий, подлинный. Бездеятельность, ожидание некоего целительного чуда, разом разрешающего все проблемы, — такое инертное поведение (нередкое, увы, среди части молодых людей) вызвать сочувствия, разумеется, не может. Однако заставляет

поспешить им на выручку, попытаться настроить растерявшихся или слабохарактерных на мажорный деловой лад, подсказать выход из положения. Тем более, когда прямо просят об этом.

Запало в память письмо десятиклассника Сергея М. Может быть, именно оно помогло глубже осознать проблему, волнующую какой-то круг его сверстников. С пронзительной откровенностью прозвучала между строчек письма обида юноши на свое, как он полагает, несовершенство, душевная боль от самоподозрения в бесталанности:

> …«В журналах и газетах много пишут в последнее время о талантливых людях: они создают новые идеи, движут прогресс. А что же делать мне — человеку без способностей, серенькой личности? Я за многое пробовал браться, но очень скоро убеждался в своей бездарности. Многого ли добьешься усидчивостью и упорством: уж кто родился серостью, так серостью и останется, сколько ни просиживай над самыми умными книгами. Так что же мне делать? Неужели нет никакого выхода?»

Знакомый мотив, не правда ли?

Все то же ожидание чудодейственного исцеления, скоропалительный вывод об ограниченных возможностях своего интеллекта…

Что ж, и не только молодым свойственно ошибаться в оценке своих способностей. Но самое удивительное и вместе с тем огорчительное — ошибаться чаще всего в сторону их чрезмерного… занижения. «Где уж нам!», «Я человек маленький, какой с меня спрос?» — редко ли доводится нам сталкиваться с такими вот самоуничижительными заявлениями окружающих?

Иные пытаются таким наивным приемом оправдать свою элементарную личную леность, сонность духа; другие, очевидно, просто-напросто не знают масштаба своих истинных сил. Тогда почему бы не напомнить тем и другим о фактических резервах их интеллекта, неисчерпаемых возможностях духовного и физического развития личности?

И почему бы не сделать это на живом примере тех, о ком говорят уважительно, что они «состоялись», кто построил себя, свою л и ч н о с т ь сам, кто испытал радость самовоспитания и стал испытывать счастье полнокровного бытия?

Есть ли необходимость в публичном распространении такого опыта? Может быть, Сергей М. и другие авторы аналогичных признаний действительно обделены запасом способностей и потому помощь им — напрасная трата времени и сил?

Ничего подобного!

Лично у меня подозрения такого рода с некоторых пор вызывают жгучий протест. Не будем говорить о каких-то аномалиях, крайних случаях. Но что касается массы элементарно здоровых, нормальных людей, то все они, как утверждают ученые и как подтверждает живая практика, наделены от рождения недюжинными задатками, огромными потенциальными возможностями развития.

Разумеется, нужны определенные благоприятные условия, чтобы эти задатки «заговорили», проявились. Среди таких условий одно из первых мест, особенно в пору юности, занимает воспитание изнутри, то есть с а м о в о с п и т а н и е. Будущее человека, высота и дальность его жизненного полета в значительной мере зависят от собственного строгого спроса с самого себя в юношестве, от интенсивности тренировок сил, пусть поначалу даже и слабо выраженных по той или иной причине. Народная мудрость утверждает: каждый — кузнец своего счастья. Вспомним и другой полезный совет: куй железо, пока горячо. Иными словами: лепи свой характер, нужные качества, пока твоя внутренняя конституция податлива, подчиняется направленной перестройке, развиваема в лучшую сторону.

Вроде бы все здесь предельно ясно. Однако, чтобы постигнуть эту ясность, кому-то приходится пройти сложный, извилистый путь. Нередко молодые люди начинают рассуждать с «философского» конца: «Что толку от усовершенствования одной личности?», «Стоит ли заниматься самосовершенствованием, когда мир еще не во всем совершенен?» Такого рода вопросы задают они в письмах редакциям газет и журналов, видным ученым, поднимают на школьных и студенческих диспутах.

Что ж, даже такие, с виду «страшные» мысли правомерны в юном возрасте, они тоже есть отражение поиска истины, неизбежных раздумий о смысле жизни и ее ценностях, стремления к порядку в окружающем мире и в самих себе. Принципиальное значение имеет другое: к каким выводам приходят в этих случаях юные искатели правды, какую избирают линию поведения? Пассивную, бескрылую, упаднические, или, напротив, деятельную, активную, ведущую к созиданию собственной личности, к постижению великой радости творчества и наслаждению счастьем полноценного бытия.

Лучшими «подсказчиками» в отыскании правильного ответа на вопрос: «Каким быть?» могут служить сами судьбы людские, страницы чьих-то биографий, притягательный пример состоявшихся л и ч н о с т е й. Так же как и размышления на эту

тему великих мыслителей прошлого и настоящего. Вспомним, с какой страстной убежденностью настаивали Маркс и Энгельс на том, что призвание, назначение, задача всякого человека всесторонне развивать свои способности. Какой это требовательный призыв к самовоспитанию, к полному проявлению молодыми людьми всех своих творческих сил! А сколько накоплено прекрасных подтверждений осуществимости такого счастливого варианта бытия — не счесть!

Но все это надо захотеть увидеть. Не раскрыв глаза, не увидишь дорогу, не пройдешь по ней.

Не сочтите дальнейшие слова за авторскую самонадеянность, но книга фактов, которую вы сейчас держите в руках, вероятно, сможет помочь кому-то из юных читателей в более близком и относительно организованном знакомстве с реальной практикой

самовоспитания, с живым опытом развития способностей и прибавления сил. Убеждают обычно не столько рассуждения на избранную тему, сколько комментированные факты. Поэтому главная забота автора состояла в собирании и систематизации достаточного числа иллюстраций, содержащих важные уроки для тех, кто готовится вступить или только что вступил в большую взрослую жизнь.

Бесспорно, никто не может избежать на жизненном пути собственных проб и ошибок, обойтись без той науки, которая дается «шишками на лбу». И все же куда лучше, когда таких «шишек» и «синяков» на твою долю достанется по возможности меньше, когда бесценное время жизни уходит не на повторение старых, как мир, банальных, стандартных ошибок и не на пустые траты, а сберегается для энергичного движения к вершинам заманчивым, к целям значительным, для дел похвальных. В этом отношении опыт жизни замечательных людей прошлого и настоящего, людей не обязательно знаменитых, прославленных, но интересных своими характерами, устремлениями, свершениями духа — поистине бесценное богатство, самое дорогое наследство, оставляемое ими юным современникам и потомкам. Фактографический материал книги, как представляется, может дать молодому читателю пищу для серьезных размышлений о самом себе и подсказать ему собственный путь самосовершенствования.

Теперь, после такого авторского предпослания, вам остается решить для себя сугубо личный практический вопрос: стоит ли отдать несколько часов чтению настоящей книги?

Мне думается, что не обязательно или даже вовсе незачем читать ее тем, кто:

— обладает ярко выраженными способностями и эффективно реализует их в трудовой деятельности;

— способен глубоко чувствовать и эмоционально откликаться на события и явления окружающей жизни, вдохновен сам по себе;

— взявшись за какое-либо трудное дело доводит его до конца, то есть обладает сильной волей, характером;

— имеет прекрасную память от природы;

— способен к трезвому критическому самоанализу и умеет руководствоваться им в интересах саморазвития личности;

— научился контролировать свое время и распоряжаться им продуктивно, наилучшим образом.

Если всеми этими качествами, юные друзья, вы обладаете в полной мере и перед вами не стоит каких-либо трудных проблем самоутверждения, вы, вероятно, сможете обойтись без информации, содержащейся на страницах книги.

В свою очередь, ее могут отложить в сторону и те молодые люди, которые, без должных на то оснований, всем довольны в себе и не хотят стать лучше, чем они есть сегодня, даже если достигнут всего-навсего лишь минимума возможного. Таких, как правило, мало интересует пусть и самый благой, но «сторонний» опыт, им кажется, будто они все знают и понимают сами и могут обойтись без подсказа наставников.

Впрочем, и на эту категорию молодых людей — излишне самоуверенных — находит подчас просветление, и они начинают задумываться: а так ли живут-могут, как надо, как положено? Не отстали ли от сверстников и от времени в духовном развитии, в проявлении интеллектуальных и физических сил, в профессиональном мастерстве, в своей человеческой интересности? Пробужденная такой тревогой мысль обычно зовет к действию. В таком случае, собранные здесь факты подскажут что-то нужное и им.

А в целом книга обращена к широкой юношеской аудитории, прежде всего к жаждущим проявить себя в жизни наилучшим образом, к вечно неудовлетворенным собой, к ищущим, пытливым, заглядывающим вдаль. Для них написаны очерки, имеющие целью напомнить о безграничных человеческих возможностях, подсказать — ссылками на поучительные примеры — некоторые конкретные способы и доступные всем пути самосовершенствования личности и повышения качества жизни.

Несмотря на сквозную тему, книгу можно читать в любом порядке — каждый очерк более или менее самостоятелен, затрагивает какой-либо отдельный аспект общей проблемы. Самое важное, дорогое для автора, если после знакомства с книгой вы ощутите прилив сил, если у вас пробудится желание воспользоваться чьим-то опытом преодоления слабостей характера, если вы хоть на шаг подвинетесь к доступному всем подвигу самовоспитания, для которого вовсе не обязательно ждать чрезвычайных обстоятельств или особых условий, а напротив, можно начинать в любой час и день, чем раньше — тем лучше!

О ПОЛЬЗЕ РАННИХ НАЧАЛ

Есть такая бодрая песенка, в которой говорится: «…все у нас впереди…» Все впереди — лучшее слово и лучшее дело, самая звучная песня и светлая дорога, мечты и их свершения.

Оптимистичная, верная в своей основе мысль. Только если бы не понимали ее некоторые юные песняры по-своему, упрощенно: куда, мол, спешить, коли все впереди? Дождемся и мы своего звездного часа: проявим и покажем себя, свою молодецкую удаль, не обойдут и нас радости трудовых свершений. Ан, нет! Могут и обойти самой дальней стороной, если не готовить себя к этим свершениям смолоду, исподволь.

Заглядываю в свою картотеку, просматриваю снова и снова биографии людей, отличившихся в той или иной сфере деятельности, и не перестаю удивляться схожести некоторых черт характера большинства из них. И еще — схожести примера «самостроительства». Мы потешаемся над россказнями барона Мюнхгаузена о том, как он сам себя поднимал за волосы: такого-де быть не может. По законам элементарной физики — да, такого действительно не бывает. По законам человеческого духа — сколько угодно! Бывало издревле.

Вспомним ставшую хрестоматийной историю юного Демосфена, сумевшего путем настойчивых направленных тренировок преодолеть врожденное косноязычие и стать великим оратором своего времени. Вспомним нашего легендарного соотечественника Александра Суворова: хилый телом юноша так закаляет себя нравственно и физически, что становится способным к самым тяжким ратным и иным испытаниям, удивляет мир своими подвигами. Знаменитый американский изобретатель Эдисон и посейчас интересен всем нам не только созданием, многих технических приборов и устройств, но и неутомимой работоспособностью, удивительной сосредоточенностью на предмете своих изысканий. Именно таким путем опроверг он сложившиеся по его первым школьным неудачам представления маловеров. И сам Эдисон, пусть в шутку, однако не без веских личных оснований к тому, приписывал девяносто девять процентов успеха гениев их умению «потеть», то есть трудиться не покладая рук, не давая передышки уму. Он научился делать это классически, послужив примером для множества других людей.

Еще чаще примеры целеустремленного развития юношами и девушками своих способностей и положительных качеств характера мы можем встретить сейчас, в окружающей нас

советской действительности, когда образование стало общедоступным и обязательным, когда обществом созданы благодатные условия для всестороннего, гармонического развития личности, когда забота о подрастающем поколении стала важнейшим государственным делом. Однако использование этих благоприятных возможностей остается в значительной мере делом собственной инициативы каждого подростка. И самая полноводная река не утолит жажду путника, пока он не спустится на берег и не прильнет губами к живительному источнику.

Настоящая глава отдана документальным свидетельствам целесообразности и практической осуществимости «ранних начал» в самовоспитании личности, заблаговременном развитии и совершенствовании способностей. У меня нет колебаний — кем открыть перечень тех, кто начинал «строить» себя рано, с детских лет. Это мальчишка, о котором я узнал совсем недавно из небольшой газетной публикации и сразу проникся глубоким чувством интереса и уважения. В моем представлении этот юный гражданин олицетворил собой пример того, как надо жить с младолетства, с чего начинать мостить дорогу в будущее.

Предоставлю слово очевидцу событий и первооткрывателю нашего героя писателю Юрию Валентиновичу Трифонову, известному широкой читательской аудитории по романам «Студенты», «Утоление жажды», «Нетерпение». Интерес и склонность к литературному творчеству Юрий Трифонов проявил необычно рано, еще в школьные годы; быстро стал печататься и уже в двадцать шесть лет заслужил звание лауреата Государственной премии — случай в этой области деятельности редкий. Как считает писатель, на выбор им жизненного пути и формирование жизненных представлений определенно повлиял в детстве навек покоривший воображение сверстник Лева Федотов.

> «С мальчишеских лет Лева бурно и страстно развивал свою личность во все стороны, он постоянно поглощал все науки и искусства, все книги, всю музыку, весь мир, точно боясь опоздать куда-то. В двенадцатилетнем возрасте он жил с ощущением, будто времени у него очень мало, а успеть надо невероятно много…
>
> Он увлекался многими науками, в особенности минералогией, палеонтологией, океанографией, прекрасно рисовал, его акварели были на выставке, печатались в журнале «Пионер», он был влюблен в симфоническую музыку, писал романы в толстых общих тетрадях в коленкоровых переплетах. Кроме того, он

> закалялся физически, владел приемами джиу-джитсу и, несмотря на врожденные недостатки — близорукость, некоторую глухоту и плоскостопие, — готовил себя к далеким путешествиям и географическим открытиям…», —

так вспоминает о своем школьном друге Юрий Трифонов.

Не распылялся ли Лева Федотов по своим увлечениям? Думается, нет. Ведь в фокусе всех его устремлений находила отражение внутренняя потребность растущей личности к гармонии способностей, к познанию природы разных видов деятельности, к владению разносторонними навыками. Трудно сказать, кем бы стал в конце концов Лева: по своим интересам и накопленным силам он вполне мог бы стать и ученым, и писателем, и художником, и музыкантом и еще кем-то по собственному выбору. И если сегодня не все из нас знают его имя, это не вина самого юноши — он погиб на фронте в 1942 году.

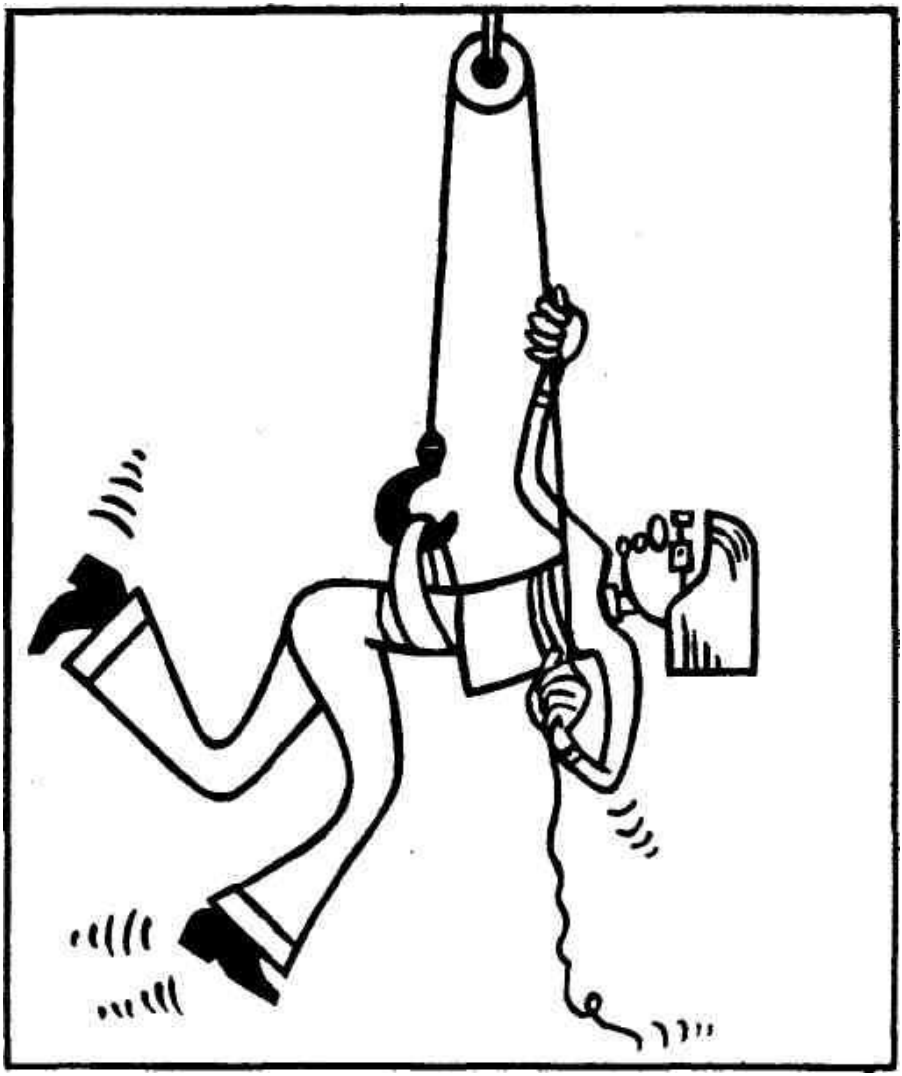
Глубоко ошибается тот, кто подумает, будто Леву окружала в детстве какая-то особая обстановка, благоприятствовавшая развитию разносторонних интересов и способностей. Напротив, детство его было тяжелым: он рано остался без отца, а мама занимала скромную должность театральной кассирши. Откуда же такой порыв к интеллектуальному и физическому самосовершенствованию? На этот вопрос в чем-то отвечает живой свидетель происходившего Юрий Трифонов:

> «Вся глубинная Левина страсть, все его увлечения, поиски, жадность к жизни, наслаждение плодами человеческого ума исходили из внутренней потребности самопознания и самостановления. Поскорее определить себя в безбрежном великом море! Тут не было никакого подталкивания извне! По сути дела, этот мальчик всему научился сам».

Сам!

Какая великая чудодейственная сила заключена в этом коротеньком слове… Скольких людей вывело оно на верную дорогу…

До удивления похоже строил себя другой мальчишка — Володя Мазепус из Свердловска. Вовсе не вундеркинд по рождению, ничем не выделявшийся в младших классах, он уже в пятнадцать лет стал сотрудником Института ядерной физики. А началось все вроде бы с самого что ни на есть пустяка, случайного повода.



Одиннадцатилетний Володька увидел как-то на обложке популярного журнала изображение веселого человечка, у которого из кармана торчала тетрадка со знаком интеграла. Мало ли кому попадала на глаза та картинка: смотрели и тут же забывали о ней. А наш юный герой решил докопаться до тайны этого математического знака, постигнуть его скрытый смысл. Помочь могли только вузовские учебники, и пятиклассник дерзко взялся за них. Ничего поначалу не понимая в формулах и пояснениях, пробираясь сквозь них, будто через дремучий лес, он однако упрямо ломился вперед. Не так-то просто оказалось освоить основы дифференциального и интегрального исчислений без предварительной подготовки — орешек он тогда до конца не разгрыз, но вкус к математике и физике, к науке вообще, определенно почувствовал.

В шестом классе Володя оторвался от школьных программ и жадно поглощал пособия для студентов, открыв для себя новую радость — радость познания труднодоступных материй. К одному звену приваривалось другое, а там и третье, вытягиваясь в длинную цепь новых увлечений и открытий. Вдруг проснулась душа к музыке — и зазвучало в квартире долго молчавшее старое пианино. Потом пришло время скрипки — показалось, что ее звуки точнее и сильнее выражают переполнявшие его чувства. В ту же пору увлекся спортивным фехтованием, затем — изучением древнего языка, а отсюда сам собой перекинулся мостик к этнографии и истории…

Новые увлечения имели конкретную точку отсчета: перечитал многократно роман Ефремова «Туманность Андромеды» — захотелось сочинить музыку на ее космический сюжет; увидел однажды фехтовальщиков в красивых белых костюмах — не успокоился, пока не приняли в секцию; сообщения о запусках первых спутников подтолкнули к конструированию собственной ракеты…

Здесь надо сказать, что Володе удивительно повезло на друзей — они оказались такими же фантазерами-реалистами, такими же увлекающимися — не на миг, а всерьез — натурами. Вроде бы в полуигре, сами того не замечая, ребята обогащали друг друга знаниями, культурой, нравственными ценностями. Володя самостоятельно осилил программу восьмого класса, его примеру последовали в девятом коллеги по «секретной космической лаборатории», дислоцировавшейся на ближайшем к дому пруду. Каждый уже в школьные годы нашел себя, свою профессиональную дорогу.

Писатель Симон Соловейчик, заинтересовавшийся историей этой «великолепной пятерки», выделил из нее Володю лишь из «тактических» соображений, поскольку на примере одного конкретного подростка можно обстоятельнее проследить путь и способы саморазвития личности. Исследовав, изучив мир Володи Мазепуса, писатель приоткрыл нам завесу над природой таланта молодого человека и первопричиной его успеха:

> «Часто говорят: талант — это труд. Но мы склонны воспринимать эту истину удобным для себя способом: дескать, вот если бы у меня был талант, я тоже трудился бы, не давая себе отдыха. Однако талант не только не может проявить себя без огромного труда, а сам есть результат труда, напряженной, изнуряющей тренировки, упорства в решении всяческих «почему» — даже тех, что кажутся непреодолимыми».

В этом суждении, подсказанном писателю совершенно конкретным случаем торжества любознательности и силы воли, нетрудно разглядеть схожесть с наблюдениями и выводами многих ученых, специально или попутно занимавшихся исследованием природы проявления способностей, размышлявших над тайной человеческого «я». Вот несколько характерных их афоризмов-постулатов на этот счет:

«Упражнением можно добиться всего», —

категорически утверждал древний грек Периандр.

«Свои способности человек может узнать, только попытавшись приложить их», —

подсказывал еще в начале новой эры римский философ Сенека Младший.

«Неусыпный труд препятства преодолевает», —

это уже наш российский титан Михайло Ломоносов.

«Не в том дело, что способности проявляются в деятельности, а в том, что они создаются этой деятельностью», —

такова отправная мысль выдающегося советского психолога Б. М. Теплова, весьма важная в понимании того факта, что развитие человека происходит в труде и никак иначе.

В подобной схожести суждений ученых — правда жизни. Нет и не может быть другого более надежного и реального средства развить свои способности, как постоянно самому искать ответ на загадки открывающегося перед тобой мира; мечтая — действовать, самому закладывать фундамент трудоспособности, опираясь на который потом легче будет заниматься чем-то главным, определенным, делом всей жизни.

Вернемся в связи с этим к письму Сергея М. Не увидит ли он выход из своей «беды» в заимствовании опыта Левы Федотова и Володи Мазепуса? В повторении их опыта труда, опыта настойчивости. Ведь, сам того не замечая, Сережа дал основание усомниться в его усидчивости или упорстве. Вспомним строки письма: «Я за многое п р о б о в а л браться, но о ч е н ь с к о р о убеждался в своей бездарности». Значит, он и не брался вовсе, а только пробовал браться. И уточняющая фраза «очень скоро убеждался» тоже говорит не о серьезной пробе и тренировке сил, а лишь о видимости пробы.

А чего стоит его скоропалительный вывод: «сколько ни просиживай над умными книгами, все равно останешься серостью»? Нет, над умными книгами надо именно просиживать, да так, как это делал, например, тот же Володя Мазепус: двадцать семь раз(!) над «Туманностью Андромеды» — чтобы понять то, что не было понято сразу, чтобы острее пережить подвиг и драму героев. И над вузовскими учебниками корпел до глубокого утомления — чтобы удовлетворить неуемную мальчишескую любознательность. И выучил наизусть «Евгения Онегина» — для тренировки памяти. А отдача пришла уже потом, несколько позднее, когда знания накопились, когда умственной энергии прибавилось, когда силы наросли, будто крылья у молодого орла.

Может быть, узнав и поняв это, Сергей перестанет плакаться на свою, как он ошибочно считает, «серость» и уже сегодня, в свои школьные годы, начнет больше и строже спрашивать с самого себя?

Время торопит. Психологи утверждают: каждый год, потерянный в подростковом или юношеском возрасте для учения, науки, самовоспитания, равен нескольким годам в более старшем возрасте, когда многое дается труднее. Развитие памяти, внимания, других общих и частных способностей происходит в школьном, особенно раннем возрасте значительно интенсивнее, чем в послешкольном периоде. Значит, надо тренировать и укреплять смолоду не только мышцы тела, но и ум, характер, волю.

Не может быть и никогда не будет, Сережа, чтобы, проснувшись однажды, ты вдруг обнаружил себя совсем иным, чем был вчера, укладываясь спать: мудрым и сильным, эрудированным и духовно красивым, словом, всесторонне одаренным, как ты, судя по всему, хочешь. Для такого «пробуждения» нужны собственные усилия.

Оставим в покое гениев — за всю историю цивилизации к их когорте причислено всего лишь четыреста человек. Неизмеримо больше людей, называемых талантливыми, одаренными. Но все они в один голос утверждают: талант — не золотая рыбка, случайно попавшая в сеть рыбака, не счастливый выигрыш по лотерейному билету, а нечто сотворимое.

«Истинный талант — это непрерывное усилие», —

заявлял прекрасный французский художник Жан Ренуар.

«Талант — это все же, наверное, способность бесконечно трудиться», —

размышляет один из крупнейших математиков наших дней академик Михаил Алексеевич Лаврентьев.

> «Таланты можно развивать трудом, упражнением и наблюдением высших образцов», —

подсказывал замечательный советский хирург и ученый Сергей Сергеевич Юдин.

Можно было бы продолжать до бесконечности реестр подобных высказываний, мыслей тех, кто познал цену и итог труда на собственном опыте.

Цену и итог труда…

Постарайтесь вспомнить, откуда, из какой книги взяты вот эти строки:

> «Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, что хлеб добывается только в поте лица… тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдутся воля и силы для их свершения»?

Подскажу: так характеризует Жюль Верн пятнадцатилетнего капитана Дика Сэнда, который «был уже взрослым, когда его сверстники оставались детьми».

Сейчас от подростков вовсе не требуется преждевременно взрослеть ради хлеба насущного. Но и затягивать становление личности, ее возмужание, взросление, тоже нет никакого резона: инфантильность, бездеятельность в юные годы непременно обернутся против человека, отрицательно скажутся на нем в самом недалеком будущем. Ленивыми не рождаются. Неудачников от природы не бывает. По меткому замечанию одного из современных поэтов, неудачник — это человек, который приложил мало сил для достижения значительной цели. И действительно, именно о том свидетельствуют горькие судьбы многих мнимых пасынков «рока».

Все это вроде бы прописные истины. Но как быть, если пока еще не каждая пропись служит руководством для каждого молодого человека? Ведь тот же Сергей М., как мы уже знаем, далеко не одинок в своем бесплодном пассивном ожидании сниспослания дара способностей, в несправедливой обиде на судьбу. Вот и приходится — ради счастливого будущего юных граждан — повторять и повторять эти простые сложные истины.

К ДЕЙСТВИЮ — ЧЕРЕЗ САМОПОЗНАНИЕ

Итак, одни вздыхают, другие — действуют. По примеру последних вы тоже решили заняться самосовершенствованием, выявлением своих сил?

Прекрасно!

С чего начнете?

Стартовых вариантов, конечно же, великое множество, и почти любой из них может привести вас к достижению цели, успеху или, по крайней мере, к решению какой-либо частной задачи.

Скажем, существует так называемый метод проб. Иначе говоря, проверки себя на разных оселках. Неосознанно им пользуются очень многие подростки, причем с немалой пользой для дела. Особенно заметна эффективность этого метода «поиска себя» при решении вопроса о выборе профессии, основного жизненного занятия.

В чем он заключается? Постараюсь показать на примере одного хорошо мне знакомого юноши.

В младших классах Алешка характеризовался учителями примерно так: парнишка умный, эрудированный не по летам, но вместе с тем несобранный, на уроках часто отвлекается, занимается чем-то своим, сокровенным. Действительно, фантазеру и мечтателю Алеше явно недоставало сознания важности школьных занятий, а еще больше — силы воли. Корпеть над трудными задачками, заниматься «скучными» материями откровенно не любил, выполнял задания наспех, кое-как. Отсюда и успехи оказывались из четверти в четверть ниже ожидаемых, возможных. Около средних, не более.

Похоже, что Алеша постоянно жил второй, важной для него жизнью, отдавал ей много дум, энергии. Вдруг увлекся коллекционированием цветного камня. Походы с отцом в заброшенные карьеры, на рудники, посещение геологических музеев, клубных занятий, чтение популярной литературы — и вот десятилетний мальчишка как равный разговаривает на эту специальную тему со взрослыми знатоками-любителями, удивляет познаниями даже геологов. Будет рудознатцем?

Как бы не так. Позанимался цветными камнями годика три и остыл напрочь к своей первой глубокой привязанности. Собранная богатая коллекция красивых минералов была отправлена в чулан, а Алешка отдался новому увлечению: лепке.

Только из школы — ив свой уголок. Часами кропотливо выстраивал фантастические, но всегда исполненные практического смысла сооружения, разыгрывал вокруг них умопомрачительные баталии. Дедушка тайком от внука отнес один из сказочных замков на школьную выставку работ юных умельцев — экспонат оценили высоко, присудили диплом, оставили в постоянной экспозиции. Однако года через полтора закончился и «пластилиновый период» в Алешкином творчестве. На смену пришел «ракетомодельный».

Этот период оказался самым коротким по времени — до первых соревнований. Что-то в ракете сработало не так, парашютик раскрылся не полностью, малая продолжительность нахождения модели в воздухе шансов на призовое место не оставила — и… Больше Алексея в кружке не видели.

На лето отец определил Алешку в спортивный лагерь юных ориентировщиков. Расчет был хитрый: занятия ориентированием на местности хорошо укрепляют физически, развивают выносливость, воспитывают волю, приучают к внимательности, собранности действий — как раз то, что надо. Хорошим ориентировщиком Алексей, однако, не стал: не привлекло его беганье по лесам. А вот к воде в лагере прикипел. Готов был целыми днями прыгать, как Тарзан, с прибрежных деревьев в озеро, нырять, плавать.

Раз так, на зиму родители определили сына в плавательную секцию. Первоначальную программу прошел, элементарно стили освоил, но соревновательного духа (или силенок?) опять не хватило. Что оставалось делать тренеру?

И все же занятия в бассейне не прошли для Алеши впустую: плавать-то прилично он научился. Здесь состоялось, и первое знакомство с аквалангистами, имевшее для него важные последствия.

Два предпоследних школьных года (восьмой и девятый) Алексей отдал новому увлечению: занятию в школе юных танкистов, работавшей на базе местного военного училища. И тут у него обнаружились определенные способности к познанию и практическому владению техникой. Его явно привлекала и романтика военного дела. Открылась прямая дорога к профессии? Не так все просто бывает порою в жизни. Ниже призывной нормы оказалось зрение, и мысль о танковом училище пришлось оставить.

Тогда-то (уже в десятом классе) ищущая натура Алексея обратила его к подводному спорту, к аквалангистам. С увлечением отдался тренировкам в бассейне, огромное впечатление на него произвел первый спуск под лед на

глубоководном озере. Кто-то не выдержал этого экзамена на смелость и выдержку, на умение работать под водой, а у него обошлось как нельзя лучше. Вдохновленный первыми успехами, занялся совершенствованием своего подводного снаряжения, в том числе и конструированием гарпунного ружья. Дело в том, что стрелки-подводники предпочитают пользоваться не покупным, упрощенным оружием, а более надежным и сильным. А где его возьмешь? Значит, надо изучать специальную литературу, чертить, рассчитывать, точить детали на станке, подгонять…

Тем временем подошла пора выпускных экзаменов. Прощай, школа! А куда дальше? Новое увлечение родило мысль об океанологии, об участии в изучении подводного мира морей. Захватили описания заманчивых странствий и дел Жака-Ива Кусто, Клода Риффо, Жоржа Уо, первых советских аквалангистов-исследователей. Но как быть, если живет Алексей, как в песне поется, «в середине России, на уральской стороне»? И есть обстоятельства, которые не позволяют ему поехать сейчас учиться в Ленинград или Владивосток…

Не всегда прямой путь оказывается более коротким, быстрым, чем окружной. На семейном совете принимается решение: Алексею нужно идти в политехнический институт на факультет автомобильного транспорта. Интерес к самодвижущейся технике проверен? Проверен. Общие инженерные познания факультет дает? Дает. Переориентация в будущем на иную область труда возможна? Возможна. Такое бывает не только по личному желанию специалиста, а и в силу производственной необходимости, новых требований технического прогресса.

Первый же институтский год серьезно проверил Алексея на зрелость духа, взрослость. Все же сказывалось неумение сосредоточиваться на предметах обязательных, но с его точки зрения малоинтересных; недоставало самодисциплины, воли в преодолении неизбежных трудностей. Бывали и тягостные срывы, посещало и разочарование от неурядиц с выполнением учебного плана.

Но все время впереди светила мечта об Океане. И другого пути к ней, кроме как через инженерную специальность, в данном конкретном случае не существовало. Надо было переламывать свой характер, свою несобранность, податливость к романтике в ущерб исполнению дел, может быть, и действительно не очень увлекательных, но оттого не менее необходимых. Этот процесс шел медленно, иногда даже мучительно, но шел.

Занимаясь в институте, не порывал связи с аквалангистами. Побывал с ними на Балтике. Но самое сильное впечатление произвели поездка на берега Тихого океана, погружение в его

воды…

Еще раньше родилась, а теперь окрепла дерзкая идея: самому сконструировать малогабаритную лодку и на ней поработать в будущем в прибрежных глубинах. Нужны кораблестроительные знания? Что ж, засядем за специальную литературу. И тут надо отдать должное преподавателю электротехники: он разрешил сдавать курсовую работу по предложенной Алексеем теме — «Электрическая часть подводного судна». Хотя эта тема никакого отношения к профилю факультета не имела, наставник откликнулся на инициативу студента, мудро решив: чтобы доказать состоятельность своих знаний, тому придется потрудиться еще больше, чем над обычным проектом. Так оно и получилось. А вместе с тем состоялся еще один шаг к мечте.

Надо сказать, что на этот раз, к чести юноши, далекая мечта не заслонила собой первоочередных забот и обязанностей. Больше внимания стал уделять «нудным» теоретическим дисциплинам. И уж совсем неплохо показал себя как автомобилист-эксплуатационник в периоды студенческих производственных практик. На машинах работал с удовольствием и умело, не тяготясь трудностями этого дела.

В конечном счете он соединил два интереса: стал инженером-механиком подводного обитаемого аппарата. Однако сейчас важно другое — исследование «технологии» метода проб и его оценка. Мне, как человеку, близко наблюдавшему за поведением и действиями Алексея на протяжении всех его школьных и студенческих лет, видится, что ни одно из тех многочисленных увлечений, которым он отдавался, в общем-то не проходило для него бесследно, впустую, а напротив, чему-то учило, от чего-то заставляло отказываться загодя, приоткрывало новые горизонты, рождало потребность проверять силы и дальше, искать с в о е место в общем трудовом строю.

И все же у этого метода подготовки к жизни есть и определенно слабые стороны. В своем чистом виде (хотя такое бывает редко) он постоянно сводится к альтернативам: «нравится — не нравится», «привлекает — не привлекает», «получается — не получается», «хочу — не хочу», «стану — не стану» и т. д. То есть идет не всегда ярко заметное, однако вполне очевидное приспособление к обстоятельствам, происходят уступки своим слабостям, а то и прихотям. Посмотрите, с какой поспешностью отказывался Алексей от тех дел, которые казались ему трудными или малоинтересными. Но ведь в жизни-то приходится заниматься делами и трудными, и не всегда увлекательными, а будничными. И необходимость преодолевать препятствия выпадает на долю каждого. А значит, и готовиться к

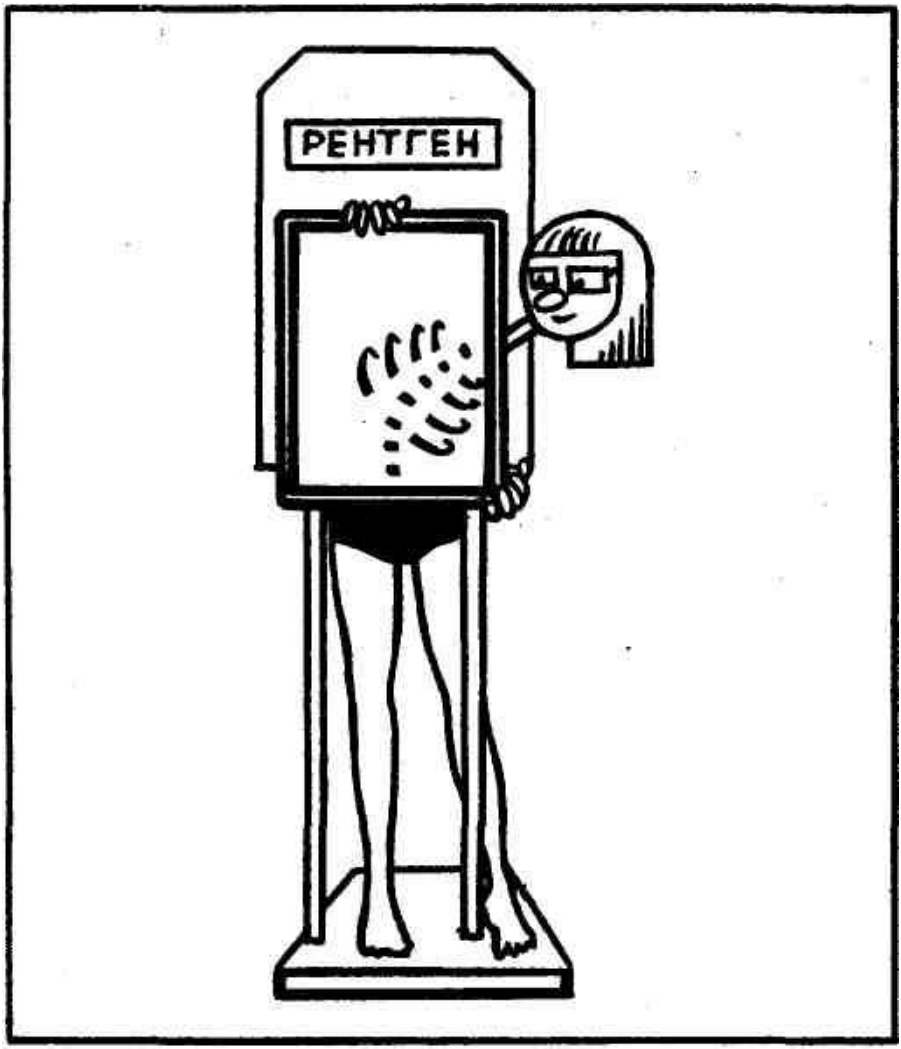
этому надо заранее…

Кто-то из подростков, юношей и девушек начинает такую подготовку с того, что подвергает критическому разбору свое собственное «я», свой характер, качества души, то есть с самооценки, самопознания. И правильно поступает. Чтобы всерьез заняться самовоспитанием, надо прежде всего иметь более или менее отчетливое представление о своих недостатках и достоинствах, слабых и сильных сторонах, и тогда, опираясь на положительные качества, постараться преодолеть отрицательные.

Интересно и поучительно высказывание на этот счет Николая Островского.

> «Для самовоспитания, — писал он, — надо прежде всего призвать самого себя на собственный суровый, беспристрастный суд. Следует ясно и точно, не щадя своего самолюбия… выяснить свои недостатки, пороки и решить раз и навсегда, буду ли я с ними мириться или нет, необходимо ли носить эту обузу за своими плечами или я должен выбросить ее за борт».

Собственный суровый, беспристрастный, не щадящий своего самолюбия суд… Те, кто оказываются способными к нему, много выигрывают, если, конечно, не опускают руки после такого «рентгена», а напротив, засучивают рукава и принимаются счищать с себя и мелкую ржавчину, и более опасную скверну. Так, например, как сделал это в свое время один ленинградский юноша.



Теперь он уже взрослый человек, штурман дальнего плавания. Окружающие считают его — и заслуженно! — интересной и сильной личностью, прекрасным специалистом. А мог бы остаться безвольной щепкой, не осознай однажды ущербности подобного состояния. Он вспоминает: впервые что-то понял в себе лишь тогда, когда вдруг увидел, как воспринимают его окружающие, стал слышать (а не просто слушать!), что они говорят ему в упрек. Вот его честный рассказ:

> «В детстве я был ершистым, на всех обиженным цыпленком. В десятом классе устроил грубую сцену учительнице, повиниться, однако, не захотел и потому вынужденно простился со школой. Но зато обнаружил в себе… дурака. Не улыбайтесь, до этого надо тоже дорасти. Тут-то и набросился на книги, стал жадно

выписывать, как бы присваивая, мудрые мысли других! Кстати, афоризмы собираю до сих пор. Полезно! Но если бы осознать это раньше, а не тогда, когда шишками на лбу «изобрел велосипед»…

Главный вывод из собственной истории, к которому пришел этот человек, таков: «Никто не сделает меня человеком, пока я сам не захочу им стать».

Верный вывод.

Только обязательно ли надо приходить к нему таким мучительно трудным путем?

Вот еще один из конкретных примеров самовоспитания характера, преодоления скверны в нем. Молодой человек однажды обнаружил, понял, что чувство страха у него гипертрофировано, обострено до той опасной степени, при которой он может оказаться способным на компромиссы с совестью, даже на унизительное бездействие. Это было одним из первых его нравственных открытий — осознание унижающей природы и возможных тяжелых последствий непреодоленного страха. Именно непреодоленного, так как страх сам по себе естествен, порою просто неизбежен в критических ситуациях. Когда понял психологию страха, ему легче стало понять и причину постоянно испытываемого унижения перед людьми и перед самим собой. А вслед затем в нем пробудился действенный протест против слабости собственного духа.

От понимания беды — к принятию решения о сопротивлении внутренним недостаткам, их преодолению. Впрочем, пусть и здесь расскажет, как все происходило, само действующее лицо:

> «В борьбе со страхом я осуществил целую систему сознательных «спецтренировок». По пятнадцать-двадцать километров ходил ночами по волчьим тропам, по бездорожью. Переплывал, опять же ночью, в безлюдье, множество рек, в том числе Кубань под Армавиром, Амур… Прыгал с парашютом, причем с задержкой, когда и без нее-то поджилки тряслись. Но зато чего стоит это ощущение власти над собой и обстоятельствами!»

Преодоление страха стало не единственным пунктом в программе самовоспитания. Молодой человек начал борьбу с укоренившейся привычкой ко лжи («Я слишком много лгал в детстве»), с ленью, взяв и эту свою черту под сознательный контроль: «Приказывал себе выполнять самую неприятную работу и вообще работать больше, чем хотелось бы. Учился подчиняться тогда, когда сам мог командовать».

Итог?

Прекрасный! Вот чем:

> «Какое же это чудо в, казалось бы, безнадежной лотерее — игре природных сил, мне выпал невероятный выигрыш — стать человеком!»

Самооценка — постановка цели — выработка методики достижения ее — действие — результат… Такова обычная схема самовоспитания. Пользуются ею сейчас точно так же, как пользовались еще в стародавние времена. За фактами и здесь дело не станет.

Американский просветитель восемнадцатого века Бенджамин Франклин еще в юности составил для себя свод заповедей поведения, которым решил следовать всю жизнь. Бенджамин взялся выработать в себе такие качества и черты характера, как трудолюбие, справедливость, решительность, скромность, чистоплотность, целомудрие, правдивость и другие «повседневные добродетели», как он их называл. Как? Методом планомерных упражнений.

Каждую неделю юноша старался строго следовать одному из пунктов своей программы, контролируя собственное поведение. На всю программу, состоящую из тринадцати заповедей-принципов, уходило три месяца. Затем все начиналось сначала. Длилась эта работа несколько лет, пока намеченные им ориентиры-правила поведения не вошли в привычку, не стали сутью характера.

Классические примеры самовоспитания явили миру Антон Павлович Чехов и Лев Николаевич Толстой. По признанию Антона Павловича, он всю жизнь вытравлял из себя раба. Имеется в виду — раба обстоятельств, условностей буржуазного мира, собственных недостатков. И в конце концов, сделал себя таким человеком, каким задумал. В одном из писем брату Николаю Антон Павлович изложил педагогический метод, кодекс правил, которому следовал всю жизнь:

> «Тут нужны беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля… Тут дорог каждый час…»

Не прекращающуюся ни на один день борьбу с самим собой, со своими слабостями, со своей, как он считал, ленью вел Лев Николаевич Толстой. И чем больше повышал свою работоспособность, тем больше требовал от себя. Он тоже неукоснительно следовал правилам, выработанным еще в

молодости. Вот некоторые из них:

> «Каждое утро назначай себе все то, что ты должен делать в продолжение целого дня, и исполняй назначенное».
>
> «Будь верен слову своему».
>
> «Ежели ты что-нибудь делаешь, то напрягай все свои телесные способности на тот предмет, который делаешь».
>
> «К каждому делу необходимому, но к которому чувствуешь отвращение, приступай как можно быстрее».

Один из девизов Толстого:

> «Заставь свой мозг каждую минуту работать со всей силой, на которую он способен».

Почему бы не последовать этому замечательному призыву и приведенным выше правилам Сергею М. и тем из его сверстников, что удрученно расписываются в своей «бесталанности»? Но прежде всего им надо — повторяю и подчеркну это еще раз — поверить в себя, в свои силы, в возможность тренировки ума и воли.

К слову заметить, многие выдающиеся педагоги прошлого и настоящего в своих новаторских педагогических приемах отталкивались от убеждения в необычайной пластичности интеллекта и характеров детей и подростков, богатстве врожденных способностей и больших возможностях их активного развития через интенсивный содержательный учебный труд. При всем разнообразии применяемых такими учителями конкретных методов и приемов обучения и воспитания, они приходят к одинаковому результату: все их ученики несмотря на индивидуальные различия в задатках, оказываются достаточно способными к овладению теми или иными школьными предметами, вполне успевающими по ним.

Приведу пример. Живет и работает в Донецке учитель Виктор Федорович Шаталов. Так вот, у него нет неуспевающих, *все без исключения* ученики постигают математику, физику, астрономию и электротехнику только на «отлично» и «хорошо» — в основном на «отлично». Не будем сейчас вдаваться в особенности учительского метода Шаталова, скажем лишь, что он так определяет свой главный педагогический принцип: вселить уверенность подростка в свои силы, сделать его раскованным, увидеть в нем полноценного, способного к творчеству, серьезного человека.

Но ведь такими могут увидеть себя и сами подростки, юноши и девушки, тот же Сергей М. Тогда и дело двинется быстрее, лучше. Не так ли?

Об интересном случае, повлиявшем на ее представление о возможностях школьников, рассказывала одна из начинающих учительниц:

> «Шел мой первый урок, и я очень волновалась. Вызвала ученика. Отвечал он плохо, еле вытянул на тройку. Но я ошиблась квадратом в журнале и поставила ему пятерку, которую надо было поставить совсем другому. А журнал считается документом, исправлять в нем нельзя! И я сказала этому ученику: вот что, в следующий раз спрошу у тебя все, что проходили. Когда я его снова вызвала, то очень удивилась: так хорошо он отвечал! Я целый урок его спрашивала и поставила пятерку — теперь уже в дневник.
>
> В чем же дело?
>
> Оказалось, что этот ученик по математике никогда больше тройки не получал и просто потерял веру в себя, в свои возможности. Это был для меня действительно первый урок. Я поняла, что любой человек при желании, при трудолюбии, при вере в свои силы может учиться на «отлично».

Все тот же урок счастливого учения: желание, трудолюбие, вера в свои силы.

Сергей М. завидует тем, кому все дается легко, как бы само собой. Обманчивая зависть. Во-первых, всегда ли он видит, каким соленым потом дается эта, часто кажущаяся, легкость? Во-вторых, легкие победы — необычайно коварная вещь. Сколько молодых людей, подававших в школьные годы большие надежды и уверовавших в свою природную одаренность, очутились в какой-то час у разбитого корыта. И все потому, что оберегали ум, волю, сердце, мускулы от нагрузок, от тренировок на верхнем для них пределе. Не покажется ли вам поучительной на сей счет история, рассказанная читателем одной из молодежных газет в ответ на очередное письмо-призыв о помощи «бесталанному» человеку:

…Жили-были две девочки, две подруги — Таня и Ира. Несколько лет учились вместе, крепко дружили, хотя были непохожи одна на другую.

Ирина была воплощением таланта, по определению восторженных родственников, — «всесторонне развитым ребенком». У нее были способности к пению и рисованию. Она хорошо играла на фортепьяно.

Таня гордилась своей подругой и втайне завидовала Ирине: она не имела и малой доли таких талантов. К пианино, с трудом купленному родителями, подходила со страхом и каждый раз тихо, чтобы не слышала мама, плакала: пальцы не слушались ее. Нетрудная музыкальная вещь, которую Ирина разучивала за час, стоила Тане напряженного трехдневного труда. Зато сколько радости было у девочки, когда она смогла без нотных записей играть несложные произведения Чайковского, Баха, Глиэра. Глядя на нее, Ирина удивлялась:

— Не понимаю, чему ты радуешься? Подумаешь, песенку разучила…

Ире не знакома была радость труда. Схватывая все на лету, она довольствовалась тем, что имела, и не делала усилий, чтобы иметь больше. Таня упорно двигалась вперед, делая все новые и новые успехи, а Ира, несмотря на богатство способностей, застыла на «мертвой точке».

Почему произошло такое? Почему талантливая от природы девочка стала посредственностью?

Ответ, думается, ясен: способности обладают свойством не только «разгораться», но и «гаснуть», если не задается им постоянная тренировка.

Однако у этого ответа есть и продолжение. Его вы сможете уловить из рассказа биофизика, доктора медицинских наук, профессора Челябинского медицинского института Романа Иосифовича Лившица:

— Если бы я стал перед выбором, кого принять на работу: очень способного или человека без выдающихся способностей, но трудолюбивого и настойчивого, я бы, наверное, предпочел второго. У нас нельзя жить на одном вдохновении, нужно уметь после неудач, какие бы они ни были, не разочароваться, не впасть в истерику, а продолжать эту тяжелую, кропотливую работу во имя поиска, во имя открытия. Почти все мои сотрудники — бывшие студенты нашего медицинского института, по общепринятым меркам — самые обычные люди, отнюдь не «сверхчеловеки». Но свои многотрудные обязанности по научному поиску они исполняют достойно, наилучшим образом и результатов достигают значительных.

Любопытен один из фактов биографии самого Романа Иосифовича. В восьмом классе он поспорил с товарищем, что программа девятого слишком проста. И чтобы окончательно убедить его, сдал летом экстерном экзамен за девятый, сдал на «отлично». Правда, когда осенью Роман пришел в десятый класс, то понял, что знания его недостаточно глубоки и прочны, пришлось здорово потрудиться, дабы не дискредитировать себя в

глазах сверстников и учителей. Да и профессором Лившиц тоже стал «досрочно» и считает, что в этом ему очень помогла после института служба в армии полковым врачом — научила дисциплине, организованности, ответственному отношению к порученному делу.

Продолжая тему «Таня — Ира», надо сказать еще и вот о чем: немалое число людей, несомненно одаренных, не испытывают радости от тех дел, что даются легко, без видимых усилий. Известный французский поэт Поль Валери, возведенный соотечественниками в ранг «бессмертных», признавался:

> «Я не придаю никакой ценности тому, что мне ничего не стоит. Такая легкость мне всегда подозрительна и даже неприятна. Когда ничто меня не останавливает, я вскоре начинаю испытывать ощущение, что ничего не делается».

Вот ведь как: одни боятся трудностей, пасуют перед ними, другие опасаются легких побед, движения без борьбы. Заметим однако: дерзают плыть против волн отнюдь не одни лишь «бессмертные», а самые простые люди из числа тех, кто трудится бок о бок с нами.

Одну из московских школьниц спросили: какие свои желания выполнила бы она, если бы стала волшебницей, наделенной могучей силой и властью? Она ответила: «Очень хочу знать эту проклятую алгебру, наперекор Илье Васильевичу, который мало верит в меня; знать очень хорошо, даже лучше всех. Но только добиться этого собственными силами, без волшебства». И надо отдать должное девушке: она закончила школу без троек, без осечки поступила в институт и обошлась во всем этом без «чудодейственной» помощи, одним собственным старанием.

Да, особого уважения заслуживают люди, сознательно ставящие перед собой заведомо трудные жизненные, профессиональные цели и достигающие их вопреки сложившимся обстоятельствам. Вот еще один пример из этого ряда.

Среди лауреатов Государственной премии есть человек, послуживший прообразом главного героя «Повести о юности» Григория Медынского. В школе он был энергичным мальчишкой, подвижным и общительным, но в учении тянулся в основном на тройках. И тем не менее после десятилетки пошел в горный институт, то есть в один из самых престижных, где конкурс очень велик. Писатель как-то спросил его: чем он сам объясняет такой смелый шаг? В ответ услышал неожиданное: «Потому что там трудно. Я был очень безвольным, а там и учиться и работать трудно».

Этим живым примером Медынский напоминает: ребенок, подросток, юноша и девушка — растущие существа, сегодня они могут в чем-то отставать от других, а завтра — перегнать кого-то.

Только не следует, юный друг, на основании этого примера оправдывать затянувшуюся собственную раскачку, если она имеет место, делать поспешный и неосторожный вывод, что, возможно, и у тебя когда-то откроется «второе дыхание», что в будущем и ты покажешь свою настоящую цену. Герой Медынского, может, и корит теперь себя за несколько запоздавшее осознание возможностей самовоспитания через преодоление своих очевидных недостатков, через труд. Более ранние начала в таком важном деле, конечно же, куда предпочтительней запоздалых сетований и раскаяний по поводу задержки со стартом. Здесь ведь поистине минута час бережет.

Давайте и поговорим теперь о минуте.

ВРЕМЯ ПОДВЛАСТНО КАЖДОМУ

Сколько мудрых умов размышляло над загадкой времени! Что оно есть такое? Откуда появляется и куда исчезает? То его «деть некуда», то нет нисколечко. Минута, час, сутки — вроде бы для всех они равны по длительности, для всех одинаковы. А вместе с тем до удивления разновелики: покуда Фома соберется, Миколка в ту пору вернется… Потому, видать, разновелики, разнозначны, что у одних людей дело в руках спорится, а у других — стопорится, медлится.

Выходит, время — вещь управляемая, зависимая от самого человека?

В известном смысле — да! Эту мысль хорошо выразил поэт:

Мы знаем: время растяжимо!
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Это только с философских позиций время — нескончаемо, категория вселенская, великомасштабная, которую можно отделить от человека, абстрагировать. Но для каждого живущего на Земле индивида время всегда конкретно, реально, несет боль или радость, имеет начало и конец, и потому-то так безмерно дорог нам каждый миг бытия.

На фоне вечности жизнь человека — тоже миг. Однако и он, этот миг, может и должен оставить зримый, заметный след на общем поле человеческой деятельности. О людях, о содержательности их жизни мы судим не по числу прожитых ими лет, а по сотворенным ценностям: по выращенным лесам и садам, по окропленным соленым потом труда плодородным пашням, по прекрасным поэмам, созданным в муках творчества, по мудрым нравственным правилам, которыми руководствовались они и которые оставили после себя потомкам как самое дорогое наследство.

Тогда неизбежен вопрос: как научиться управлять временем? Как подчинить его своей воле?

Ответ надо искать все там же — в живой человеческой практике, в опыте тех, кто сумел оседлать и этого строптивого коня. Однако и здесь постижению опыта должна предшествовать закладка личной отправной позиции. Если не произойдет осознания необходимости подчинить себе время, научиться

распоряжаться им наилучшим, наиполезнейшим образом, то, скорее всего, не произойдет чуда исцеления от лени, беспечности, несобранности и других тяжких пут, сковывающих энергию и волю человека.

Всегда ли успеется познать эту, вроде бы и нехитрую истину и потом наверстать упущенное?

Как знать!

Журналист спросил летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза Алексея Архипоповича Леонова: «Какая потеря, на ваш взгляд, самая страшная в шестнадцать лет?» Он ответил: «Я думаю, потеря времени, которую ты не сможешь возместить позже».

Да, в немногих этих словах обнажена суть проблемы: тот, кто в юности транжирит время по пустякам, кто дает поблажку своим мелким прихотям, удовольствиям минуты в ущерб чему-то действительно важному и серьезному, тот обкрадывает себя больше самого злого вора. Проблема усугубляется тем, что пропажа такого рода не всегда видна сразу, она бывает скрыта от собственных глаз. Через сколько-то лет, когда придет повзросление, пропажа обнаружится, но поздно будет кричать: «Караул! Помогите!»…

Вывод психологов о том, что подростковые и юношеские годы — самые продуктивные для освоения базовой информации, для самовоспитания и основательной подготовки к главному делу жизни, постоянно подтверждается живой человеческой практикой, окружающей действительностью. Частично эти вопросы мы проанализировали в главе «О пользе ранних начал».

Продолжим их рассмотрение под ракурсом экономии времени.

Давайте-ка для начала перелистаем «Этюды об ученых» Ярослава Голованова, книгу, со страниц которой мы получаем редкую возможность узнать о жизни и деяниях целой плеяды корифеев мировой науки. Архимед и Коперник, Леонардо да Винчи и Ломоносов, Ньютон и Циолковский, Тимирязев и Павлов… Шестьдесят знакомых со школьной скамьи имен. Как много у них общего — трудолюбие, воля, упорство в достижении цели. Большинство героев «Этюдов», будто сговорившись опровергнуть своими судьбами миф о таланте ученого как о счастливом даре природы, выковывали свои таланты сами, сознательно, с детства, не теряя времени на бесполезное ожидание пресловутой манны с небес.

Руаль Амундсен. Еще мальчиком загорелся мечтой стать полярным исследователем. И тогда же составил для себя программу многолетней подготовки.

Ее пункты: закалка организма холодом, укрепление тела ежедневными многокилометровыми пробегами на лыжах, педантичное изучение опыта полярных путешествий… Чтобы познать азбуку морского дела, юношей нанялся матросом на зверобойную шхуну. Практически сберег несколько лет на том, что заранее, смолоду готовил себя к тяжелой и опасной работе полярника-первопроходца. Позднее, подводя итог жизни. Амундсен с законной гордостью и по полному праву смог заявить:

> «Мне было дано выполнить то, к чему я себя предназначал».

Владимир Арсеньев. По выражению Голованова, он начал «делать себя» путешественником очень рано. Делать себя!

О Жорже Кювье:

> «С детских лет его отличает феноменальная трудоспособность».

О Готфриде Лейбнице:

> «Он очень рано притронулся до огня знаний и культуры и навсегда остался заколдован светом этого пламени».

Да, детские, юношеские годы — пора самых смелых задумок, пора «самозагорания». Кто в детстве не мечтает вырасти сильным-пресильным, совершить замечательный геройский поступок, удивить всех, вокруг исключительным талантом, умением делать что-то необычайное. Пожалуй, мы не найдем такого мальчишку, которого не посещали бы подобные лучезарные мысли. А уж о девчонках и говорить не приходится, их и сладостями не корми, только дай помечтать, повоображать об удивительно заманчивом будущем.

Однако к нашей общей обиде, далеко не все становятся такими, какими видели себя в мечтах, какими и кем могли бы и должны были стать.

Почему же? Если, как утверждает наука, каждый ребенок от рождения наделен многообещающими задатками, потенциально талантлив, куда же девается впоследствии природная одаренность, от каких причин чахнет на корню?

Все от тех же. Если подготовка к достижению цели откладывается на далекое потом, если не ведется заблаговременной направленной тренировки нужных для облюбованного дела качеств, откуда взяться впоследствии

великим силам? Не имеет никакого значения, что планы могут измениться, что жизнь, обстоятельства, бывает, подсказывают какие-то иные, новые варианты приложения сил — ничто из приобретенного не окажется ненужным, все накопленное так или иначе сгодится в трудовом будущем. Ведь в развитии способностей есть нечто от системы сообщающихся сосудов: тренируем одну, а трогаются в рост, крепнут еще и смежные, попутные. А главное, крепнет воля, совершенно необходимое качество для достойного исполнения любого дела, любой работы.

Стоит присмотреться к примеру и прислушаться к совету еще одного из героев книги Голованова, чешского ученого Франтишека Бегоунека, который говорил:

> «Надо ценить время, особенно в молодости, когда кажется, все еще впереди, все еще успею…»

Человек этот прожил долгую честную жизнь, никогда не отказываясь даже от самой черновой, будничной работы, всегда и всюду, в самых тяжелых ситуациях проявляя силу духа и исключительную энергию. Он хотел успеть сделать многое и действительно успел осуществить многое из намеченного.

Ценить время — это, среди прочего, ускорять продвижение от одного жизненного этапа к другому, успевать сделать за месяц, год столько, сколько достает сил и даже больше, чем, казалось бы, можешь. А можем мы почти всегда больше, чем предполагаем сами. Нужны новые доказательства?

Однажды «Комсомольская правда» объявила розыск тех, кто закончил среднюю школу досрочно, сумев «сэкономить» на этом время. Один из откликнувшихся на призыв газеты поделиться опытом формирования темпа жизни сообщил, что о своих возможностях такого плана он узнал случайно, на больничной койке. Началось все в восьмом классе, когда Сереже пришлось провести полторы учебные четверти в больнице. Валяться без дела было невыносимо скучно и, кроме того, ему страшно не хотелось отставать от класса — догоняй-ка потом! И тогда, начав заниматься по учебникам самостоятельно, — не давая себе никаких поблажек! — вдруг открыл: школьную программу, оказывается, можно осилить быстрее, чем предусмотрено учебными планами.

Коли так, то вообще зачем тянуть зря время? На летних каникулах за месяц одолел всю школьную химию. Когда пришел в университет, то и здесь дело пошло быстрее и увереннее, чем у других: ведь еще до поступления он успел проштудировать многие вузовские учебники.

Еще раньше та же «Комсомолка» рассказала о

четырнадцатилетней студентке медицинского института Наташе Бартеневой. Ускорение темпа продвижения по школьным ступеням у нее происходило поначалу по воле обстоятельств. Наташе было пять лет, заболела бабушка, и маме — директору школы — пришлось в силу острой необходимости попросить учительницу первого класса присмотреть за девочкой. Посадили ее за последнюю парту, дали карандаш — рисуй чего хочешь, только на глазах пребывай. А Наташка возьми и начни играть в школьницу — какое задание все выполняют, такое и она пытается. Сперва в ее тетрадках красовались в основном кляксы. Потом стало что-то получаться. Так и осталась в школе малолетка. Потом сэкономила еще год, перейдя сразу в пятый класс из третьего.

Вундеркинд?

Подруги Наташи да и она сама опровергают такую версию. Просто рано начала, а так — элементарно способная, ничего сверхобычного. Другое дело, что своевременно открыла простую истину: жить надо насыщенно. Открыла — и эта истина стала ее верой, побудительным мотивом активной любознательности, ненасытного интереса к ценностям окружающего мира. Даже в своих стихах Наташа постоянно возвращается к теме времени: надо спешить, говорит она, жизнь так интересна, вдруг что-то упустишь, что-то пройдет мимо.

В школьные годы Наташа увлекалась многим: литературой, языками, астрономией… А свой профессиональный выбор остановила на… биологии. Почему? Ей показалось страшно важным заняться проблемой интенсификации человеческих возможностей. Лишь сотую часть нервных клеток и клеток мозга использует человек за свою жизнь. Разве это допустимо?

Так думает Наташа Бартенева и поступает соответственно. Пожелаем ей успехов в разгадке «тайны времени», в поиске путей ускорения стартовых сроков и более полного проявления людьми активных творческих начал. По крайней мере, собственным примером она уже что-то доказала в этом направлении.

Хотелось бы сразу опровергнуть предположение об исключительности подобных случаев. Представление о том, что «перешагивание» через школьные ступени доступно немногим, лишь избранным, — неверно. Академик Николай Михайлович Амосов, страстный пропагандист энергичного, ускоренного ритма жизни, в качестве веского аргумента в обоснование своих идей привел однажды пример из собственной родительской практики. Он рассказал, что не видит в дочери особых талантов, но приучил ее — подчас и принуждением! — к систематическому, напряженному труду, постарался дать ей всестороннее раннее

развитие. Итог: в пятнадцать лет она стала студенткой университета и не уступала в силах старшим по возрасту сокурсникам. Значит, многое зависит от самостоятельного, но руководимого (здесь — родителями) накопления знаний и умений.

В «Литературной газете» не столь давно был приведен многофамильный список двенадцати-, четырнадцатилетних студентов высших учебных заведений. Проанализировав обстоятельства жизни каждого из них, автор статьи, учитель из Перми Александр Иванович Новиков, пришел к идентичному выводу:

> «Есть все основания предполагать, что все обыкновенные психически здоровые дети могут выполнять программу школы за более короткие, чем теперь, сроки, без перегрузок и при этом получать более прочные знания. Путь для достижения этой цели — руководимое самообразование».

То есть и он ратует за определенную самостоятельность школьников в изучении учебных дисциплин, за развитие у них потребности обходиться без излишнего разжевывания учителями учебного материала, а больше полагаться на свой собственный мыслительный аппарат, развивать его работой.

Не следует, однако, понимать эту часть главы и приведенные примеры, какими бы заманчивыми и доступными они ни казались, как призыв к спешному форсированию учебной программы и досрочному завершению школы. Главное, обязательное — не в том, чтобы обогнать естественный, узаконенный ход школьной жизни. Речь шла об огромных потенциальных возможностях самовоспитания, самосовершенствования, которые следует использовать, реализовывать на практике. А способы и варианты воплощения в жизнь этих возможностей могут быть самыми разнообразными — применительно к каждому конкретному случаю.

Вот еще пример. Сидят на одной парте два старшеклассника. Оба хотят стать радиоинженерами. Но первый даже и не пытается как-то проверить свои силы на живом деле. Мечта и ее исполнение у него оказываются на большом расстоянии друг от друга. Второй знает о будущей профессии много и не понаслышке:

— Я понимаю, что мне придется долго и упорно учиться, и не хочу откладывать это «на потом». Уже сейчас надо приближаться к своей будущей работе. Несколько месяцев назад я получил разрешение на право работы в эфире и за это время установил

немало дальних радиосвязей… Я постараюсь сделать все, чтобы в будущем быстрее и лучше овладеть облюбованной профессией.

Кто из них раньше достигнет цели, кто быстрее станет высококвалифицированным специалистом, настоящим мастером своего дела? Вот где лежит выигрыш во времени, даже если из школы и института ребята выйдут вместе, рядом.

Для людей, достигших в жизни чего-то значительного, сполна раскрывших свои дарования, чувство времени, умение распоряжаться им — черта характерная, обязательная. Говорит знаменитый летчик Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов:

— Горжусь тем, что на аэродром я всегда являлся точь-в-точь. По мне проверяли часы, порой даже сердились: слишком дисциплинированный. Нет, ощущение времени — это, может быть, и есть наше шестое чувство, внутреннее, а часы существуют лишь для того, чтоб уточнять…

А вот что рассказывают об известном советском публицисте и общественном деятеле, политическом обозревателе «Правды» Юрии Александровиче Жукове. Ему за семьдесят, но отличается он фантастической работоспособностью: одержимость Юрия Жукова помножена на организованность. Подлинно самозабвенное отношение к делу, ненасытная жажда познания сочетаются в этом человеке с железной самодисциплиной и педантичностью в лучшем смысле этого слова. Жуков столь же безукоризненно владеет своим временем, как хороший гимнаст владеет свои телом. А это отнюдь не дается само собой.

Обратите внимание, среди многих похвальных слов в адрес выдающегося мастера журналистики Юрия Жукова промелькнуло и восхищение его педантичностью, хотя в это понятие нередко вкладывается критический или хотя бы настороженный смысл. Педант-де — излишне рациональный человек, зарегламентировавший все и вся в жизни (ни шагу от буквы правил), скучный, холодный. Но вот ведь и Громов не без гордости говорит о себе: «Я педант». А далее добавляет: «И романтик». Значит, могут прекрасно сочетаться в характере личности эти, казалось бы, разнородные качества — «лед» и «пламень»?

Могут и должны сочетаться! Педантизм в отношении использования своего и чужого времени — есть рационализм самого положительного свойства.

Надо сказать, что в условиях социализма вопрос о лучшем, наиболее эффективном использовании времени каждым членом общества превращается из личного, частного дела в дело общественной, государственной важности. Еще на заре Советской

власти, в двадцатые годы, в нашей стране была создана массовая организация — лига «Время». Один из ее основателей, видный деятель партии и государства Платон Михайлович Керженцев очень точно сформулировал задачу лиги:

> «Через борьбу за время и за научную организацию труда — к коммунизму».

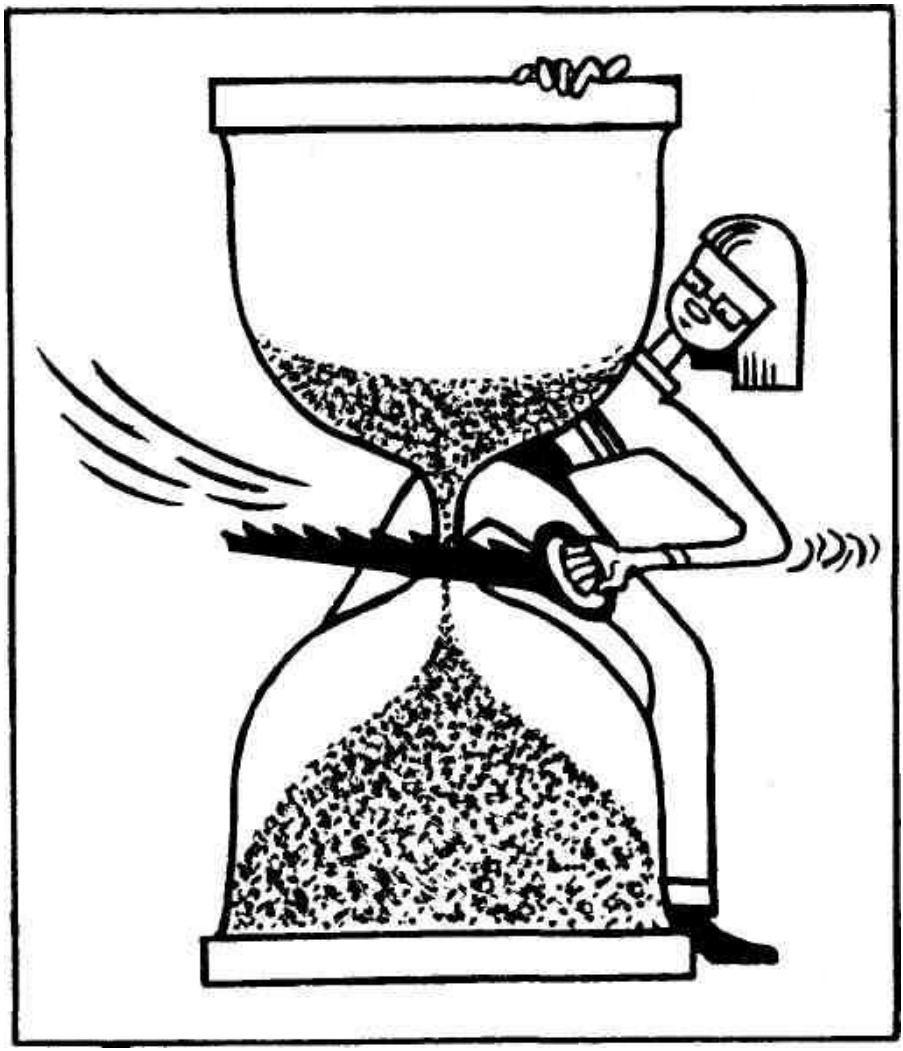
Он же весьма четко и впечатляюще раскрыл особый характер категории «время»:

> «Мы должны понять, что время является для нас материальной ценностью, и притом ценностью совершенно особого рода. Другие ценности мы можем скапливать и сберегать, время беспрерывно течет и ежесекундно ускользает из нашего опыта. Время неиспользованное — время погибшее безвозвратно».

В своих трудах П. М. Керженцев не ограничивался пропагандой идеи борьбы за время, а и подсказывал направления этой работы, ее методы.

> «Чтобы научиться ценить время, — писал он, — надо отдавать себе ясный отчет, как именно время расходуется, когда что происходит».

В числе различных подсобных средств для подобного анализа он рекомендовал пользоваться хронометражем личного времени, вести хронокарты, раскрывающие истинную картину соотношения полезных и малосодержательных трат энергии, сил, помогающие правильно ориентироваться в обстановке и поправлять дело в направлении лучшей рационализации труда, повышения самодисциплины и самоорганизованности.



Это весьма полезный совет, однако, о чем приходится говорить с сожалением, еще мало кто применяет его в трудовой практике, определенно проигрывая при этом. А ведь окружающая жизнь дает достаточное число убедительных доказательств эффективности такого, казалось бы, немудрящего средства, как хронометраж трудового дня и его планирование. Вот одно из них:

…Жил-был такой человек — Александр Александрович Любищев. Более полувека трудился на поприще науки. После его кончины состоялся вечер, посвященный памяти ученого. Докладчиков было много. Но, удивительное дело, все они говорили о Любищеве так, будто вспоминали не одного и того же человека, а очень многих, часто непохожих друг на друга людей. С точки зрения специалистов в области точных наук, Любищев был талантливым математиком. Другие считали, что математический дар служил ему лишь в качестве основы для

разработки глубоких философских идей. Биологи доказывали свое: Любищев был и остается прежде всего представителем их области знания. Некоторые докладчики отстаивали мысль, что Александр Александрович более всего преуспел как историк науки. А кто-то называл его литературоведом…

Даже о складе характера и склонностях души Любищева отзывались как будто бы по-разному: одни называли его рационалистом, даже педантом, другие, напротив, порывистым фантазером, одни видели в нем добрейшего интеллигента, другие ценили его «бунтарские» качества, научную и чисто человеческую принципиальность, не склонявшуюся перед устоявшимися канонами и авторитетами. В чьем-то представлении он был неиссякаемым генератором идей, щедро раздаваемых ученикам и коллегам, а в чьем-то — неутомимым исследователем фактов, скрупулезно собирающим и систематизирующим их.

Но при всей внешней непохожести оценок и отзывов, сообща создавался портрет этого удивительнейшего человека, главная загадка которого состояла в конечном счете даже и не в многогранности способностей (среди крупных ученых такое не редкость), не в энциклопедичности его познаний, а в способе приобретения этих познаний и способе их закрепления.

Есть люди, считающие каждую копейку, жадно прибавляющие одну к одной. Любищев научил себя считать каждую минуту, каждый миг жизни. Он выработал привычку хронометрировать и учитывать расход времени и распределять его между разнообразнейшими занятиями наиболее рациональным образом. Из года в год, на протяжении всей активной трудовой жизни ученый регистрировал в дневнике затраты времени и соответственно планировал — в часах — продолжительность выполнения тех или иных дел. Все это помогало ему отказываться от вещей необязательных, от трат ненужных.

Нет, Любищев не был аскетом, уединившимся в научной келье, отрешившимся от радостей жизни. Литература, театр, музыка, спорт — всему он успевал отдать дань. Семья, дети, друзья тоже пользовались его вниманием и временем. Но он так планировал и распределял часы и минуты труда и отдыха, что успевал сделать в каждый временной отрезок вдвое, втрое больше, чем другие, подчас не менее талантливые люди.

Задачу жизни и соответствующую ей систему поведения Любищев определил для себя еще в молодые годы и неукоснительно следовал заведенным правилам до конца дней. Каким бы удивительным это ни показалось, но в последние десятилетия — а умер Любищев восьмидесяти двух лет — его работоспособность и способность производить идеи возрастали.

При жизни он опубликовал около семидесяти научных работ — по дисперсионному анализу, таксономии, энтомологии, широко признанных и переведенных во многих странах мира. Всего же им было написано разного рода статей и исследований на двенадцати с половиной тысячах машинописных страницах — объем колоссальный. Научное наследие Любищева продолжает свою практическую службу и поныне.

В чем же конкретно состоит секрет системы Любищева, из каких деталей складывается? Как ни заманчиво пересказать ее в нескольких словах, но приходится трезво останавливать себя: никакой беглый пересказ не в состоянии передать атмосферу и все нюансы этого опыта. Поэтому лучше всего направить читателя к первоисточнику приводимой здесь информации — к документальной повести Даниила Гранина «Эта странная жизнь…» Убежден, что каждому молодому человеку полезно познакомиться с ней — ради лучшего устройства собственной жизни, ради творческого заимствования «технологии» уплотнения времени, разработанной и примененной на практике подвижником науки Любищевым.

Однако система Любищева — это не просто рецепт лекарства, пропись, годная для всех и вся, это, скорее всего, философия отношения к той «единственной вещи, которую нельзя возвратить обратно при всем желании», как говорил еще в древности философ Сенека. Каждый человек может избрать для себя какую-то иную систему контроля и распоряжения временем, лучше отвечающую его индивидуальным чертам и особенностям, но то, что такая система необходима, — несомненно. Именно это подсказывает пример Любищева, человека, превзошедшего пределы своих видимых возможностей. Да и среди других выделившихся из общего ряда замечательных тружеников мы не найдем «растратчиков времени», «прожигателей жизни». Они могут очень отличаться друг от друга свойствами характера, увлечениями, но все одинаково знают цену минуте.

Не имеет значения, какую область труда вы собираетесь избрать для себя или уже избрали — заводской цех или хлеборобское поле, стройплощадку или землеустройство, учительство или медицину, природоведение или точные науки, — везде и всюду, если хотите стать подлинным мастером своего дела, вас должно и может отличать осмысленное отношение к жизни, умение управлять собой и временем. Как и любое другое умение, управление временем — дело наживное, чему вы могли найти немало подтверждений на предыдущих страницах.

Разве случайна та настойчивость, с какой многие мудрые умы прошлого и настоящего обращают наше внимание на

безвозвратный характер времени, взывают к нашему разуму — цените время! Не внять их здравым призывам — значит отнять у себя годы и годы полнокровной, богатой свершениями жизни.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЧЕСТОЛЮБИЮ

Юноша-десятиклассник в своем школьном сочинении поведал:

> «Я еще не решил окончательно, какую выбрать профессию, но определенно хочу стать знаменитым человеком».

Кое у кого из окружающих такое откровение вызвало снисходительно-ироническую реакцию: вот, мол, еще не оперился, а уже о славе мечтает, о почестях…

Действительно, как-то не принято на миру громогласно провозглашать о честолюбивых помыслах. Сначала потрудись как следует, покажи, на что способен, а там общество воздаст тебе должное. Сам же о своей славе и думать не смей. Недостойно такое занятие серьезного отрока.

Все это вроде бы так. Только что-то все же мешает безоговорочно согласиться со столь категорически отрицательной оценкой юношеского помысла. Что же?

А если мы имеем дело не с пресловутой манией величия и не с пустым тлетворным тщеславием, а с горячим и честно высказанным намерением юноши достичь в жизни, ради общего блага, чего-то большого, значительного, отдать всю бурлящую в душе энергию такому занятию, в котором заинтересовано и само общество?

Да, тут есть над чем поразмыслить.

Вспомним снова по этому поводу нашего великого соотечественника Александра Васильевича Суворова. Разве не двигала им в дерзаниях и подвигах в числе прочего также и ничем не стесненная в юности жажда известности, желание превзойти подвиги древних полководцев? И поднявшись к зениту воинской славы, он поощрял юного россиянина к тому же:

> «Храни в памяти своей имена великих людей и руководствуйся ими в походах и действиях своих…»

Более того, Александр Васильевич призывал догнать и обойти избранного героя, считая такое стремление достойным истинного мужа.

Разве мы корим Суворова за честолюбивые помыслы и за стремление пробудить такие же чувства у других людей, у юных своих сограждан? Нет, конечно. Ведь мы отдаем себе ясный отчет

в том, что честолюбие Суворова покоилось на таком прочном нравственном фундаменте, как неусыпная забота об интересах Отечества, горячий действенный патриотизм. Он не боялся высоких слов, ибо верил в великое предназначение России.

Вспомним, далее, другого замечательного нашего соотечественника — Константина Эдуардовича Циолковского. По натуре был он человеком скромнейшим, довольствовавшимся в личном быту малым, тем не менее, какую поистине дерзновенную значительную цель ставил перед собой:

> «Основной мотив моей жизни — сделать что-нибудь полезное для людей, не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хоть немного вперед».

Немногие наберутся такой смелости: пытаться продвинуть вперед все человечество! А вот некто из безвестной тогда Калуги взялся за такую великую миссию. И заявить о том во всеуслышание не убоялся. Вот ведь какая «странность».

Поразмышляем над этим фактом. Не будь провинциальный учитель Циолковский охвачен столь страстной заботой о будущем всего рода людского, о благе землян, сумел бы он приподняться над прозой дня, смог бы в своей калужской глуши прийти к дерзновенным идеям покорения человеком космоса и дать им конкретное научное обоснование? И здесь, как видим, большая цель рождала титанические силы.

Так почему и в нашем случае не попытаться истолковать слова юноши в подобном ключе?

Примем во внимание также и возраст — возраст романтической приподнятости чувств, устремленности в будущее. Было бы куда более странным, настораживающим, если бы шестнадцатилетний человек не мечтал о больших свершениях, подвигах. В свое время, обращаясь к старшеклассникам, Михаил Иванович Калинин говорил так:

> «Это как раз тот возраст, когда людей обуревают фантазии и стремления к чему-то большому. Да иначе и быть не может! Какие же вы советские молодые люди, если каждый из вас не думает своротить горы или перевернуть земной шар Архимедовым рычагом?»

Правомерен, однако, и встречный вопрос возможного оппонента: можно ли мечтать о достижении масштабных целей, о больших делах, не помышляя при том о личной славе, известности?

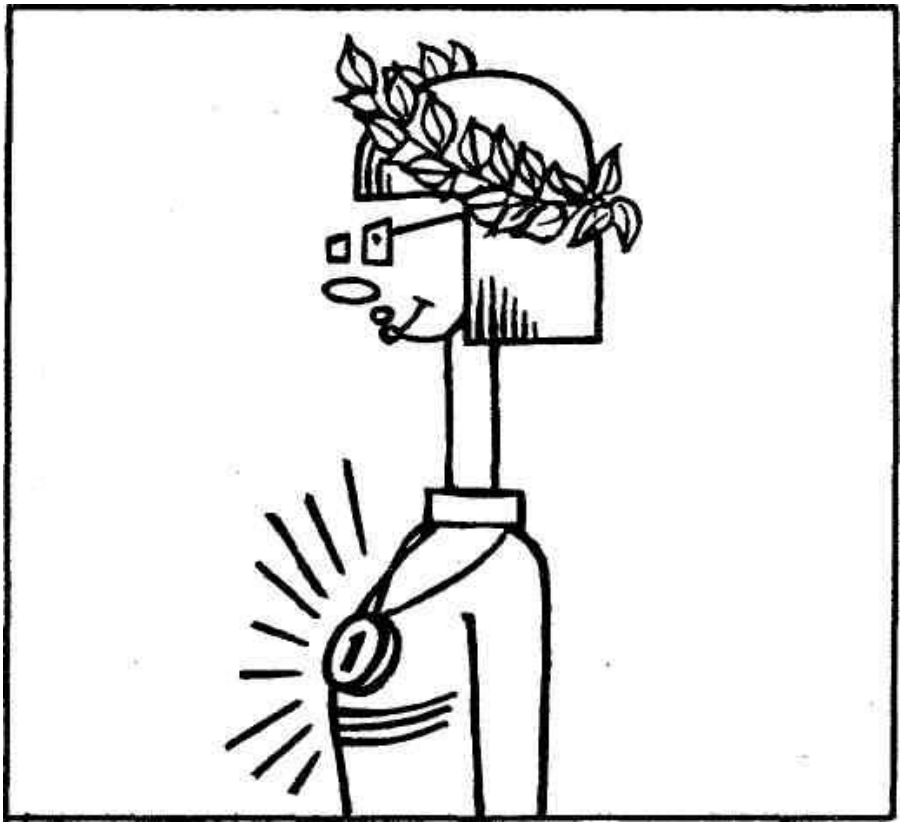
Можно. Бывает и такое.

И все же, наверное, нет таких, здоровых духом людей, которые были бы абсолютно равнодушны к общественному мнению, к оценке своих достойных дел, поступков, к признанию свершений. Так или иначе, а каждый из нас знает, не может не знать, что за хорошую работу, за высокое мастерство, за открытие чего-то нового, общественно важного, наконец, за проявленное мужество, геройство он будет поощрен, отмечен.

А когда этого не происходит, особенно по чьей-либо невнимательности или оплошности, то такая забывчивость вызывает обиду, недоумение, разочарование. Похвала же окрыляет, подвигает на штурм новых высот, на полное раскрытие подспудных сил. Потому в нашем обществе придается исключительно большое значение моральным стимулам труда. Потому государство, коллектив так заботливо и внимательно отмечают каждый добрый поступок, шаг человека, щедро поощряют каждого передовика, новатора, героя.

И социалистическое соревнование не отрицает, а прямо предполагает чью-то личную победу, проявление ревностной жажды обойти других, вырваться вперед. Другое дело, что оно же предполагает и товарищескую взаимопомощь, щедрый обмен опытом, заботу о коллективном успехе: в том его основа и особенность! Мне вспоминается по этому поводу один поучительный пример.

Давно ли после службы в армии пришел на Челябинский тракторный завод Андрей Чепелев, давно ли встал за токарный станок, а уже сегодня на него равняются сотни, тысячи производственников. Быстро освоив с помощью опытных наставников токарное дело, Чепелев решил выжать из техники все, что она может дать. Но как это сделать? Пришел к выводу: одного энтузиазма недостаточно, нужно внедрить такие технические новшества, которые позволят и время сэкономить, и качество продукции улучшить. С участием технологов и старших товарищей по работе разработал личную карту технологического прогресса и стал последовательно совершенствовать производственный процесс. Результаты превзошли ожидания: на линии, где раньше трудились шесть токарей, теперь достаточно двух. Творческий поиск Андрея Чепелева был отмечен присвоением ему звания лауреата премии Ленинского комсомола.



Теперь этот человек озабочен главным образом тем, чтобы его опыт стал достоянием других станочников, всех операционников. Он рассуждает:

> «Если ты владеешь высокопроизводительными методами, то ими должны владеть как можно больше людей. Тем более коллеги, с которыми ты соревнуешься. Бесчестно, если ты применил что-то новое, воспользовался новыми приспособлениями, а твой соперник по соревнованию с ними не знаком. Так легко обойти его. А когда ему помогаешь, делишься своими находками, тогда борьба идет на равных. Соревноваться нужно в личном мастерстве, а не выезжать за счет секретов».

В этих рассуждениях — мораль коллективиста, человека, для которого личный успех — всего лишь четверть успеха, если другие не воспользуются его находками, опытом, если почин не найдет последователя. «Ты — коллективу, коллектив — тебе», — вот принцип взаимоотношений между рабочими в советском обществе.

Но при этом, подчеркнем еще раз, азарт соревнования определенно подогревается возможностью занять видное место в общем строю, заслужить звание первого, лучшего в своем деле. Такая устремленность человека выдвинуться в авангард коллектива, заслужить уважение и одобрение окружающих приносит и самой личности и обществу в целом куда больше приобретений, чем потерь. Ведь мы ведем сейчас речь отнюдь не о вредоносном тщеславии, не о тех самовлюбленных честолюбцах, что готовы ради личной корысти попрать интересы и достоинство других людей, а именно о том здоровом честолюбии, которое подвигает граждан на добрые дела, на поступки, отвечающие заботам всего общества.

Однако в жизни мы нередко встречаемся с весьма настороженным отношением к проявлениям честолюбия. Когда однажды «Комсомольская правда» задала ряду товарищей, не обойденных известностью, подчеркнуто «лобовой» вопрос: «Можно ли в шестнадцать лет мечтать о собственном памятнике?», то некоторые из них категорически отвергли даже саму мысль об этом, решительно осудили подобные мечтания как проявление индивидуализма.

А вот гроссмейстер Михаил Таль попытался подойти к проблеме шире, с аналитических позиций:

> «Все зависит от того, как ты в принципе относишься к подобным сооружениям. Одни видят в памятнике благодарность человечества, которому ты принес радость и пользу, другие — только постамент, окруженный толпой. Но есть и другие памятники — тобой написанные книги, тобой построенные заводы и даже восклицательные знаки к твоим шахматным ходам. И приятно видеть их, пока ты еще жив».

Мне лично такое размышление представляется правильным и убедительным.

Честолюбию иногда противопоставляют скромность: вот-де каким надлежит быть человеку, держись в тени, не лезь на рожон. Однако и, здесь, как говорится, все хорошо в меру. Академик Николай Николаевич Семенов, отвечая на вопрос о том, какими чертами характера должен обладать ученый, заметил:

> «Скромность — хорошее качество. Но важно и не утратить смелости. Скромность мешает иногда: мешает вступать в спор с предшественниками, мешает отстаивать свою точку зрения».

Но и добавил тут же:

> «Зато нескромность мешает видеть собственные ошибки».

Отсюда вывод:

> «Надо быть отважным в намерениях и планах, но скромным и осторожным в самооценке. Быть скромным, где нужно, и смелым, где нужно».

Видный ученый, основываясь на своих наблюдениях, предупреждает молодых людей от двух опасностей: верхоглядства, шапкозакидательства типа «Я — талант, мне все нипочем, никто мне не указ», а с другой стороны, от крохоборства типа «Я — человек скромный, маленький. Не мне спорить. Великие — не мне чета. Моя доля: песчинку добавить. Где уж нам уж…» Как видим, вредна любая крайность, а не сама по себе та или иная из этих двух черта характера, поведения.

Положительное начало в честолюбии подметили еще древние мудрецы. Да и просветители более поздних времен избегали односторонности в оценке этого качества, указывали на его полезные для общества проявления. Например, французский философ восемнадцатого века Гельвеций утверждал:

> «Соревнование производит гениев».

Александр Сергеевич Пушкин, всем жаром своего сердца осудивший честолюбца-злодея Сальери, тем не менее заявлял:

> «Зависть — сестра соревнования, следственно, из хорошего роду».

Стимулирующую роль честолюбия в творческо-трудовой деятельности людей подтверждают и исследования современных психологов. Почему же тогда мы порою так осторожны в поощрении этого личностного качества?

Если на то пошло, куда больше потерь — моральных для индивида и материальных для общества — несет с собой отсутствие или недостаток в характере человека честолюбивых черточек, заведомый отказ от соревнования с другими людьми, от достижения трудных целей, следование пошлейшей формуле, отождествляющей человека с жалкой песчинкой. Вот это действительно опасная линия поведения, ведущая к закрепощению способностей, к их атрофированию в конечном счете.

Безусловно, всегда существует опасность трансформации честолюбия из свойства положительного, добродетельного в свойство противоположного толка — в порок. Но мы знаем, что доброта — качество, казалось бы, безоговорочно положительное, похвальное, при определенных условиях тоже может перерасти в отрицательное, негативное. Хорошо ли быть беспринципно добреньким ко всем, всепрощающим? От такой «доброты» много зла на свете случается.

Однако мы обычно более или менее точно отличаем доброту подлинную, требовательную от доброты мнимой, примиренческой; рано или поздно, а разгадываем, где истина, а где фальшь. Соответственно и судим о их носителях — по делам, их значению. Так и в отношении честолюбия надо бы поступать: без предвзятости, а по сущности.

И все же юному читателю не следует понимать предыдущую часть размышлений как категорическую рекомендацию к искусственному разжиганию в себе честолюбивых устремлений, к постоянному обдумыванию способов выдвинуться. Еще древние мудрецы предупреждали: ничего слишком. Так и здесь. Когда желание добиться успеха становится самоцелью, когда человеком начинает руководить гипертрофированное самомнение, когда он судорожно цепляется за любую, даже призрачную возможность заявить о себе, изменяя начатому делу, то обычно достигает обратного результата — плачевного, рано или поздно терпит моральный крах.

В увлекательной книге писателя Рафаила Бахтамова «Для кого падают яблоки?», приоткрывающей завесу над «механизмом» научного творчества, приводится одна характерная и поучительная история. Мне представляется уместным повторить ее сейчас полностью.

Итак, послушаем Бахтамова:

> «В одно время с Рентгеном опыты с катодными лучами проводил немецкий физик Ленард. Человек способный, но болезненно самолюбивый, он считал, что его обходят славой, злобно ненавидел всех, кому «везет». В погоне за славой он кидался из одной области физики в другую, постоянно трясся от страха при мысли, что его «обойдут».
>
> Катодные лучи — явление новое — привлекли внимание Ленарда. В очередной раз он загорелся, с бешеной энергией взялся за работу. Однако шли дни, а ничего значительного не было. И он охладел к опытам.
>
> Тут пришло сообщение, что Рентген, эта

«посредственность», физик, у которого нет ни размаха, ни смелости, а только аккуратность, методичность и терпение, буквально вырвал из-под носа его, Ленарда, собственное открытие…

Как возненавидел он этого «выскочку»! С какой дикой злобой встречал всякое упоминание его имени (впрочем, он ненавидел многих — Эйнштейна, Планка, Гайзенберга). С какой радостью, став «фюрером» фашистской науки, он вычеркнул его имя из всех немецких учебников и добился, чтобы «Х-лучи». (как назвал их Рентген) впредь именовались только «лучами Ленарда».

История науки сохранила это название в виде смешного и жалкого фарса. А «Х-лучи» назвали лучами Рентгена — честь, на которую сам ученый никогда не претендовал. Он подчеркивал, что не стремился к открытиям, просто работал. И был смущен тем, что именно ему повезло, что его имя стало известным.

Верно ли, однако, говорить о простом везении? Психологи знают, какую роль в успехе поисков играет длительное сохранение интереса к задаче, так называемой «поисковой доминанты». У Ленарда, которого волновала только слава, «доминанта» угасала очень быстро. А Рентген спокойно продолжал работать: его интересовала сама проблема. Естественным результатом этой работы и было открытие…»

Просто работал… Биографы ученых часто обращают наше внимание на эту особенность поведения многих из них. Работал ради работы, ради познания тайн физики Майкл Фарадей, скромный переплетчик книжной лавки. Страстно работал: за свою жизнь он поставил более шестнадцати тысяч экспериментов. Ему просто некогда было думать о славе, известности, почестях. Это уже потом история науки впишет его имя в свои анналы, восславит за эффективный терпеливый труд, за открытия, продвинувшие науку далеко вперед.

Математик Каплер, испытывая жесточайшую материальную нужду, пять лет провел над проверкой теории движения Марса, десятки и десятки раз повторяя одни и те же утомительные вычисления, снова и снова перепроверяя себя. Что двигало им, какая корысть? Стремление к выяснению истины.

Двадцать лет — половину своей безмерно короткой и чрезмерно трудной жизни — отдал россиянин Н. Н. Миклухо-Маклай поиску доказательств равенства человеческих рас,

общности корней их происхождения. Что это дало ему в личном плане, каких привилегий он добился? Ничего, кроме лишений и унижений в борьбе с косностью сановных чиновников. Лишь спустя шестьдесят два года после смерти ученого были опубликованы его сочинения, но какую значительнейшую роль сыграли они в опровержении человеконенавистнических расовых теорий, в утверждении научной истины.

Пройдут столетия, но не потускнеет пример Миклухо-Маклая, пример честного служения людям, науке, такого служения, в котором не было и грана заботы о себе, о личном благе, известности. А слава, как видим, тем не менее его нашла, пусть и не прижизненная, зато — вечная. История рано или поздно расставляет все по своим местам, воздает каждому должное.

Обращаясь однажды к группе первых космонавтов, академик Сергей Павлович Королев заметил:

> «Если вы думаете о подвиге, значит, вы не готовы к нему».

То есть, учил Главный конструктор, надо отдать себя прежде всего делу, подготовке к полету, работать и работать ради самой работы, ради коллективного успеха. Главное — дело, ему все силы, знания, опыт, мастерство, энергию, вдохновение, без разменивания на несущественное в данный момент, второстепенное, отвлекающее. Остальное — известность, почести, награды — придет само собой, если будет заслужено.

Но известностью, почетом тоже надо уметь правильно распорядиться. Скольких себялюбцев сгубила пресловутая «звездная болезнь». Человека заслуженно похвалили, отметили, а он вдруг решил, что отныне окружающие обязаны вечно платить ему дань подчеркнутого внимания, а он окружающим — ничего более не должен; что можно отныне и не напрягать сил, а лишь стричь купоны с прошлых заслуг; что теперь все дозволено. Зазнайство, чванливость, болезненная самовлюбленность, чрезмерность претензий неизбежно приводят таких людей к потере авторитета, к моральному краху, а порою даже к распаду личности.

Закономерно, что большинство наших сограждан, людей, воспитанных на высоких нравственных идеалах, достойно, без каких-либо серьезных осложнений выдерживают испытание славой, когда она к ним приходит. Весьма типичным представляется суждение знатного ленинградского токаря Алексея Васильевича Чуева. При многих высоких и почетных званиях и должностях — дважды Герой Социалистического Труда,

депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС — он всегда оставался предельно скромным и дисциплинированным человеком. Вскоре после вручения Алексею Васильевичу второй Золотой медали «Серп и Молот» его попросили поделиться ощущениями по этому поводу. Вот что он ответил:

— Трудно носить звание Героя Социалистического Труда, да еще дважды. Это ко многому обязывает. Я же не столь много и сделал… Моя награда — это награда прежде всего коллективу, который воспитал меня, сделал мастером токарного дела. Такая награда, которую я получил, создает славу и вызывает гордость. Но слава, как известно, не аванс на бессмертие, а обязывает еще к большей ответственности и лучшей работе… Не буду кривить душой, я, конечно, горжусь присвоенным званием и в то же время испытываю неловкость: почему меня выделили, а не кого-либо другого? А таких, как я, на нашем заводе много…

Не противоречит ли автор самому себе, тем постулатам в защиту честолюбия, которые выдвигал в первой части главы?

Никоим образом..

Определенная внутренняя противоречивость имеется в самом обсуждаемом предмете. При утрате сдерживающих начал честолюбие может сослужить человеку плохую службу, испортить его. Если честолюбие движет человека в верном направлении, помогает ему жить бодро и работать с огоньком ради общего блага — в добрый путь! Если же честолюбие превращает человека в карьериста, застилает завистью глаза, лишает трезвости ума и поступков — перед нами беда, опасность! То, что естественно для восторженного юноши, с нетерпением ожидающего встречи со взрослой трудовой жизнью, не всегда уместно для умудренного годами и общественным опытом мужа. Напомнить сейчас обо всем этом и уместно, и необходимо, дабы не возникло недопонимания, каких-либо кривотолков в трактовании суждений автора по настоящему вопросу.

Так надо ли мечтать о памятнике себе в шестнадцать лет?

Дело, как говорится, личное. С полнейшей определенностью могу сказать одно: памятники — будем понимать под ними известность, почет, признание — воздвигают лишь тем, кто в жизни ставит перед собой и решает трудные и ответственные задачи, кто прокладывает новые дороги, берет высоты, недоступные пока всем. А таким героем может быть не только ученый или космонавт, конструктор или разведчик, а в равной мере и сталевар, и шахтер, и плотник, и пахарь, и пекарь. Работа у всех разная, а требование ко всем одинаковое: быть первым в труде, в исполнении долга.

> «В работе стремлюсь к одному: сделать ее хорошо. Даже если человек, мне кажется, работает в поле один на один, он должен трудиться так, как будто идет всесоюзный конкурс на лучшего мастера!»

Эти слова принадлежат молодому, но уже прославленному пахарю — механизатору Оренбуржья Григорию Чердинцеву. На мой взгляд, они как нельзя лучше отражают формулу здорового высоконравственного честолюбия. Работать с удовольствием, красиво, мастерски, добросовестно в любой обстановке, всегда и всюду, не для навязчивого показа, а для радости души и для пользы общества — самое большое счастье и самый замечательный памятник самому себе при жизни.

ИЗБЕРИ СЕБЕ УЧИТЕЛЯ

Шестнадцатилетний паренек обращается через газету к академику Андрею Николаевичу Колмогорову: «Я ищу Учителя. Вы меня не примете в ученики?» И тут же поясняет мысль: не учителя математики он хотел бы найти в выдающемся ученом, а человека, который научил бы мыслить, помог отыскать цель в жизни. Однако же, сам сомневаясь в возможностях академика уделить личное внимание его юной персоне, просит хотя бы ответить на такой вопрос: «Как вы «нашли» своего Учителя, или, может быть, он нашел вас?»

Сложный вопрос. Сложный в том плане, что взрослый человек не всегда может назвать с полной определенностью одно-единственное лицо, сыгравшее в его жизни роль Учителя с большой буквы.

Вот и А. Н. Колмогоров, отвечая своему юному корреспонденту, припомнил целую плеяду замечательных людей, прямо или опосредствованно повлиявших на выработку мировоззрения и становление характера. Серьезному, ответственному отношению к жизни, поискам большого увлекательного дела, нужного людям, его научила Вера Яковлевна Колмогорова, родная тетка, ей он отдает за это сыновью благодарность, признательность. В гимназии, где учился Андрей, он находился под влиянием примера Е. А. Репман и В. Ф. Федоровой, отдававших воспитанию детей всю свою душу и энергию. Тогда-то его захватила идея заняться в будущем педагогической деятельностью, создать собственную школу воспитания. И пусть в конечном счете победила математика, но ничто из этих нравственных уроков — уроков служения долгу — не пропало для него, все легло в фундамент личности.

Приняв решение отдать себя науке, А. Н. Колмогоров постарался получить самую основательную подготовку: учился у лучших математиков, в частности, у таких крупных ученых, как П. С. Урысон, П. С. Александров, В. В. Степанов и Н. Н. Лузин. И на этом этапе жизни инициатива поиска и «выявления» учителей принадлежала, как видим, самому ученику. Он шел за оценкой своих работ и за консультацией по специальности прежде всего к тем, кто мог строже спросить и больше дать.

Опираясь на свой личный опыт, Андрей Николаевич Колмогоров советует молодым людям: отрешайтесь от иждивенческого настроения, не ждите, что кто-то должен «найти» вас, научить (чему?), открыть вам нечто неведомое доселе. Искать цель жизни, учиться видеть и слышать, готовиться к встрече с

чудом познания, открывать красоту окружающего мира вы должны прежде всего сами. Старшие могут всему этому лишь п о м о ч ь.

Вместе с тем ученый напомнил: для многих роль Учителей играют з а о ч н о великие люди, освещающие путь всему человечеству. Среди таких светочей, еще в юношестве определивших его дальнейшее духовное развитие, он назвал Льва Толстого и созданные его гением образы, и Микеланджело, каким он встает со страниц биографии, написанной Роменом Ролланом.

Легко понять ученого: Микеланджело — одна из величественнейших фигур в истории цивилизации. Мало того, что он — гениальный художник, ярчайшая творческая индивидуальность. Феноменальной была его страсть к работе, созиданию, готовность трудиться наперекор многим соблазнам жизни и даже наперекор физическим страданиям. Был период, когда от перенапряжения мышц шеи при росписи фресок в Сикстинской капелле он потерял возможность опускать и поворачивать голову, но даже в таком положении художник продолжал неутомимо заниматься своим делом. Микеланджело не столько переживал и негодовал по поводу болезни, которая хотя и усложнила, но не остановила его работы, сколько по поводу перерывов на… трапезы.

Так и творил он с постоянно поднятой — в буквальном и образном смыслах слова — головой. Однако если задаться вопросом: чего же было больше в его напряженной работе — тягостного подавления самого себя или великой радости творчества? — то ответ будет один — радости. Какой поистине впечатляющий пример служения избранному делу продемонстрировал миру, сам того не ведая, Микеланджело. И потому не удивительно его влияние на чуткие юные души, а в их числе — и на русского юношу Андрея Колмогорова. Что с того, что избрана иная сфера деятельности? Ведь пример страстности в достижении большой цели, одержимости в труде не имеет профессиональных границ, каких-либо ограничений в заимствовании опыта.

Пример жизни и титанического труда Льва Николаевича Толстого, равно как и все сто томов его произведений могут служить и действительно служат Учителями для многих молодых людей. Вспомним хотя бы мудрые педагогические наставления писателя относительно средств самовоспитания, его постоянную озабоченность тем, как скорее и лучше помочь людям стать совершеннее, добрее друг к другу, овладеть духовными богатствами, полнее проявить свои творческие начала.

«Учительская» роль этого великого правдолюбца и горячего

патриота многозначна и многогранна и, конечно же, не может свестись к одной лишь педагогике.

> «Когда я прочел роман «Война и мир», я понял, что… краеугольный камень для моей жизни прочно заложен во мне образами и чувствами этой книги. Это было сознание того, что во мне горит глубокий, ровный и мощный огонь любви к России. Эта любовь связала в моих представлениях воедино революцию и ту духовную жизнь народа, которая уходила в прошлое, в его поиски правды, в его борьбу за нравственную жизнь. Проявления величия души народа в его битвах за Россию в прошлом перекликались с героизмом гражданской войны. Человечество было воспринято мною через патриотизм Толстого. Народ России — источник всей ее мощи, духовной красоты и силы — стал для меня символом человечества. В шестнадцать лет я рассуждал теми же словами, что написаны о Толстом сейчас, и все это было окрашено и пронизано до боли чувством любви к народу и природе России, тем чувством, которое до сих пор, не остывая, горит в сердце».

Так расценивает роль Толстого в своем духовном и гражданском становлении выдающийся советский ученый-генетик, академик Николай Петрович Дубинин, стиль жизни которого в свою очередь может служить образцом для подражания.

Коль уж зашла речь о книгах, то следует сразу сказать, что для юношества трудно найти более близких и общедоступных Учителей. Когда Алексей Максимович Горький говорил: «Всем лучшим во мне я обязан книгам», — то этим как нельзя более точно определил могучую воспитательную силу литературы, ее глубокое влияние на умы и сердца людей.

Наш Сергей М., похоже, побаивается трудных книг, закрывает их недочитанными. Но как, каким другим способом можно воспламенить ум и развить его? Биографы основоположника космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского называют десятки научно-популярных и других «взрослых» книг, оказавших влияние на развитие склонностей и интересов подростка-самоучки и способствовавших быстрому и прочному накоплению им знаний. Сам Константин Эдуардович впоследствии сказал:

> «Проблески серьезного умственного сознания появились при чтении».

При чтении! И нет у книги в этом отношении соперника-заменителя.

Многим, очень многим замечательным людям прошлого и настоящего именно книга не только помогла рано повзрослеть духовно, но и подсказала конкретную область труда, главное дело жизни или же ответила на жгучий вопрос, волнующий юношество: как жить правильно?

Академик Иван Петрович Павлов вспоминал, что горячий

интерес к науке вызвала в его гимназические годы книга Льюиса «Физиология обыденной жизни». А состоявшаяся через четыре года встреча студента Павлова с книгой Ивана Михайловича Сеченова «Рефлексы головного мозга» окончательно определила судьбу молодого человека. Для К. Э. Циолковского такой «поворотной» книгой стала «Физика» Гано, в которой, помимо прочего, рассказывалось о первых опытах воздухоплавания. Академик Н. П. Дубинин, кроме романа «Война и мир», называет еще две книги, перевернувшие его душу: «Мировые загадки» Э. Геккеля и «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Первая ввела его в область самых жгучих тайн мироздания, открыла прекрасный мир живой природы, ее красоту, заставила почувствовать себя частицей жизни Земли. Вторая, пусть и не во всем сразу понятная, помогла представить материалистическую картину развития жизни на нашей планете, ощутить внутреннюю силу и мощь человечества.

> «После прочтения книг Геккеля и Дарвина судьба моя была решена. Я не мыслил себе другого пути, кроме изучения явлений эволюции. Как это делать, я представлял себе смутно, но зато очень пылко. Однако уже в то время я отдавал себе отчет, что центральным пунктом во всех вопросах эволюции и управления жизнью служит проблема наследственности. Именно наследственность есть то свойство жизни, с которым в первую очередь связана сущность, результаты и механизмы эволюции. Вместе с тем оно так мало изучено, и это признавал сам Дарвин в «Происхождении видов». Я не знал тогда, что существует целая наука, изучающая наследственность, и что она с 1907 года, то есть года моего рождения, носит имя генетики. Так, не зная своего «божества», я уже был посвящен ему и в свои шестнадцать лет, конечно, был готов принести ему любые, какие бы ни потребовались, жертвы. Я не знал тогда, что жертвы еще впереди и что их действительно надо будет приносить».

Это опять строки из захватывающих, драматических по накалу мемуаров академика Дубинина «Вечное движение», из книги, которая, вероятно, в свою очередь приведет кого-то из юных читателей на стезю науки, на трудный путь исследования тайн природы.

К слову заметить, в свои шестнадцать лет Николай Дубинин находился в обстановке отнюдь не комфортной — в детском доме. Еще шла гражданская война. Николай был одновременно

учеником школы второй ступени и бойцом уездного отряда частей особого назначения (ЧОН). В комнате у ребят на столах лежали тетради и книжки, а в углу стояли винтовки. Ночами дежурили, однажды по тревоге выезжали на борьбу с бандитами. Но перед молодежью В. И. Лениным уже была поставлена задача: «Учиться, учиться и учиться!» И комсомол свято выполнял завет вождя. «Это было время, когда книги вошли и в мою жизнь»,— вспоминает Дубинин. Так в судьбе одного паренька отразился характер и настроение целого поколения.

Сколько угодно примеров благотворного влияния умной, содержательной книги на умы и сердца молодых людей, на выбор ими дела жизни и правильного стиля жизни мы можем найти и в наши дни, в нашем самом ближайшем окружении. Вот две взволнованные исповеди.

Рассказывает студентка медицинского института Людмила Алексеевская:

> «Раньше я считала, что книги существуют для развлечения или для того, чтобы постигать науки. Читала много, без выбора. Нравилось представлять себя героиней некоторых книг. Так было до тех пор, пока мне в руки не попала книга Николая Амосова «Мысли и сердце». Это повесть хирурга о самом себе, о работе, о проблемах сегодняшних, о будущем медицины. Эта книга, ее напряженный драматизм перевернули во мне все: я снова и снова перечитывала ее. Будто сама вместе с автором мучилась раздумьями о возможностях медицины, сгибалась под бременем ответственности врача, вместе с ним постигала счастье победы и горечь поражения. А сам Амосов, о котором я постаралась узнать побольше, стал моим идеалом человека и врача. Книгу Амосова я перечитывала бессчетно, каждый раз открывая для себя новое. Появилась потребность постоянно читать о врачах, о медицине, потом это перешло в необходимость… Вот так с помощью книги я решила посвятить себя трудному делу врачевания».

Конечно, Люде еще предстоит доказать свою верность профессии, избранной под впечатлением действительно прекрасной своими мыслями и предельно правдивой повести, но уже сейчас невозможно не оценить внутреннюю готовность девушки принять на свои плечи «бремя ответственности врача», как и ее горячее стремление построить собственную жизнь по лучшему образцу.

А вот свидетельство взрослого человека, уже доказавшего

свою преданность трудному делу, к которому он шел с мальчишеских лет. Рассказывает летчик Юрий Наумов:

> «Мне было всего девять лет, когда на день рождения мать подарила мне книгу Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». В первую очередь, как и положено в моем возрасте, я просмотрел картинки. Они мне понравились, книга была хорошо иллюстрирована. Читал я в то время медленно и, конечно, многого не понимал. Но помню, что меня очень поразило, с какой удивительной энергией Алексей Мересьев боролся за свою жизнь, за свою мечту.
>
> Я решил: когда вырасту, стану летчиком. Однако родители и друзья по школе считали мою мечту неосуществимой: уж очень я выглядел физически слабым. Не мог качаться на качелях, ездить на машине, так как не переносил качки.
>
> Но я знал свои недостатки и начал усиленно заниматься спортом. Постоянные тренировки почти полностью устранили эту болезнь.
>
> В четырнадцать лет пошел я в аэроклуб, но мне отказали, сказали, чтобы пришел через год. Через год повторилось почти то же самое, но я все же добился, чтобы меня приняли хотя бы на отделение планеристов. Увы, вскоре планер разбился, а он был всего один.
>
> Тогда перешел на отделение парашютистов — все ближе к авиации. В шестнадцать лет — первый прыжок с парашютом.
>
> После окончания школы подал документы в летное училище. Очень боялся медицинской комиссии, но все обошлось благополучно: здоровье оказалось в норме.
>
> Меня зачислили курсантом. Не скажу, что летное дело давалось мне легко. Приходилось заниматься и много тренироваться на земле. Но вот наступил день, когда я выполнил первый самостоятельный полет. Это был самый счастливый день в моей жизни. Закончив училище, получил диплом летчика. Моя мечта сбылась.
>
> Вот какую большую роль сыграла в моей жизни любимая книжка: она подсказала не только профессию, но и путь к ней!»

Вероятно, нет необходимости пространно комментировать это письмо — оно говорит само за себя. Но хочется обратить внимание на главное в нем — на торжество силы и воли человека в достижении им, под влиянием литературного примера,

труднодоступной цели. Разумеется, могло случиться и так, что юноша не стал бы летчиком. Но в борьбе с трудностями, в процессе преодоления преград он все равно закалил бы не только свое физическое здоровье, но и характер. А у сильных, волевых людей, как это прекрасно доказывает жизнь, возможности выбора всегда шире, богаче, им многое по плечу.

Как мы убедились, даже в этих двух случаях, очень четко связанных с выбором профессии, дела жизни, роль книги далеко вышла за рамки чистой утилитарности, узкого практицизма: читаю про врача — становлюсь врачом, читаю про летчика — становлюсь летчиком. Попутно шел еще и обязательный процесс нравственного обогащения, осознания той мысли, что важно не только кем быть, а главное — каким быть! Каким быть в избранном деле, каким быть в большой человеческой семье — коллективе.

Обращение к книге за советом по самым сложным вопросам жизни — насущная необходимость каждого человека. Но особая потребность в нем, конечно, у юной поросли. Вспоминает поэт Арсений Тарковский:

— В шестнадцать лет мне хотелось сократить разрыв между собой и взрослыми, преодолеть, чудом осилить их опыт, чтобы по-взрослому делать то, что я не умел, чувствовал, что не умею. Но помочь мне было некому. Смутно я сознавал, что одним скачком моей цели не достичь. Теперь мне кажется, что шестнадцатилетним нужны при отсутствии друга-руководителя хоть разумные книги, руководства по множеству вопросов и знаний, которые хочет разрешить и которыми хочет овладеть юность…

Итак, подростки, молодые люди ищут себе персональных Учителей. И такие Учителя есть, они совсем рядом, только протяни руку к ним — это книги. Однако всегда ли вы, юные друзья, в своих раздумьях о будущем, в своих сегодняшних заботах призываете себе на помощь такого мудрого союзника? Увы, не всегда.

Исследования последних лет показывают, что, несмотря на широкое развитие сети массовых, в том числе школьных, детских и юношеских библиотек, постоянных читателей в них гораздо меньше, чем должно быть. Анализ выявляет еще одну тревожную особенность: библиотеками, как правило, меньше всего пользуются учащиеся седьмых — девятых классов. Почему же к четырнадцати-шестнадцати годам ослабевает интерес к книгам, когда он должен бы, напротив, возрастать? Большая учебная нагрузка? Или какие-то другие увлечения? Какие?

В одной из московских школ было проведено обследование,

позволившее установить, что у основной массы старшеклассников семнадцать часов в неделю отнимает телевизор, причем передачи они выбирают бессистемно. Чтению же художественной литературы отдается… немногим более получаса. Перекос в сторону пассивного потребления духовных ценностей, как сигнализируют ученые, явление достаточно широкое и не может не встревожить.

Нет, юные друзья, нельзя лишать себя общения с самым прекрасным, верным другом и советчиком — книгой…

Но даже при всем величайшем почтении к этому мудрому наставнику было бы неразумно замыкать свой поиск только на нем. Оглядитесь повнимательней вокруг: быть может, вы найдете еще одного Учителя, о котором мечтаете, совсем рядом — под одной крышей с вами? Присмотритесь позорче к своему отцу, к матери. Вы хорошо знаете их? Глубоко понимаете их жизнь, работу? Действительно видите и цените лучшие качества в родителях? Это тоже надо уметь — видеть и перенимать все то доброе, что есть в ваших близких, каким бы обыденно-привычным ни казалось их поведение.

> «Отец… никогда не говорил: «Делай так, делай этак». Он вообще был неразговорчив. Он просто работал, а я наблюдал за ним. Пример его труда, не знающего ни сна, ни отдыха, многому меня научил», —

вспоминает авиаконструктор Алексей Андреевич Туполев.

> «Мне всегда хотелось быть похожим на отца — умного, волевого, глубоко интеллигентного человека. Огромную радость доставляли мне те маленькие поручения по его работе, которые он иногда давал. Мысль о том, что я тоже буду хирургом, все более и более укреплялась во мне…», —

рассказывал прославленный врач Александр Александрович Вишневский.

А вот какое взволнованное письмо прислал в редакцию газеты молодой рабочий Александр Щербаков:

> «На предприятие я пошел после школы. Отец поддержал меня. Молодец батя! Это, глядя на него, мне захотелось пойти работать. Придет иногда со смены усталый, молчаливый, но стоит спросить о заводе, и он, слово за слово, отойдет, а затем начнет рассказывать о своих делах с таким азартом и увлечением — только

диву даешься: откуда такая страсть, энергия?

Поначалу мне было тяжело и как-то непривычно, но постепенно втянулся в ритм рабочей жизни. И стало ясно: это своя особая жизнь, где главное — учиться и всегда во всем держать марку человека труда… Я еще раньше мечтал: пойду на завод и вызову батю на соревнование. Потом понял — пока это несбыточное желание. Хоть и постарел отец, а позиций не сдает. Наоборот, завоевывает новые. Недавно наградили его орденом «Знак Почета». Чтобы любить свою работу, как он, надо «открывать» ее каждый день, стремиться стать ювелиром своего дела, иметь чистую совесть. Тогда и работа откроет тебе душу, трудиться станет легко и радостно».

Вот так глубоко верно, вникнув в самую суть явления, оценивают роль отцов в своем нравственном становлении и профессиональном самоопределении разные люди. Что ж, кто-то может сказать: повезло им в детстве — такие замечательные отцы «достались»! Да, отцы замечательные. А только ведь и сыновья, как говорится, «на уровне» — остроглазые, восприимчивые к хорошему, чуткие к родительскому примеру.

Надобно бы так поступать и по отношению к другим окружающим — присматриваться к ним попристальнее, находить в них доброе, выделяющее их в лучшую сторону, а найдя такое — брать на собственное вооружение. В конкретной обстановке — когда вы сами знаете, чего хотите, к чему стремитесь, — вы скорее встретите своего Учителя. А по объявлениям на заборах ищут только репетиторов…

«ВТОРОЕ ДНО» СПОСОБНОСТЕЙ

Нередко приходится слышать от окружающих стенания по поводу интеллектуальных «перегрузок», «перенапряжения» ума и нервов. Что ж, бывает. Однако чаще всего оказывается, что речь идет просто о неумении правильно организовать труд и отдых или о психической неуравновешенности, но вовсе не об исчерпании сил. Давно и точно установлено, что даже при самой интенсивной умственной деятельности человек успевает использовать за свою жизнь лишь ничтожно малую часть потенциальных возможностей мозга, лишь слегка прикоснуться к своему «нервному» запасу.

По утверждению одного из физиологов, в четырнадцати миллиардах нервных клеток головного мозга содержится столько мыслительной энергии, сколько физической энергии в атомном ядре. Другой крупный ученый-математик подсчитал: в принципе человеческий мозг может вместить информацию, содержащуюся в десятке миллионов книжных томов. Представляете: в одной голове — крупнейшая библиотека мира.

Но в реальной жизни человек использует из такого фантастического потенциала в лучшем случае три-четыре процента, а обычно полтора-два процента интеллектуальной энергии. Будем считать, что девяносто шесть — девяносто семь процентов — это неприкосновенный запас мозга. Неприкосновенный, но не бесполезный, а служащий, по мнению ученых, своеобразным защитным барьером от нежелательных воздействий на человека извне. Природа и здесь наделила его своеобразным запасом прочности как «на всякий случай», так и «на каждый день». Даже не покушаясь на страховочный запас, каждый человек может при определенных условиях (все те же тренировки) повысить умственную работоспособность, скажем, с двух до двух с половиной процентов потенции, а это будет уже энергичным шагом в проявлении им своей интеллектуальной сущности, самосовершенствования.

Так вот, если рассматривать на этом фоне наши личные трудовые, творческие достижения, то, увы, приходится сделать вывод, что нередко живем мы вполнакала и делу отдаемся не в полную меру сил. Колоссальный кредит, отпущенный каждому из нас природой, используем, выясняется, беспечно плохо, неразумно. Иной раз — все по той же лености характера и малого спроса с себя. В других случаях — по незнанию способов интеллектуальных гимнастик, методики самосовершенствования. А еще — просто по незнанию собственных богатырских

возможностей в этой области.

В предыдущих главах мы с вами уже не раз встречались с мужественными волевыми характерами, со множеством случаев дерзновенной «самоперестройки» личности. Для большей убедительности отстаиваемой автором идеи бездонности человеческих возможностей далее будут приведены примеры драматического плана, из круга вынужденных и, казалось бы, безвыходных ситуаций. Давайте вместе проследим поведение ряда лиц в трудный для них час, трудный, а наряду с тем победный, когда, проявив силу духа, волю в борьбе с тяжелыми обстоятельствами, они вызвали у себя новые способности взамен утраченных, или же необычайно развили уже имевшиеся. Всего несколько судеб, но представляется, многие из нас могут найти в них принципиальный, годящийся на острые случаи жизни урок, а более всего — урок на саму жизнь, на каждый ее день и час.

Когда Николай Островский написал роман «Как закалялась сталь», он скромно назвал его «попыткой передать былое литературным языком». Так он и понимал свою задачу в тот момент: рассказать новому комсомольскому поколению о жизни и делах тех парней и девчат, чья юность пришлась на годы революции и гражданской войны, с кем он сам делил труд, хлеб и патроны.

История определила действительное место этой книги — она стала знаменем советской молодежи и передовой молодежи других стран. Невозможно переоценить ее значение в политическом и нравственном воспитании миллионов молодых людей, в подготовке их к жизни и подвигу.

Но не только книга, а и сама подвижническая жизнь ее автора стала символом стойкости духа и непотухающей энергии, обращенной на пользу своему классу, партии. Островский противился отождествлению его личности с литературным образом Павки Корчагина. Но если про Корчагина говорят, что он «раскрыл нам тайну нашей силы», то в неменьшей мере это надо отнести и к самому писателю-большевику. Искалеченный болезнями, ослепший, прикованный к постели, он обратился к литературному труду, как к новой возможности остаться в общем строю, быть полезным людям.

«Никогда раньше не писал», — так сообщит он в автобиографии в 1932 году. Не писал и, кажется, не помышлял об этом. Но потребовалось, и он стал учиться писательству, как учатся любому другому делу, с той лишь разницей, что каналом живой связи с окружающим миром у него остался единственно слух и что ему надо было спешить… Откуда он черпал в тот драматический момент духовные и физические силы?

Вот что писал в те дни Островский о себе:

> «То, что я сейчас прикован к постели, не значит, что я больной человек. Это неверно. Это чушь! Я совершенно здоровый парень. То, что у меня не двигаются ноги и я ни черта не вижу, — сплошное недоразумение, идиотская шутка сатанинская».

Островский делится мыслями с друзьями:

> «Самое опасное для человека не его болезни. Слепота, конечно, страшна, но и ее можно преодолеть. Куда опаснее другое — лень, обыкновенная человеческая лень. Вот когда человек не испытывает потребности в труде, когда он внутренне опустошен, когда, ложась спать, он не может ответить на простой вопрос: «Что ты сделал за день?» — тогда это действительно опасно и страшно. Нужно срочно собирать консилиум и спасать человека, так как он гибнет. Ну, а если потребность в труде не потеряна и человек, несмотря ни на что, продолжает работать, то можно считать, что с ним все в порядке».

Этот предельно честный человек скажет корреспонденту зарубежной газеты:

> «Я глубоко счастлив. Моя личная трагедия оттеснена изумительной, неповторимой радостью творчества и сознанием, что и твои руки кладут кирпичи для созидаемого нами прекрасного здания, имя которому — социализм».

Остро переживаемая радость творчества, осознание своей полезности, честно и до конца исполняемого долга — в этом, наверное, разгадка «секрета» Островского.

Николай Островский не знал и не мог знать, что его жизнь, такая, какой она состоялась, спасет впоследствии сотни и сотни человеческих жизней, вернет в строй множество попавших в беду людей. Вернет примером великой силы духа и железной воли, а еще — примером самораскрытия и смелого применения резервных способностей. А эти резервы есть у каждого.

Удивительно схожа с трудной и прекрасной своими свершениями судьбой Николая Островского судьба Ирины Триус. Схожа даже в деталях. В годы войны она, выпускница института инженеров железнодорожного транспорта, возглавила ударную

строительную бригаду на прокладке узкоколейной ветви в Сибири. Но через недолгое время сказались ледяная болотная грязь, пронизывающий ветер, непросыхающая одежда… Недуг, против которого оказалась бессильной тогдашняя медицина, навсегда приковал Ирину к жесткой постели. Тягучая, постоянная, изматывающая боль, неподвижность и… насыщенная серьезными делами и заботами жизнь, удивляющая работоспособность, жадная любознательность, живой интерес к людям!

Не вставая с опостылевших «досок», закончила экономический факультет транспортного института, и это — в дополнение к диплому инженера-электромеханика. Основательно изучила пять (!) языков и стала штатным сотрудником НИИ. Два десятка лет без каких-либо самопоблажек выполняла технические переводы и другие служебные задания. Ее работа была отмечена орденом «Знак Почета», званием «Почетный железнодорожник», многими другими поощрениями.

Но и этих трудовых нагрузок показалось Ирине мало. Захотелось поделиться с людьми своими мыслями, настроением, приободрить тех, кто почему-либо опустил руки, разуверился в себе. Так появилась ее первая книга «Жить стоит», а за нею вторая — «Спасибо вам, люди». В них она вспоминает об истинах, казалось бы, так всем знакомых, но в устах человека, выстрадавшего эти истины своей судьбой, они звучат с новой силой:

> «Мы с ученической скамьи усваиваем, что труд создал человека. И не задумываемся над этим особенно. Я испытала на себе, что труд, именно труд способен вернуть к жизни даже самых отчаявшихся».

Перекличка с Николаем Островским… Она в поведении Ирины Триус, в ее делах, в ее мировоззрении, в ее наблюдениях:

> «Я по-прежнему верю, что счастье человека — в нем самом. И зависит не от того, как складывается судьба, а прежде всего от того, что представляет собой сам человек и его внутренний мир».

«Очарованная жизнью душа» — так назвала Ирину Триус одна из ее близких подруг, восхищенная оптимизмом и волей этого физически почти бездвижного человека, сумевшего, однако, не только уравнять себя с другими, здоровыми людьми, но и пойти дальше кого-то из них в делах и чувствах.

Обратим снова внимание на резервные способности,

использованные человеком в драматической ситуации. Ирина Триус с детства мечтала стать железнодорожницей. Ее влек мир поездов, скоростей, непрестанного движения, мир колесной техники. Как и хотела, приобрела специальность инженера-движенца. Но пришлось, и выступила в новой для себя роли — переводчика-полиглота, специалиста в области технической информации. И еще — пришла к литературному творчеству.

Не скрою, собирая материал для этой главы, анализируя разрозненные поначалу факты, испытывал и продолжаю испытывать чувство благоговения перед людьми, сохранившими внутреннюю счастливость и работоспособность в самых, казалось бы, безнадежных положениях. Но сами они, эти подвижники, все как один требуют относиться к ним без подчеркнутого выделения из общего ряда, без умиления, говорят о своей жизни и работе, как о чем-то обыкновенном, разумеющемся. Нет, они не скрывают своей боли, своей трагедии, но и не хотят, чтобы их изображали мучениками, — ведь ко всему прочему это еще и очень гордые люди. И все же их духовная красота, душевная щедрость, страстное рвение к труду должны быть нами замечены и выделены, хотя бы уже ради напоминания о наших собственных внутренних силах и дарованиях.

Как не изумляться парадоксальным проявлениям человеческой талантливости?! Можно представить себе слепого музыканта. Можно представить себе математика с пораженным слухом. Как представить себе слепого художника? Но были и такие.

К балерине и хореографу Лине По, сверстнице Николая Островского, беда пришла в 1934 году, когда Павка Корчагин уже стал любимым героем молодежи, образцом воли и мужества. Молодая женщина в расцвете сил неожиданно заболевает энцефалитом. Полная потеря зрения без надежд на восстановление. Частичный паралич. Как жить дальше? Уныло тянуть дни? Прозябать в безделии? Она сказала себе:

> «Смог же оглохший Бетховен писать музыку. Остужев, потеряв слух, остался выдающимся актером. Николай Островский сменил винтовку на перо писателя. Репин научился писать левой рукой, когда отнялась правая. Я должна преодолеть слепоту».

И преодолела!

Вспомнив свое прежнее увлечение искусством скульптуры, Лина всерьез занялась лепкой. Задуманные образы прорабатывались мысленно в мельчайших деталях, а затем уже натренированными, до предела чувствительными пальцами

переводились в материал. Читатель может понять, что за этой короткой фразой, вряд ли объясняющей содержание всего творческого процесса, в действительности лежит огромное напряжение воли и огромное напряжение мысли. Потому что не поделки лепила Лина По, а настоящие, серьезные произведения искусства. От скульптурных «балетных» фигур к портретам Пушкина, Паганини, Чехова, от поэтических скульптур-раздумий к героической теме военной поры… Незрячая, она видела мир остро и объемно, как видит его далеко не каждый зрячий художник, поэт, артист.

Один из любимых поэтов детворы — Леонид Куликов, наш земляк, курганец. Его стихи и сказки — это страна, населенная веселыми и смелыми, дерзкими и озорными, верящими в дружбу и в солнечное будущее мальчишками и девчонками. И порою трудно поверить, что эти прекрасные оптимистические книги написал человек, физически недвижный с детства, пораженный тяжелым недугом.

> «Сейчас трудно объяснить, почему я начал писать, — рассказывал Леонид Иванович. — Была любовь к жизни, интерес к поэзии. И было юношеское стремление узнать, какой я, на что способен. Конечно, я много читал. Но мне хотелось активного действия. Шла война, страна вела смертельный бой с фашизмом. Мои товарищи воевали, работали. И мне горько было чувствовать себя иждивенцем. Конечно, я много знал о подвиге Николая Островского. Но Островский — человек суровой закалки, герой гражданской войны, вожак рабочей молодежи, большой талант, много увидевший своими глазами. Ему было о чем писать. А я? Обыкновенный мальчишка, со школьной скамьи «прикованный к постели, как муха к липкой бумаге». Я должен был найти свое место».

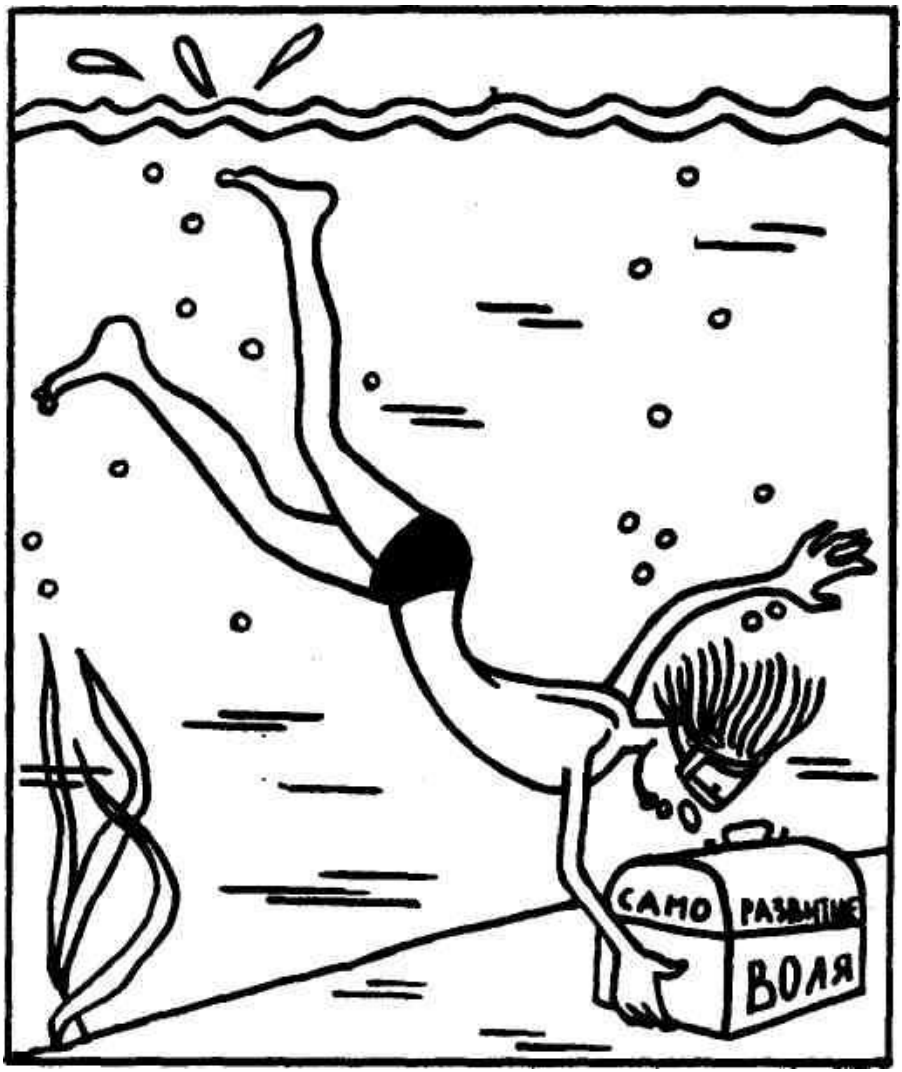
Как и у Островского, другого пути к людям, кроме литературы, у него не было, и он стал литератором, несущим радость детям. А вместе с тем принесшим радость и себе. Перед выходом первой книжки Леонид писал:

> «Чудеса, братишка! Сам не верю я: скоро выйдет книжка. Знаешь, чья? Моя! Книжка тоньше спички. Книжка для детей. Малыши и птички защебечут в ней. Это не ошибка. Это не во сне. Золотая рыбка приплыла ко мне».

Приплыла золотая рыбка… Сама приплыла? Более тридцати

лет каждодневного труда, каждодневного преодоления физической боли, постоянных творческих сомнений, четыре стены вокруг и такой звенящий полет души!

Лина По и Леонид Куликов продолжили эстафету подвига в искусстве. Но у этого подвига нет ни территориальных, ни профессиональных границ. Как сводку побед, одержанных людьми над своими недугами, а в известном смысле и над самим собой, можно рассматривать продолжаемый ниже список бойцов, оставшихся в гражданском строю вопреки обстоятельствам.



Анатолий Ракитов. Уже на первом курсе университета знал, что вскоре ослепнет и оглохнет, в довершение к этому врачи предсказали ему «матрацную могилу» из-за болезни позвоночника. К неотвратимо надвигающейся тишине и тьме

готовился так, чтобы это не стало трагедией. Много читал, прослушал огромный объем классической музыки, запасаясь ею впрок. Настойчивейшим образом занимался физическими упражнениями и тем предотвратил полную бездвижность. Сейчас Анатолий Ракитов — один из крупнейших специалистов по логике и методологии научного исследования, доктор философских наук, профессор, автор более шестидесяти печатных работ. А если верить документам — полный инвалид.

Кененбай Кожабеков. Двадцать лет назад этот популярный в Алма-Ате артист театра и кино (широкая публика знает его по кинофильмам «Алитет уходит в горы», «Джамбул», «Мы из Семиречья», «Девушка-джигит» и другим) был жестоко избит пьяными хулиганами. Проникающее ранение спинного мозга привело к параличу ног. И вот уже в таком состоянии он снялся еще в девяти фильмах, исполняя в основном главные роли. Как это ему удалось? Двойным, тройным напряжением сил, через страшную боль. Беспощадно требовательный к себе артист работал над любой ролью неистово и влюбленно. Дочь Кененбая, остававшаяся все эти годы на его попечении, поступая в институт, писала сочинение на свободную тему — «Корчагинцы сегодня». Писала об отце, о его подвиге…

Николай Феноменов. В 1941 году комсомолец, проходчик одной из шахт московского «Метростроя» Николай Феноменов ушел добровольцем на фронт. В бою осколками мины оторвало руки, выбило глаз. Врачи сумели путем расщепления кости создать по два искусственных пальца на каждой культе, считая, что пациент сможет после длительных тренировок удерживать лишь легкие предметы. Феноменов «обманул» врачей: научился писать, чертить, овладел рабочими инструментами и… вернулся в шахту. За большие производственные заслуги и высокое профессиональное мастерство бригадиру проходчиков «Метростроя» Феноменову были присвоены звания Героя Социалистического Труда и заслуженного строителя РСФСР.

Леонид Картаузов. Сын полка. На фронте получил тяжелое ранение, которое привело к ампутации ног. Но решил поставить себя «на уровень с обыкновенным человеком». Вопреки сопротивлению докторов уехал в 1954 году на целину, сел за рычаги трактора. «Целинным Маресьевым» назвали его впоследствии. Ныне он — Герой Социалистического Труда. Механизатор высокого класса, активный общественник, глава большой и дружной семьи. О себе говорит: «Я человек счастливый…»

Счастливый!

Но если столь многое могут делать, совершать больные,

искалеченные ранами и болезнями люди, то сколько должны бы спрашивать с себя те, кто полон физических сил, не стеснен в возможностях? Эта мысль неизбежно напрашивается, когда исследуешь подобные биографии.

К такой мысли приходят и сами не покорившиеся судьбе личности:

> «Я глубоко верю: возможности человека беспредельны. Я думаю, что мы даже не подозреваем, где им конец. Но проявить эти возможности можно лишь в результате многолетнего, систематического, ежедневного, ежечасного труда над собой. Конечно, это трудно. Конечно, это надоедает. Для этого воля нужна, а ведь и волю надо воспитывать. Так вот, все это и есть процесс самовоспитания. Он зависит только от вас», —

утверждает заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза Сергей Анохин, собственной жизнью доказавший, что перед сильной волей рушатся, казалось бы, непреодолимые преграды, вернувшийся после тяжелой аварии в летный строй вопреки строгим медицинским заключениям и сохранивший в этом строю авангардное место.

Подвиг самовоспитания доступен каждому. Доступен в любом возрасте.

Сейчас ученые настойчиво ищут способы проникновения в «запасники» человеческих способностей, раскрытия «второго дна» человеческого интеллекта, в том числе и с помощью искусственных стимуляторов. Но, по-видимому, главным таким «способом» всегда будет оставаться собственная воля и настойчивость человека, его требовательный спрос с самого себя: «Все ли я сделал, чтобы знать и уметь больше, чем знаю и умею сегодня, все ли я сделал, чтобы стать сильнее и мудрее, чем есть сейчас?»

ЧЕМПИОНАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Острая критическая ситуация… Пожалуй, ни при каких других обстоятельствах не выявляется столь же выпукло, зримо сиюминутное психологическое состояние, а то и в целом характер человека. С другой стороны, критическая ситуация нередко пробуждает фантастические возможности организма, интеллекта, воли. Вспомним примеры, обычно вызывающие поначалу лишь улыбку, смешок. Мужчина отнюдь не спортивного склада, спасаясь от разъяренного быка, запросто перемахивает через двухметровую кирпичную стену. Попытки повторить этот «номер» в спокойном состоянии успеха не имеют. Старушка в одиночку выволакивает из горящего дома огромный сундук с добром. После ликвидации пожара его с трудом возвращают на место четверо здоровых мужчин.

Это примеры мгновенного напряжения воли и «взрывчатой» мышечной реакции организма на опасность. Мы наблюдаем здесь удивляющее умножение физических сил. Откуда берутся они?

Инженеры, рассчитывая свои конструкции и механизмы, придают им большой страховочный запас прочности и надежности. Они обязаны предусмотреть и обеспечить устойчивую работу технических устройств в широком диапазоне нагрузок, от минимальных через оптимальные к максимальным. Сверх того, они должны предусмотреть возможность хотя бы кратковременной их работы в экстраординарном, чрезвычайном режиме. Так и природа, создавая человека и совершенствуя его в процессе длительного отбора, эволюции, мудро позаботилась о том же.

Николай Михайлович Амосов, горячий пропагандист больших физических нагрузок и высокого темпа жизни, как лучшего средства профилактики и освобождения людей от недугов, в своей теории исходит из такой оценки запаса прочности «конструкции» человека: производительность сердца, вентиляция легких, мощность мышц могут увеличиваться при настойчивых тренировках в восемь-десять раз. Этот огромный резерв физических сил должен бы использоваться не только в критических ситуациях, но часто остается мертвым капиталом.

В этом смысле следует согласиться, что рекордсмены в спорте, цирковые акробаты, гимнасты, жонглеры демонстрируют людям их собственные потенциальные возможности, раскрыть которые можно путем продуманных систематических тренировок. Нет, речь не идет о том, что каждый в состоянии повторить результаты чемпионов, рекордсменов, но о том, что каждый

может усовершенствовать свои физические силы и сноровку, укрепить здоровье и дух. Еще древний мудрец Хпихари подсказывал:

> «Упражнение, друзья, дает больше, чем хорошее природное дарование».

Двадцать пять веков, прошедших со времени обнародования этой мысли, дали достаточно много подтверждений ее справедливости, однако, увы, далеко не для всех нас стали руководством к действию.

Читатель, конечно, ждет зримых фактов на этот счет. За ними дело не станет. А черпать их мы будем опять же отнюдь не из древности — из наших дней.

Валерий Брумель — человек-легенда, спортсмен высочайшего класса, чье шествие за рекордами в прыжках в высоту остановил лишь нелепый драматический случай. Можно было бы подумать, что в большой спорт он пришел «закономерным» путем: рано выделился физическими данными, был тут же замечен и так далее. В действительности дело обстояло несколько иначе, сложнее.

В младших классах Валерию частенько перепадало «на орехи» от ребят и особенно от однокашников-переростков, которых в первые послевоенные годы в школах было немало. Худой, длинноногий, неловкий в движениях, а вместе с тем строптивый, никак не желавший исполнять подчиненную безгласную роль среди своих более сильных сверстников, он долго был мишенью для их грубых оскорбительных выходок. В конце концов решил: я должен стать сильным.

Но как это сделать?

Кто-то подсказал: иди в гимнастику, там накачаешь мускулы. Однако в секции долго не продержался — отчислили, уж очень физически слабеньким оказался. В секцию штангистов вообще не взяли. Больше повезло в пионерском лагере: после удачного прыжка на него обратил внимание преподаватель физкультуры и предложил заняться легкой атлетикой с тем, чтобы потом выступать на школьных соревнованиях. Этот момент, вспоминает Брумель, стал для него переломным:

> «Впервые в жизни в меня вдруг кто-то поверил. И как!.. Каким образом этот школьный учитель физкультуры угадал во мне, тогда все еще тщедушном, нескладном пареньке прыгуна, не знаю… Во всяком случае, сегодня я ему очень благодарен за это…», —

так впоследствии оценил это событие чемпион мира в своей книге «Высота».

Вместе с тем учитель предупредил парнишку: спорт — это прежде всего тяжелая работа. Так оно и оказалось. Однако, окрыленный верой первого спортивного наставника и первыми успехами, Валерий открыл в себе такие силы, каких никогда не предполагал. Ключиком к такому «самооткрытию» стал напряженный многолетний труд, подхлестываемый честолюбивыми устремлениями:

> «В спорт я пришел от желания стать сильным — я добился этого… Потом я захотел быть первым — добился тоже…»

Спортивным специалистам известно немало и других случаев, когда, казалось бы, бесперспективные и порою поначалу отвергнутые ребята за счет огромного желания, целеустремленности, воли, хорошего честолюбия опережали тех, кто был щедро одарен от природы, но не имел перечисленных качеств. Это заставляет теперь тренеров отходить от шаблонных методов отбора, расширять круг поисков, внимательнее присматриваться к волевым качествам абитуриентов спортивных школ и секций, учитывать и мотивы их тяги к спорту, основываясь на принципе: тот, кто хочет, делает подчас больше, чем тот, кто может.

В этом случае «случай Брумеля» в спорте не редкость. На чемпионате мира и Европы по тяжелой атлетике в 1977 году победителем среди штангистов среднего веса стал советский спортсмен Геннадий Бессонов. Он завоевал тогда сразу шесть золотых наград. «Былинный богатырь» — такое звание присвоили ему восхищенные журналисты, наблюдавшие за ходом состязаний. Однако тем самым они оценили не только выдающийся результат Бессонова, а и его характер, внешнее совершенство, красоту могучего тела.

> «Ну и парень! Косая сажень в плечах, русоволосый, приветливый. А улыбка! Кажется, он любит весь мир, ко всем готов прийти на помощь — только позови», —

говорилось в одном из отчетов из Штутгарта.

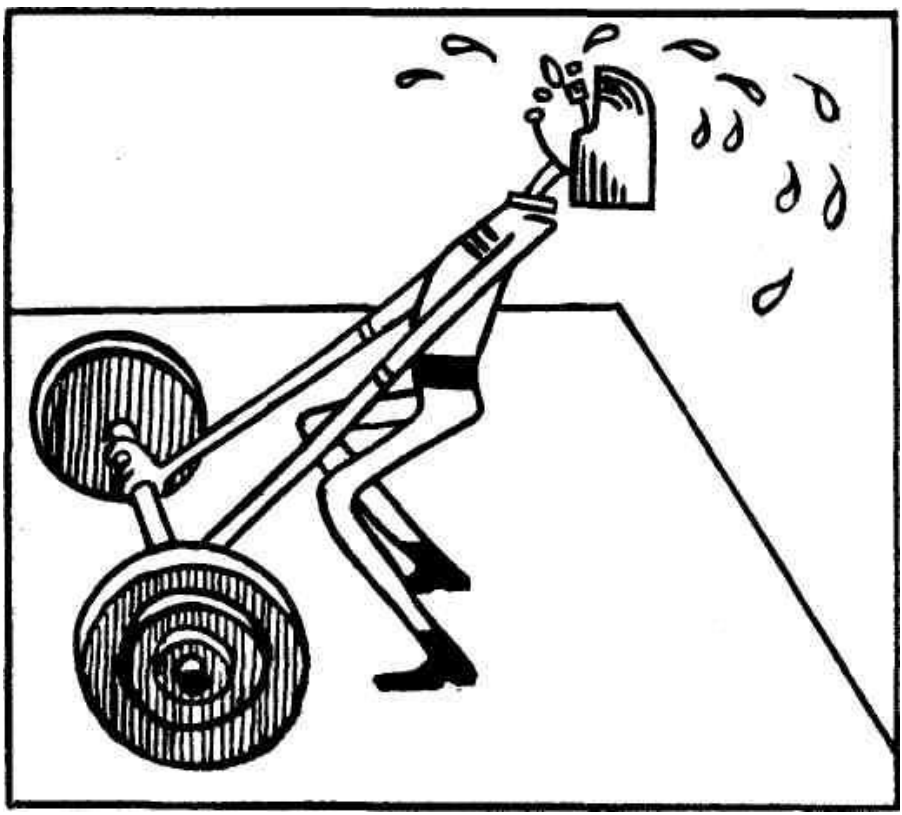
После победных упражнений Геннадий оказался в кольце репортеров. Первый вопрос:

— Что привело вас на помост?

Последовал ответ, несколько неожиданный для тех, кто не знал Бессонова раньше:

— В детстве после тяжелой болезни я был таким хилым, что меня могла обидеть любая девчонка в классе. Во что бы то ни стало я решил стать сильным. Стал заниматься легкой атлетикой.. А незадолго до окончания школы попробовал поднимать штангу…

«Решил стать сильным». Решил и стал! Какая схожесть с тем, как это происходило у Брумеля. Та же первоначальная ситуация «обиженности судьбой», тот же мотив и путь действий: от осознания несправедливости положения к осознанию возможности поправить дело, от задумки — к практическим шагам.



Самое удивительное, пожалуй, даже не в самих этих фактах — мало ли исключений из общих правил происходит в жизни?! Скорее удивляет — и обнадеживающе радует! — частая повторяемость подобных случаев, дающая право снова и снова говорить об исключительно больших возможностях человеческой воли и систематических тренировок в строительстве личности, в преодолении неблагоприятных обстоятельств. Вот еще несколько подтверждений этого вывода.

Корнелия Эндер — неоднократная чемпионка мира в

плавании. Краткий портрет: высокая, красивая, стройная, уверенная в себе девушка. Глядя на нее, никто не думает, что в детстве она даже передвигалась с трудом из-за вывиха бедер. Там, где оказалась бессильной медицина, помог плавательный бассейн. Самой большой своей победой в жизни Корнелия считает день, когда, вернувшись из бассейна домой, дрожащим голосом сказала отцу: «Я хожу так же, как и другие дети. Могу и пробежаться»…

Ленинградская школьница Юлия Богданова, чемпионка и рекордсменка мира в плавании. В восемь лет по совету врачей родители привели Юлию в бассейн. Через год от искривления позвоночника не осталось и следа, а пришла жажда новых побед, желание сполна проявить себя.

Валентина Закорецкая. Знатоки называют ее фантастической спортсменкой: более шести тысяч парашютных прыжков на ее счету, более пятидесяти мировых рекордов. Ее воспоминания о детских годах: сорвиголова, вот только «здоровьишко было неважным». Потому перепробовала акробатику, гимнастику, волейбол, велосипед, теннис, легкую атлетику. «Перепробовала», наверное, не то слово — ни одно из этих занятий не оказалось бесполезным, любое делало ее сильнее, совершеннее.

В шестнадцать лет пришла в парашютный спорт: захотелось проверить свою смелость, характер. Ведь и сама не верила, что хватит духу шагнуть с борта самолета в неведомую бездну. Хватило самолюбия. Потому теперь имеет право сказать непримиримо и категорично:

> «Я не раз видела, как люди отказывались от прыжков, трусили. Я таких людей не уважаю. Особенно парней. Ведь хочется верить, что мужчина и мужество — понятия родственные. Если не смог себя заставить во имя даже собственного самолюбия, завтра не сможешь рисковать ради чего-то или кого-то, ради каких-то идей».

Есть замечательная книга — «Драматическая медицина» Гуго Гляйзера. В ней повествуется о мужестве врачей. Рано или поздно будет, наверное, написана и документальная книга «Драматический спорт». В ней можно рассказать о тех спортсменах, на которых в расцвете сил, в зените славы обрушивалось неожиданное несчастье, приходила тяжелая болезнь, разом рушившая планы, надежды, здоровье. И сколь многих из них все тот же спорт возвращал к активной полнокровной жизни, к новым победам — будь то на стадионах или в иных сферах деятельности.

Вернемся к Валерию Брумелю.

В тяжелой катастрофе ему изуродовало правую ногу. Если говорить точнее: почти оторвало ступню — она оставалась держаться лишь на связках и сухожилиях, раздробило на несколько кусков кости голени. Два с половиной года провел в больницах — кости не срастались. И еще около пяти месяцев в клинике у чудесного исцелителя — курганского доктора Гавриила Абрамовича Илизарова, ныне лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда. Казалось бы, смешно даже думать о возвращении к прыжкам. А Брумель вернулся, снова стал прыгать за два метра, сантиметр за сантиметром продвигаясь к прежним результатам. И лишь новая беда — разрыв связок теперь уже на левой ноге — остановила продвижение к новым рекордам. Но не остановила движения вперед — к людям, к новым свершениям — теперь уже на ниве литературной деятельности.

После всех тяжелейших перипетий Валерий Брумель не утратил оптимизма. Напротив, еще больше окрепла его воля и вера в людей: скольких друзей обрел он в несчастье, скольким обязан своим вторым рождением. Жизнь обрела новый смысл.

> «Уважение к себе как к человеку, уважение тебя другими людьми, их заинтересованность в твоей судьбе — это тоже высота. И высота ничуть не меньшая, чем моя прежняя — два метра двадцать восемь сантиметров. Ради нее стоит жить и бороться дальше. Я счастлив, что нашел для себя эту высоту. Ее можно покорять беспрерывно… предела человеческой высоте нет», —

утверждает человек, прошедший суровую школу не только физического, но и духовного становления.

И сам отвечает на вопрос о движущих силах на этом пути:

> «Не славы хочу я… Победы… Без этого слова ни одну человеческую жизнь нельзя назвать полноценной. Человек рожден, чтобы побеждать. Самого себя, соперника, закостеневшее мнение большинства, природу… Иначе жизнь его просто бессмысленна».

Жажда победы! Это поистине целебная жажда. Не о том ли поведает нам и другой драматический случай со счастливым концом.

Легендарным спортсменом называют Владимира Голубничего, героя пяти Олимпиад, чемпиона спортивного долголетия: более двадцати лет он возглавлял список лучших

скороходов мира. Первый его рекорд относится к 1955 году. Впереди — блестящие перспективы. И вдруг все безжалостно ломает мучительная болезнь. Приговор врачей суров: жизнь на лекарствах, покой…

Но вот кто-то из друзей принес в больничную палату книгу известного советского пловца Леонида Мешкова «Только вперед!» Рассказывалось в ней, в частности, и о том, как после фронтового ранения вернулся в спортивный строй этот довоенных лет чемпион страны, мировой рекордсмен, как снова стал удивлять всех выдающимися результатами. И это — с простреленной рукой!

Крепко задумался Владимир: надо ли мириться с бедой? Почему не попытаться победить болезнь? Подумал и «прописал» себе те лекарства, которые не продаются в аптеках: движение, ходьбу. Сначала легкий прогулочный шаг, затем постепенное ускорение темпа, увеличение нагрузки. И так — день за днем, месяц за месяцем. Через три года он вновь стал мировым лидером в своем виде спорта. Это уже после болезни Голубничий собрал уникальную коллекцию олимпийских наград: золото — в 1960 и 1968 году, серебро — в 1972, бронзу — в 1964 году. А как вы расцениваете такой примечательный момент: в сорок лет Голубничий стал ходить быстрее, чем в девятнадцать!

Пять лет был чемпионом страны по настольному теннису студент-медик Альгимантас Саунорис, пока не подкараулила его болезнь. Врачи предупредили: в спорт возврата нет, опасно. Но, подлечившись, Альгимантас взялся за тренировки. И болезнь отступила. Еще восемь лет никому не уступал он звания чемпиона страны.

Теперь Саунорис — ведущий хирург Вильнюсской клинической больницы, коллеги называют его «железным доктором» — столько в нем упорства, воли, целеустремленности. Откуда?

— Те очки, которые я набирал в поединках у теннисного стола, — поведал в беседе со столичным корреспондентом маститый врач, кандидат медицинских наук Саунорис, — очень пригодились мне в жизни, в работе. Во-первых, игра с ракеткой помогла приобрести стремительную реакцию, точность движений, хладнокровие — качества, так необходимые хирургу. Во-вторых, что еще более важно, спорт завещал мне правило, которому всегда следую: если хочешь чего-либо достичь, нужно от многого отказаться. Отказаться во имя главного, любимого дела…

Все эти примеры подчеркнуто драматического толка приведены здесь все с той же определенной целью: напомнить о поистине огромных возможностях человека даже в условиях

повышенной неблагоприятности, о средствах достижения физического совершенства, а вслед за ним и укрепления нравственного здоровья и силы духа. Спорт в этом отношении является универсальнейшим «лекарством» от всяческих недугов, всеобщей, доступной едва ли не каждому кузницей закалки характера, ареной самоутверждения.

Занятия спортом, постоянное испытание борьбой дают человеку тот запас прочности, воплощенный в крепких тренированных мускулах и в бодром здоровом духе, обладание которым помогает преодолевать неизбежные в жизни трудности, выдерживать тяжелые испытания, достигать большего, чем, казалось бы, определено природой.

Между прочим, многие выдающиеся спортсмены осторожно, а порою скептически относились к попыткам отнести их успехи прежде всего за счет природной одаренности, генетической крепости организма. Весьма характерной в этом отношении является самооценка своих сил одним из замечательных боксеров современности — Валерием Попенченко. Напомним о нем тем читателям, которые по молодости лет не имели возможности наблюдать за его спортивными подвигами, движением к вершинам мастерства.

Валерий Попенченко, спортивная биография которого относится к 60-м годам, носил все мыслимые в любительском боксе титулы и звания, в том числе был удостоен и Кубка Баркера. Чтобы заслужить этот кубок, мало быть чемпионом своей страны, мира, мало побед над самыми именитыми соперниками. Крупнейшие спортивные светила мира тайным голосованием удостаивают этой награды только тех, кто выделился исключительным мастерством, доказал абсолютный приоритет в технике бокса.

Так вот, Валерий весьма энергично отверг попытки объяснить «феномен Попенченко» счастливым даром природы, причудами генетической программы:

— Я избрал спорт, занятия спортом, чтобы компенсировать то, чего мне, по моему разумению, не хватало. Спорт — это гранило моей личности, так я думал всегда. А если я «гений от генетики»… Что ж, тогда мне жалко потраченного времени. Но это не так, я уверен, что не так.

Журналистам, интервьюировавшим выдающегося спортсмена, этого ответа показалось мало. Если Попенченко не «гений от генетики», то что же тогда привело его на спортивную вершину, выше которой ничего нет?

— Может быть, я тренировался больше, чем другие, может, относился к тренировкам чуть вдумчивее, мудрее. А может,

просто повезло с тренером.

Попенченко неоднократно подчеркивал, что спорт был для него школой самоутверждения, ареной борьбы, на которой он воспитывал характер, волю. С какой целью, для чего?

Для жизни, для работы.

Надо напомнить молодому читателю, что Попенченко основной своей стезей считал инженерное дело и достиг в нем немалого: защитил диссертацию на ученое звание кандидата технических наук по весьма важной для морского флота теме, готовил докторскую диссертацию. Лишь трагический случай, рано оборвавший его жизнь, не позволил довести начатое дело до конца. Однако остается фактом: спорт и свои победы в нем он всегда рассматривал не как самоцель, а как подсобное средство достижения иной, более высокой, цели — отдать людям свой интеллектуальный запас, накопленный профессиональный опыт.

> «У меня есть знания морского инженера, моя воля закалена битвами на ринге… Что из того, что теперь мои бои вышли за пределы ринга, что ареной их стала жизнь? К этому я и готовился. Для этого я призывал себе на помощь бокс. Все, что он мне дал, не пропало втуне».

Не послужат ли эти слова человека, сознательно выстраивавшего в себе гармоническую личность, руководством к действию и для тебя, юный друг?

Ты просто обязан, если действительно уважаешь, хочешь уважать себя, помнить и следовать разумнейшей истине: физическое совершенство, физическое здоровье есть та почва, на которой произрастают и духовные, и умственные богатства. Пренебрегая физическим развитием, отводя его на какой-то дальний план, молодые люди тем самым выбивают у самих себя почву из-под ног и впоследствии нередко сурово расплачиваются за такую непредусмотрительность.

В этой связи хотелось бы привести свидетельство еще одного замечательного человека, одинаково заметно проявившего себя и в спорте, и в других областях деятельности. Рассказывает кандидат медицинских наук, заслуженный работник культуры Таджикской ССР, заслуженный тренер СССР, двенадцатикратный чемпион страны по гребле на байдарке Ибрагим Хасанов:

— Одни называют меня чудаком, другие — фанатиком. Изо дня в день, из года в год я поднимаюсь в пять часов утра и без всяких скидок и жалости к себе следую раз и навсегда установленному распорядку: тренировка, лекции в медицинском институте или работа в клинике и снова тренировки. Иногда спрашивают: «Наверное, тяжело, устал? Стоит ли так

напрягаться? Чего тебе еще не хватает? Различных спортивных наград — чемодан, за плечами два института, кандидат медицинских наук, работаешь над докторской, воспитанники твои — чемпионы Олимпийских игр и мира. Угомонись, наконец». Иногда я не столько оппонентам, сколько самому себе отвечаю: ведь по-другому я уже просто не могу. К этим перегрузкам приучил меня спорт. Когда я, собрав волю в кулак и сжав зубы, гнал свою байдарку к финишу, я ведь одерживал верх не только над соперником, я побеждал самого себя. Такая наука чего-то стоит…

Обратите внимание, как похоже оценивают значение спорта в своей жизни и Брумель, и Попенченко, и Хасанов: победы в нем — это прежде всего победы над самим собой, над своими слабостями.

Выше речь шла о чемпионах и рекордсменах и о их подчас необычайно трудном пути в большой спорт. Но на этих примерах автор хотел раскрыть главное — ваши собственные возможности стать сильнее телом и духом. Пусть не каждый из вас в состоянии завоевать, какой-либо почетный титул, но каждый может и должен одолеть свою собственную «олимпийскую» высоту. К слову заметить, тот же Попенченко свои первые скромные победы над отнюдь не именитыми соперниками уравнивал — в самовоспитательном плане — с самой значительной победой на Токийской олимпиаде. И тут и там он побеждал прежде всего самого себя — вчерашнего.

Какую бы увлекательную профессию вы ни избрали для себя, какого бы положения вы ни достигли в ней, без активных занятий спортом ваша жизнь будет определенно обеднена. Подчеркнем: б е з а к т и в н ы х з а н я т и й с п о р т о м. Ибо при всем почтении к физическим упражнениям в их чистом виде, при всем понимании важности для поддержания здоровья утренней гимнастики, пеших прогулок и так далее приходится честно сказать, что одни они не дают той радости бытия, какую доставляет спорт с его накалом борьбы, неожиданностями, соперничеством, переживаниями.

По крайней мере, как надо понимать, «бег трусцой» изобретен не для молодых людей. Настоящие мужчины играют в хоккей (футбол, баскетбол, волейбол, гандбол, теннис), лазают по отвесным скалам, бегают вперегонки с ветром и друг с другом, прыгают с трамплинов, ныряют на дно морское и поднимаются за облака…

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ЖИВЕТ В ТВОЕМ ДОМЕ

Древний философ Платон предупреждал:

> «Пусть никто не будет одновременно литейщиком и плотником, ибо человеческая природа не может одновременно делать два искусства и две науки».

Через столетия видный просветитель XVI века испанский врач Хуан Уарте подтвердил эту мысль:

> «Природа… может дать каждому человеку не более одного вида дарований… Способности человека столь ограниченны, что он сможет овладеть только одним делом, но не больше».

Не больше! Вот ведь как.

Не будем слишком строги к Платону и Уарте, сыновьям далекого прошлого: в окружающем их мире, вероятно, им просто недостало материала для формирования иной точки зрения, для выводов о богатстве и разносторонности способностей человека, которые в соответствующих условиях могут равно или примерно равно проявиться в разных областях труда, знаний. Были у них и иные причины проповедовать такие ущербные постулаты — социальные. Дескать, каждому — свое, сын пахаря должен остаться пахарем, сын горшечника — горшечником.

Однако и в наши дни можно встретить публичные высказывания, в которых находит отражение мысль об ограниченности профессиональных возможностей человека.

> «На свете сорок тысяч профессий. Только одна из них — твоя». «Мы не универсалы». «Не нужно и невозможно быть одновременно врачом и агрономом». «Только тот открывает счастливые двери в трудовую жизнь, кто открывает их путь маленьким, но единственным ключиком способностей».

Единственный ключик способностей?!

Нет, здесь мы несомненно наблюдаем явное недомыслие или же непродуманность, неточность формулировок. Биографии множества людей прошлого и настоящего, окружающая нас жизнь красноречиво свидетельствуют: человек — кладезь разнообразных

дарований. Какие из них наиболее полно и ярко проявит — нередко дело случая, жизненных обстоятельств, общественной необходимости, чьего-то влияния и так далее, но никак не свидетельство бедности сил. Вот одно из красноречивых и любопытных признаний на этот счет:

> «…В отрочестве я более всего увлекался проблемами точного знания. Кончил я физико-математический факультет, с увлечением работал одно время в химической лаборатории; естествознание во мне тогда-то и сплелось с интересами и проблемами методологии, а отсюда я несколько лет переживал себя и философом. Увлечение музыкой и попытка стать композитором впервые приблизили мне искусство, которое постепенно и переросло во мне интерес к точной науке. Увлечение Достоевским, Ибсеном, символистами ввело в поле моего сознания поэзию и художественную литературу, но я себя чувствовал скорее композитором, чем поэтом. Долгое время музыка заслоняла мне писательский путь. На последний я попал случайно. Я не стремился печататься. Первое мое произведение было написано в полушутку для чтения друзьям за чайным столиком. Рукопись попала к Валерию Брюсову, друзья открыли во мне талант; книга пошла в печать почти вопреки моему желанию. Обстоятельства открыли дорогу писателя; сложись она иначе, был бы я композитором или ученым».

Это признание принадлежит русскому писателю Андрею Белому. Можно спорить: не разбросался ли он своими дарованиями и где бы мог лучше проявить себя, в какой области? Но пусть сейчас вас более всего заинтересует сам факт сосредоточения в одной личности столь многих разносторонних талантов и интересов. Такое — далеко не редкость. Начнем хотя бы с хрестоматийных примеров.

В школьных учебниках химии и истории обязательно упоминается имя Александра Порфирьевича Бородина, причем — по разным поводам: крупнейший ученый прошлого века, выдающийся русский композитор. Начав с любительского увлечения музыкой, этот человек с течением времени одарил мировую культуру оперой «Князь Игорь», прекрасными симфониями, романсами. И все это — не порывая с любимой наукой, в которой проявил себя блестящим, подлинным исследователем.

> «Погружаясь ночами зимними в голубые, как сон,

века, знаменитый профессор химии шепчет арию Кончака…», —

такую картину жизни Бородина нарисовал поэт Лев Кропоткин, посвятивший одно из стихотворений таким «совместителям».

Замечательный русский математик, создатель неэвклидовой геометрии Николай Иванович Лобачевский серьезно занимался и агрономией и даже был награжден медалью за успехи в садоводстве и растениеводстве, что, надо полагать, свидетельствовало о его заметном вкладе в сельскохозяйственную практику. Основоположник русского металловедения Дмитрий Константинович Чернов был и серьезным знатоком скрипичного дела: изучал и разрабатывал технологию изготовления музыкальных инструментов, сам делал прекрасные скрипки. Климент Аркадьевич Тимирязев увлекался художественным фотографированием и весьма преуспел в этом занятии, выступал и здесь на профессиональном уровне.

А врачи? Они будто соревнуются друг с другом в разнообразии и широте увлечений, проявляя недюжинные способности в областях, казалось бы, к медицине не причастных, далеких от нее. Военный врач Владимир Иванович Даль через всю жизнь пронес глубокий интерес к народному языкотворчеству. Знаменитый русский хирург Николай Васильевич Склифосовский много и полезно занимался садоводством: выводил новые сорта яблонь и груш, ставил опыты по продвижению винограда на север. Другим его увлечением была музыка: он виртуозно играл на виолончели. А наш современник хирург-новатор Сергей Сергеевич Юдин дома был веселым столяром-краснодеревщиком, вышивальщиком, живописцем, музыкантом.

Доктор медицинских наук бакинец Ибрагим Топчибашев известен не только как искусный хирург-врачеватель, но и как одаренный музыкант и композитор. Пластинки с его записями издавались не только в СССР, но и зарубежными фирмами, его музыка звучала в радиопрограммах Москвы и Баку, Лондона и Будапешта. Много своего личного времени отдает профессор большому самодеятельному коллективу медиков, таких же, как он, любителей музыки. Этот человек обладает поразительной энергией, увлеченно и ответственно отдается основному делу. С неменьшей силой переживает он и радость общения с искусством, радость художественного творчества. Но и того ему мало — он активно выступает в роли пропагандиста духовной культуры.

Николай Михайлович Амосов, имя которого неоднократно упоминалось на страницах этой книги, начинал трудовой путь

техником-электриком, потом, почти одновременно, закончил два института: медицинский и заочно — индустриальный. Получил дипломы врача и инженера. Верх взяло врачевание, но и инженерная подготовка пригодилась, в частности, при разработке деталей искусственного сердца и проведении сложных операций. Помимо огромной хирургической практики, Николай Михайлович занят серьезными исследованиями в области кибернетики, что требует солидной математической подготовки. Прибавим сюда плодотворную литературную деятельность Амосова — он автор нескольких прекрасных повестей. А как не упомянуть его еще и как талантливого пропагандиста-лектора. Столько умений — в одном человеке!

Сочетал в себе несколько дарований Сергей Сергеевич Брюхоненко, изобретатель первого в мире аппарата «искусственное сердце», положивший начало совершенно новому — «инженерному» — течению в медицине. Он одновременно выступал в ролях врача-физиолога и инженера-конструктора. А еще был талантливым пианистом, своеобразием исполнительской манеры которого восхищался Г. Г. Нейгауз, выдающийся музыкант.

Профессора Александра Леонидовича Чижевского, создателя нового научного направления, нередко называют «отцом гелиобиологии». Однако в своих исследованиях он охватывал множество и других отраслей знаний: от электрофизики до физиологии, от астрономии до гематологии — в самых замысловатых комбинациях. А основания к такой разносторонности научной деятельности у него были веские: дипломы об окончании четырех университетских факультетов (физики, математики, биологии, археологии), плюс серьезная самостоятельная подготовка. Но мало того, известен этот человек и как самобытный поэт — певец науки, как интереснейший литератор-мемуарист, даровитый живописец, тяготеющий к космической теме. Он был также классным спортсменом, увлекался боксом и легкой атлетикой.

В юности, еще студентом, Александр Чижевский нарисовал себе экслибрис, книжный знак, на котором изобразил интеграл, охватывающий все — от минус до плюс бесконечности — на фоне человеческого мозга и солнца. Этим символом он подчеркнул безграничность своих интересов в жизни и многовариантность личных профессиональных возможностей. И его предвидение сбылось! Только уточним: сбылось не само собой, а по воле самой личности.

Интересно, а какой символ жизненных устремлений избрал бы себе ты, юный друг? Не подсказывает ли тебе что-либо пример

Александра Чижевского?

Предполагаю, что возможен и встречный вопрос: Бородин, Брюхоненко, Чижевский… — все это люди выдающихся способностей, далеко выдвинувшиеся из общего ряда, одаренные природой по-особому щедро, а потому стоит ли примеряться к ним?

Мы несколько раз упоминали книги Толстого, ставили в пример его опыт самовоспитания, ссылались на его трудолюбие и литературное мастерство. Кто-то может сказать: «Так ведь то Лев Толстой…» Научный обозреватель «Комсомольской правды», писатель Ярослав Голованов рассказывает, как однажды он ответил в этом духе академику Сергею Павловичу Королеву, когда тот, разбирая его повесть о конструкторах-ракетчиках, поставил в пример автору Толстого. Королев сердито парировал:

— А с кого же брать пример?

Действительно, с кого, если не с людей значительных, заметных, интересных?

Дело, конечно, хозяйское, но кое-кто примеряется именно к большим меркам и немало выигрывает на том.

Сын пастуха, сам вчерашний пастушок Алшинбай Рахишев после семилетки — а было это в сороковые годы — поступил в педагогическое училище. Учился старательно, а часы досуга отдавал занятиям в самодеятельном оркестре. Однажды услышал он по радио «Богатырскую симфонию» Бородина. И заслушался. А потом диктор рассказал, что великий русский композитор был еще и химиком. Задумался Алшинбай: значит, под силу одному человеку и музыку сочинять, и тайны вещества исследовать? Почему бы не последовать примеру? После окончания педучилища Алшинбай стал заниматься сразу и в консерватории, и на химическом факультете Казахского университета…

Правда, по воле обстоятельств выучился в конечном счете на… врача, но это ничего не изменило в сути: он остался верен музыке, прекрасно знает и химию, физику, считая их большим подспорьем в своих научно-медицинских исследованиях. Вместе с тем доктор Рахишев прекрасно проявил себя и в несколько неожиданной, казалось бы, роли переводчика, создателя капитального лингвистического труда.

Еще на первом курсе института Алшинбай ощутил, как нелегко осваивать медицинскую терминологию, латынь студентам-казахам, которые и русский-то знали порою неважно. Тогда и задумал создать латино-русско-казахский словарь анатомических терминов. Эта работа, параллельная основной, заняла много лет терпеливых исканий, кропотливого труда. Выход словаря, не имевшего аналогов во всей группе тюркских

языков, стал значительным событием в научной жизни республики.

Перебираю материалы своей журналистской картотеки, помеченные грифом «многогранность», и не перестаю удивляться: сколь много тех, кто прекрасно проявил себя одновременно в нескольких разнородных областях.

…Кандидат медицинских наук, хирург первой категории свердловчанка Светлана Дмитриевна Кухаренко — еще и профессиональная певица, солистка филармонии. Врач, доцент Ивановского медицинского института Оскар Яковлевич Боксер — изобретатель целого комплекса радиоэлектронных приборов. Выпускник Гнесинского института музыкант-джазист Мирон Мордуховский, увлекшись однажды сложной технической проблемой, сконструировал оригинальную лесосплоточную машину. Техник-рентгенолог из Подмосковья Алексей Петрович Егоров, занимаясь в часы досуга селекцией овощных культур, добился поразительных результатов, признанных сельскохозяйственной наукой. Слесарь Нижне-Тагильского металлургического комбината Степан Яковлевич Черных ведет серьезный литературоведческий поиск. Механик Рижского завода ВЭФ Вольдемар Кристапович Круминьш за рабочее мастерство отмечен высоким званием Героя Социалистического Труда. А еще он носит звание народного мастера прикладного искусства Латвийской ССР — так по достоинству оценена его художническая деятельность…

Нет, невозможно даже просто перечислить всех «полифонистов». И потому неизбежно приходишь к выводу: многогранность интересов и возможностей — норма здорового человека, а отнюдь не исключение. Человеческая личность — это всегда алмаз со многими гранями. Алмаз покрупнее, алмаз поменьше, но — алмаз. Народная мудрость давным-давно заприметила и обозначила в емких определениях способность людей к разнообразным занятиям: «Мастер на все руки», «И швец, и жнец, и на дуде игрец». Приглядитесь к своим друзьям, и вы обязательно найдете среди них универсалов, мастеров многих дел.

Так, в числе моих личных знакомых есть товарищ, который сумел хорошо проявить себя едва ли не во всех основных областях деятельности. В годы войны он — механик-танкист (профессия из разряда «человек — техника»). Дослужился до командира батальона и в роли руководителя (профессия типа «человек — человек») чувствовал себя уверенно, считался перспективным организатором и воспитателем военного коллектива. По состоянию здоровья — сказалось фронтовое

ранение — вынужден был уйти в запас. Поступил в лесотехнический институт, закончил его, стал работать лесоводом (тип деятельности «человек — природа»). В то же самое время издал несколько сборников весьма интересных очерков и рассказов из жизни леса и его обитателей, книжку стихов для детей, чем выказал незаурядные литературные способности («человек — художественный образ»). А по общим меркам — обычный человек.

Среди коллег, профессиональных журналистов, могу назвать в прошлом инженера-металлурга, военного летчика, прораба, геолога, токаря-универсала высшего разряда, доменщика. Все они и в первом своем служебном амплуа отличались умелым исполнением дела, мастерством, добросовестностью, иначе их переход в журналистский цех был бы затруднен, если не невозможен вообще. Даже на этих, вроде бы частных, примерах можно проследить удивительную пластичность способностей человека, его приспособляемость к условиям и требованиям жизни, общественного производства.

В одних случаях человек демонстрирует это качество переходом — вынужденным или доброхотным, от одного вида труда к другому, сменой профессий. В иных — одновременным умелым исполнением двух, трех неперекрещивающихся ролей, одна из которых, в силу обстоятельств, выделяется как основная профессиональная роль, а другие, которым, отдаются часы досуга, выражают потребность личности к наиболее полному самовыражению, к гармоническому проявлению интеллектуальных и физических сил.

А иногда — и не столь уж редко в наш бурный и требовательный век — становится прямо-таки необходимым в интересах дела как бы сплавить в одном и том же работнике несколько разнородных профессий, умений. Так, пока еще нельзя позволить роскошь — вывести на космическую орбиту экипаж, состоящий из пилота, навигатора, бортинженера, медика, биолога, фотографа, связиста, географа, бориста, метеоролога… Поэтому и совмещают нынешние космонавты множество самых различных специальностей и делают это на должном профессиональном уровне.

Что с того, что профессию космонавта на сегодняшнем этапе развития техники и освоения космоса не выбирают, выбирает и отбирает пока она сама — из наиболее подходящих и отвечающих очень строгим требованиям кандидатур. Отбирать-то ведь есть из кого!

Нередко молодые люди испытывают затруднения с выбором трудового занятия: и то привлекает, и другое, и третье, к тому же

и силы проверены — есть убежденность в осуществлении любого варианта. Не заинтересуют ли переживающих такое состояние примеры обдуманного — и счастливого! — совмещения казалось бы несхожих профессий. Они же — примеры сильной воли, целеустремленности.

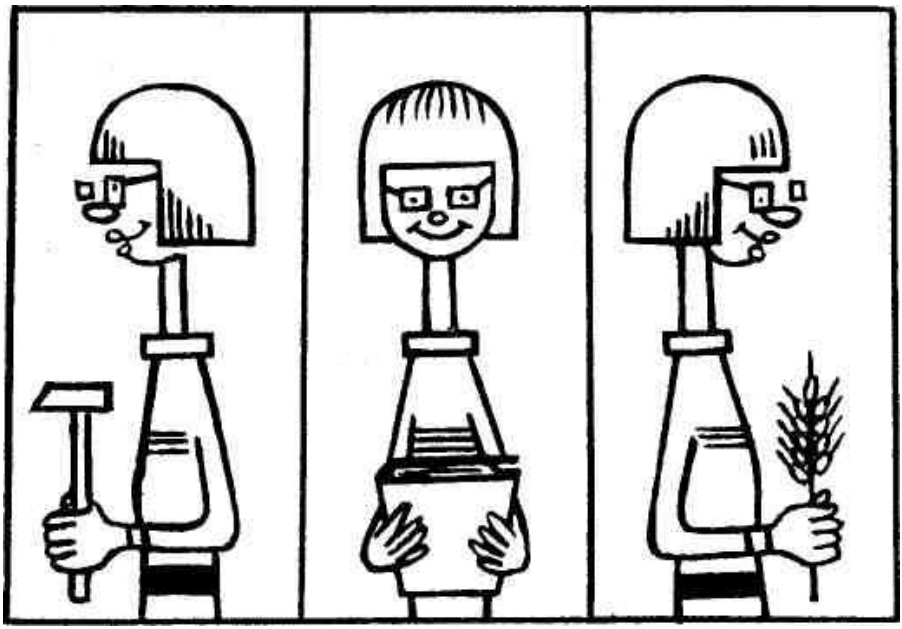
Еще подростком, думая о выборе пути, Василий Лазарев колебался между медициной и авиацией. Выход? Военно-медицинский факультет. Представление о тех возможностях, которые может дать военному врачу умение летать на современных боевых самолетах с их огромными скоростями, нагрузками на организм, приводит его, к тому времени уже лейтенанта медицинской службы, в летное училище. И вот он — врач-летчик. Изучение в воздухе влияния многократных перегрузок на человека, участие в разработке методик тренировок «на невесомость», разработка снаряжения пилота… И наконец, как закономерная дань разноплановым способностям и умениям, а также волевым качествам, — зачисление в отряд космонавтов, поручение заняться исследованием влияния условий космического полета на работоспособность человека. Врач-летчик стал космонавтом-врачом, выполнившим на «Союзе-12» обширную программу специальных физиологических наблюдений.

Известны и другие случаи, когда врачи-экспериментаторы осваивают летное дело, что позволяет лучше решать многие сложные специфические вопросы, проблемы.

Можно быть инженером и заниматься на досуге изобразительным искусством. Можно быть художником и увлекаться техникой на любительском уровне. А можно, сплавив два дела в одно, стать профессиональным инженером-художником, что и сделал в свое время Анатолий Васильевич Петров. В юности, испытывая одинаковое влечение к искусству и к технике, он не стал терзаться сомнениями: что предпочесть? Принял смелое решение: совместил учебу в Саратовском индустриальном техникуме с занятиями в местном художественном училище. Затем поступил в Московский энергетический институт, продолжая одновременно заниматься рисованием и живописью. Диплом инженера получил почти в одно время с членским билетом Союза художников.

После института Петров работал в крупных проектных организациях энергетического профиля. Вернувшись после окончания Великой Отечественной войны из армии, сосредоточился на пропаганде научных и технических знаний средствами изобразительного искусства. Стоит ли говорить о том, что инженерные познания позволили ему доходчиво и

квалифицированно, с полным знанием предмета, изображать и синхрофазотрон, и разрез космического корабля, и термоядерную станцию будущего, и в конечном счете стать признанным специалистом в области наглядной технической пропаганды.



Почему автор так настойчиво отстаивает тезис о многогранности профессиональных возможностей личности? Да потому, во-первых, что не может разделить пессимистических воззрений типа «Человек — не универсал», утверждений, что человеку не нужно и невозможно быть одновременно инженером и агрономом, врачом и слесарем, высказываемых публично. Как мы уже убедились, иногда — и не так уж редко — сочетание профессиональных умений бывает не только возможным, но и желательным, а то и прямо-таки необходимым. Одновременно врачом и агрономом-садоводом был Н. В. Склифосовский. Одновременно врачом, конструктором и слесарем, вспомним, был С. С. Брюхоненко. Одному увлечение агрономией давало дополнительный выход энергии и хорошую психологическую разрядку, служило основному делу жизни косвенно. Для другого инженерное и слесарное умения были важными подсобными средствами реализации личного генерального плана, служили основному делу самым прямым и непосредственным образом. А не владей Брюхоненко профессиональными навыками слесаря и конструктора, создание «искусственного сердца» неизбежно задержалось бы. Этот факт признан самой историографией медицины.

Призвание… Как часто под ним понимается некая фатальная

предопределенность. «Он нашел свое призвание» — в эту фразу нередко вкладывается тот смысл, что человеком найдена та единственная область применения сил и способностей, в которой он только и может принести ощутимую пользу обществу и получить полное моральное удовлетворение. И это в то время, когда человек уготован к гораздо большему, чем одна стезя, чем одна страсть. Яркое свидетельство тому — наши современники, столь часто удивляющие многогранностью устремлений и профессиональных умений, дерзновенностью свершений.

Да, у каждого из нас есть и «не свои сани». Только что с того, если все равно остается бесконечное число вариантов приложения сил и проявления своей индивидуальной интересности! Не так уже мало счастливых билетов приготовлено для каждого из молодых людей в копилке профессий. Великое множество увлекательных занятий, дающих простор для раскрытия качеств личности, лежит у каждого из нас под рукой, вокруг.

Так знай и помни, юный друг: человек, чем-то схожий с Леонардо да Винчи, которого считают самой многогранной личностью в истории, воплотившим в себе множество дарований, живет в твоем доме. Это ты сам. Ты способен на многое. Ты способен проявить себя на разных поприщах, в разных амплуа.

Только не медли.

Спеши приобретать знания и трудовые навыки.

Спеши развивать свои многогранные задатки.

Спеши оттачивать мысли и чувства.

Спеши тренировать свои мышцы, дыхание и тело.

Спеши жить с полной отдачей сил и способностей.

И тебе откроется мир еще более прекрасный, чем тот, в котором ты живешь сегодня.

«ВЕЛИКАЯ ТАЙНА» ПОЛИГЛОТОВ

Одно из проявлений малого спроса с себя или же заблуждений относительно собственных способностей — отношение большинства из нас к овладению иностранными языками. Полиглотов, знающих с десяток языков, мы почитаем за феноменов, людей исключительных. И тут же, в одночасье — жалобные исповеди: «У меня нет способности к языкам, у меня плохая память, я не виноват, что я вот такой бездарный!»

Выпускник технического вуза, только что прекрасно защитивший диплом, честно признается в соответствующей графе анкеты: «Языка практически не знаю». А кадровику доверительно сообщает: «Не осилил. Видно, не так голова устроена».

Да полноте! Как тому поверить? Высшую математику осилил, сопромат, теормех, физику — предметы по-настоящему трудные, с электроникой обручился, а одного-единственного языка за пять лет так и не познал… По причине бездарности? К чему такой жестокий навет на свои ни в чем не повинные полушария? Скорее всего, проблема и здесь совсем в ином.

Больше всего достается в таких случаях памяти — на нее чуть ли не весь грех списывается. У вас тоже слабая память? Тогда позвольте поделиться старой, но не устаревающей информацией: нет лучшего способа укрепить и развить ее, чем изучение иноземных языков.

Знаменитый немецкий археолог Генри Шлиман, многие годы искавший и открывший-таки легендарную Трою, в юности не отличался хорошей памятью, больше того, жаловался на нее. Да и на чем ему было оттачивать ум? Мальчик на побегушках у деревенского лавочника, мелкий клерк на службе у богатого коммерсанта… Но вот пришла и захватила юношу большая честолюбивая цель, а с нею и осознание той реальности, что достичь ее он сможет только через тяжелый труд самообразования и тренировки ума. Начал с запоминания нескольких строчек прозы в день, а через некоторое время смог заучивать по двадцать страниц ежедневно. Не прошло и года, как стал достаточно бойко изъясняться на французском и английском. За ними пошли шведский, датский, а там и другие.

Чем больше языков знает человек, тем легче и скорее дается ему следующий. Это испытал на себе и Шлиман. Уезжая к месту новой службы в Венесуэлу, он пообещал провожавшим его в Гамбурге друзьям: «Когда я высажусь в Каракасе, то буду говорить по-испански». Так и вышло: в далекой чужой стране ему не понадобился переводчик.

Позднее Шлиман за считанные недели овладел русским, считающимся особенно трудным для иностранцев. В зрелые годы ученый заслужил славу человека с фантастической памятью. Опять-таки: делает больше не тот, кто может, а тот, кто хочет.

Известный советский журналист-международник Валентин Островский, самостоятельно изучивший более десятка языков, рассказывал, что в школе на него решительно махнули рукой, да и сам он уверовал в отсутствие природного дара в этой области. Но как-то в дни каникул решил (на то была своя причина) заняться английским. Для начала в быстром темпе прочел учебник, чтобы получить общее представление о грамматике. Затем стал читать со словарем по шесть часов в день. Через два месяца с изумлением обнаружил, что может обходиться без словаря…

Итак, в основе действия и здесь должна лежать цель. Это она — волшебница — творит с людьми чудеса. Даже если выглядит со стороны порою наивной, смешной. Забавная история произошла с писателем Бенжаменом Констаном, переведшим на французский язык с оригиналов немало классических произведений мировой литературы. В детстве он питал крайнюю неприязнь к изучению иностранных языков. Тогда его домашний учитель, дабы не потерять место, пошел на хитрость: предложил мальчику изобрести секретный язык, которым бы владели только они двое. Идея захватила воображение Бенжамена, в мечтах он уже видел себя автором нового языка, названного его именем. Учитель тем временем изобрел алфавит. Вместе они стали составлять слова: звучало очень красиво. От алфавита перешли к созданию грамматики. Получился необычайно богатый и гибкий язык, которым мальчик овладел в совершенстве. Только тогда он узнал, что язык этот… греческий.

Однако дело уже было сделано: вызванное учителем увлечение перешло в глубокий сознательный интерес к языкам и литературе, определивший профессиональный путь Констана.

Любая река начинается с маленького ручейка. Двадцатью пятью языками владеет Сергей Халипов, молодой преподаватель Ленинградского педагогического института имени Герцена. У него, как он сам рассказывает, все началось в школьные годы с коллекционирования марок. Хотелось прочитать надписи на них — только надписи, и стал учить английский. Потом в школе изучал вместе со всеми (но целеустремленней!) немецкий. Увлекся географией, но оказалось, что для расшифровки мудреных названий на картах двух языков мало. Взялся за финский. К выпускному экзамену к ним прибавились шведский и французский. После французского довольно легко дались

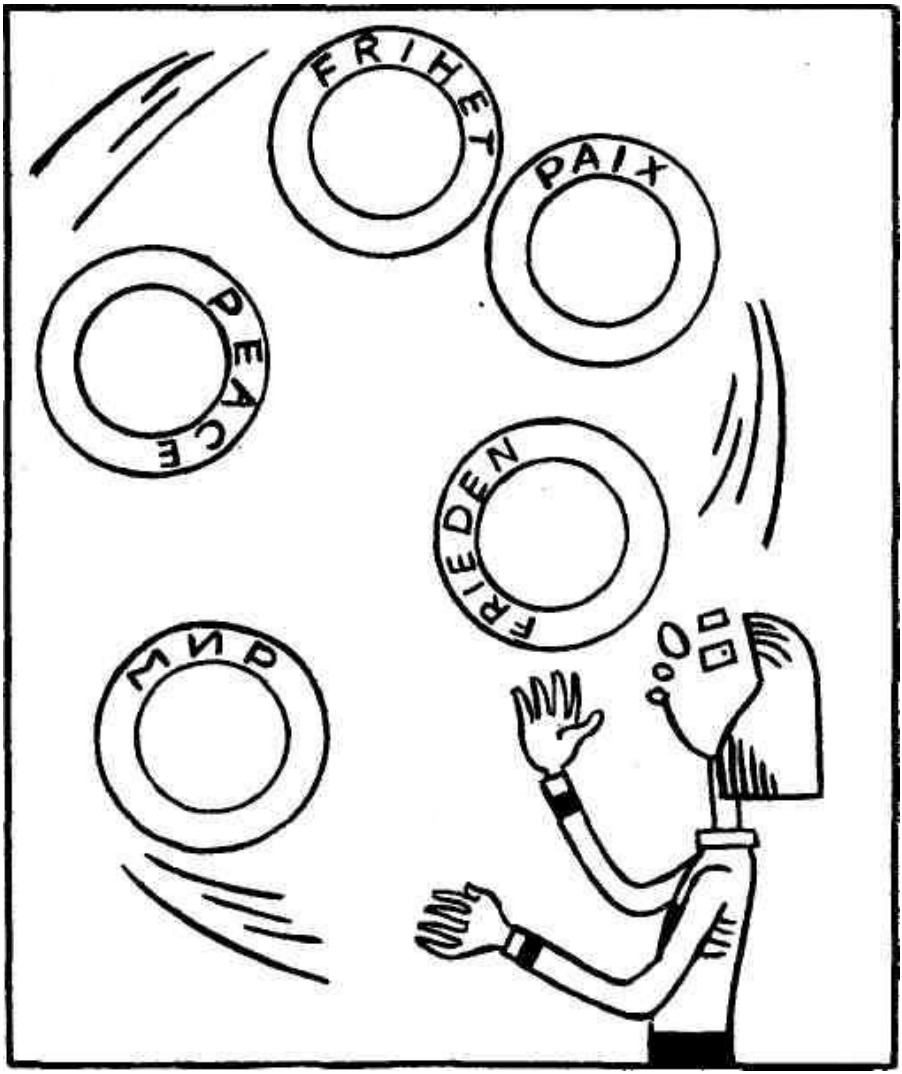
итальянский и испанский, затем дело дошло до арабского, датского, венгерского, норвежского, латышского…

Только не следует понимать слово «легко» в прямом смысле: работать приходилось, что называется, без выходных и перекуров.

И Констану, и Халипову повезло в том, что изучать иностранный они стали в раннем школьном возрасте, когда запоминающий аппарат мозга способен весьма интенсивно поглощать новую информацию. Еще проще, естественнее происходит это у тех, кто с первых лет жизни попадает в разнородную языковую среду.

Ученый с мировым именем, профессор Тартуского университета Пауль Аристэ знает около сорока языков, причем значительную их часть — активно, глубоко. Заняться инолингвистикой его во многом побудила обстановка детства. Воспитывался он в многоязычной среде. Соседями были русские — выучил русский. Рядом жила немецкая семья — выучил немецкий. Потом отец переехал в Таллин и поступил на завод, где работало много шведов, — начал говорить на шведском. В гимназии изучил латынь и английский. В четырнадцать лет самостоятельно выучил эсперанто.

У Пауля Аристэ вхождение в языки происходило как бы само собой, без направленного воздействия взрослых. Однако известны случаи оправдавшего себя запрограммированного раннего языкового воспитания. Когда у болгарского врача Георгия Наумова родился сын, на семейном совете было решено искать и развивать талант ребенка помимо музыки и изобразительного искусства также и в области языков. С пеленочного возраста с мальчиком стали разговаривать: бабушка — только на греческом, мать — на французском, отец — на болгарском. И ребенок заговорил сразу на трех языках, не смешивая их… Сам Эмил отдал предпочтение музыке, но не стала лишней и инолингвистическая подготовка, она определила широту его духовных интересов.



Что и говорить, лучшие годы для восприятия языка — детские, подростковые, юношеские. Однако и зрелый возраст не помеха для дерзких и волевых. И вовсе не обязательно нужны особые условия для успеха в этой области: знатоки-родители, «подходящая» профессия, богатая библиотека, соответствующее окружение, контакты с иностранцами. Главное условие — собственная потребность, желание овладеть языком.

Одним из заметных специалистов в области паремиологии в нашей стране является Сергей Данилович Мастепанов. Он автор ряда оригинальных работ по фольклору и библиографии фольклорной литературы, ведет большую переписку с учеными и научными учреждениями, в том числе с коллегами из других стран. В этой переписке Мастепанову не нужны переводчики: он прекрасно владеет английским, немецким, французским,

итальянским языками, знает латынь. А теперь сообщим, что живет Сергей Данилович в одном из глубинных поселков Карачаево-Черкесской автономной области, учит здесь ребятишек немецкому языку. Всех высот — и в профессии, и в научной деятельности, и в овладении языками — он достиг самообразованием и заочной подготовкой. Так, он трижды закончил заочное отделение Московского института иностранных языков. Но главным своим учителем и советчиком Мастепанов считает книги…

На карте полиглотики, кажется, нет белых пятен. Донецкий шахтер Анатолий Юдакин в подлинниках читает Диккенса и Вальтера Скотта, Бальзака и Стендаля, Гейне и Анну Зегерс, Болеслава Пруса и Ивана Вазова, классиков арабской, индийской и других восточных литератур. Уроженец Баку инженер-автомобилист Евгений Чернявский, ни разу не выезжавший за границу, перевел на русский многие произведения Людвига Хольберга, Сельмы Лагерлёф, Мартти Ларни, а всего в его «обойме» тридцать восемь языков… Увлекательнейшим занятием в свободное от работы время считает изучение языков инженер центральной лаборатории Кузнецкого металлургического комбината Виктор Седов: на его счету их уже четырнадцать, в том числе японский и китайский.

Вовсе не следует рассматривать эти примеры, почерпнутые из газетной и журнальной периодики, как сенсацию, они, в общем-то, — норма здорового человека. Людей, способных к языкам, значительно больше, чем принято считать обычно. Психологи утверждают: десять процентов из нас — прирожденные лингвисты-полиглоты, восемьдесят — обычные люди, способные овладеть несколькими языками при хорошей методике изучения. И только для десяти процентов это занятие действительно «чужие сани».

Да и сами полиглоты опровергают предположения об их исключительности, подчеркивая:

«Чтобы стать полиглотом, никаких сверхъестественных способностей не требуется»

(В. Седов).

«Овладеть языком может каждый»

(С. Халипов).

«Мой опыт доступен каждому»

(Е. Чернявский).

И так — до бесконечности.

Но вы, читатель, вероятно, уже обратили внимание на одно условие, оговоренное несколькими строчками выше: «при хорошей методике».

А в чем она заключается?

Специалисты вразумляют: единой методики здесь нет, каждый индивид находит свой способ познания предмета. Тот же Шлиман, выучив однажды наизусть роман на родном немецком языке, запасался каждый раз нужным переводом этой книги. Он сразу же начинал ее читать — без пользования словарем, отнимающим много времени. Примерно так же работает Халипов.

Студент-физик Томского политехнического института Владимир Вавилов, в свои двадцать два года владевший двадцатью тремя языками, изучал их с помощью однотипных журналов на русском и чужом языке. Валентин Островский после знакомства с кратким грамматическим очерком очередного языка приступает к прослушиванию фонограмм или радиопередач на нем. Почти исключительно на слух, с помощью передач Московского радио на заграницу, выучил, например, индонезийский.

Однако есть одно общее обязательное правило-требование. Вот как формулируют его знатоки:

В. Островский:

> «Язык всегда нужно брать приступом, не придумывая никаких отговорок».

С. Халипов:

> «Суть — в регулярности занятий».

Е. Чернявский:

> «Практика всех видов — основа успехов».

Като Ломб, знаменитая венгерская переводчица:

> «Заниматься языком надо каждый день».

Николай Кривохижин, работник Челябинского электрометаллургического комбината:

> «Изучение языков требует упорства».

Преодоление барьера языковой немоты из личного дела отдельных людей переросло в нашей стране в заботу государственной важности. Приняты правительственные постановления на этот счет. Научно-исследовательские учреждения ищут и проверяют новые методы интенсификации процесса обучения языкам в школе, вузах, на массовых курсах: негоже в век сверхзвуковых скоростей брести по этой дороге пешим ходом, растягивая на долгие годы овладение языками, а через них и ценностями мировой науки, техники, культуры. Все больше издается специальных пособий, учебников, словарей, грамзаписей. Подключилось к этой работе и учебное телевидение.

Возможности для массовой атаки на языковую крепость благодатны. И все же решающим фактором успеха остается личная заинтересованность людей в повышении своей образованности, культуры, собственная воля индивидов. Такую заинтересованность лучше начать проявлять в юные годы.

Говорят, что человек проживает столько жизней, обладает столькими мирами, сколько знает языков. Так почему бы не попытаться продлить и обогатить свою жизнь таким доступным для большинства способом?

ИСКУССТВО В ТВОЕЙ ЖИЗНИ

Из писем ребят композитору Дмитрию Борисовичу Кабалевскому:

> «Я учусь в девятом классе, и мне стыдно, что я не могу понять и любить музыку великих композиторов. Но что я могу поделать, если я ее нигде не изучал и не слышал. В нашем городе нет ни оперных, ни балетных театров. А я хочу понимать и любить симфонии, оперы. Я хочу отличать настоящую музыку от плохой, наслаждаться Моцартом и Чайковским, понимать камерную музыку… Пожалуйста, помогите мне».
>
> «Мне хочется, чтобы музыка стала в моей жизни такой же необходимостью, как и книги, без которых я просто не знаю, как жить. Но как это сделать? Научите, пожалуйста».

А ведь это прекрасно!

Прекрасно, что на пороге зрелости старшеклассники не понимают серьезной музыки?!

Нет, другое: то, что они уже осознают ущербность, ненормальность такого состояния, ищут дорогу к искусству, жаждут совершенства, полноты чувств. Коль ищут — найдут! Пусть это только первый, но очень важный шаг навстречу еще одной из радостей бытия. Обнаружить в себе недостаток и решить расстаться с ним — совсем неплохо для начала. Мы с вами, если помните, пронаблюдали немало примеров достижения молодыми людьми даже весьма трудных целей именно после выявления собственных слабостей и принятия решения о их преодолении, искоренении недостатков в себе.

Правда, тогда речь шла чаще всего о самовоспитании каких-то качеств характера или же об овладении профессиональными знаниями и навыками, а здесь проблема обращена лицом к такой особо сложной области интеллектуальной жизни, как искусство. Всем ли доступно вхождение в этот возвышенный мир чувств и эмоций, все ли способны научиться ориентироваться в нем так, как мы ориентируемся в родном доме?

Такое доступно практически всем!

Не слишком ли категорично подобное утверждение? Если это так, то почему немалое число людей лишены счастья глубокого понимания красоты подлинно совершенной музыки, классического танца, произведений изобразительного искусства?

Опять не те гены достались?

Дело в другом: эти люди, к сожалению, не прошли в детстве, юности хотя бы «начальной школы» развития своих художественных задатков. А они были, У всех.

Ученые утверждают: девяносто девять процентов всех детей проявляют склонность к рисованию — это одна из наиболее активных форм детского самовыражения, один из природных импульсов творчества.

Действительно, трудно представить себе ребенка, никогда не пытавшегося отобразить окружающий мир в рисунках на бумаге или на песке, равнодушного к ярким краскам, к цвету игрушек, к пламени цветов, к картине вечернего заката. Каждый ребенок — художник не только в душе, а и в зримой реальности. Краски для него отнюдь не только материал для «раскрашивания», а и средство для выражения настроения, отношения к событиям дня, жизни. Вспоминается теледокумент, запечатлевший опыт психологов: пятилетний мальчуган радостно рисует солнце — оно у него получается ярким, теплым, добрым. Но вот мальчонку незаслуженно наказали, обидели, и вот уже солнце под его кисточкой поблекло, потускнело, стало темным, угрюмым. А ведь никто не подсказывал, не учил ребенка, какую когда выбирать краску…

Пусть не все из детей вырастают в выдающихся мастеров карандаша или кисти — для этого действительно нужна еще и особая одаренность, но то, что все могли бы стать впоследствии, по крайней мере, грамотными ценителями гармонии красок, форм, линий, способными понимать характер изобразительного искусства, его особый язык, — несомненно. Если этого с кем-то не произошло, то вовсе не из-за бедности генетического наследства, а лишь потому, что на каком-то этапе внутренняя потребность ребенка в познании и освоении языка этого вида искусства не нашла подкрепления извне, не была поддержана в момент взлета воспитанием и обучением.

Доказано: практически почти любого ребёнка можно обучить пению и музыкальной грамоте, а значит, вслед за этим и пониманию абстрактно-образного языка музыкального искусства, познанию не только его «арифметики», а и «алгебры». В нашей периодической печати неоднократно рассказывалось об опыте педагогов-музыкантов Михаила Петровича Кравца и Алексея Яковлевича Маликова, создателей своеобразных школ «гармонического развития способностей детей». Принимая в них дошколят без какого бы то ни было отбора, они, как бы в полуигре, учат их всех играть на скрипке, петь, танцевать, рисовать, чувствовать ритм, развивают любознательность, память,

умение наблюдать, сосредоточиваться. Неспособных детей у них не оказывается.

Ну, а если дошкольный возраст уже позади — все кончено и поздно приобщаться к искусствам? Ничего подобного!

На Южно-Уральской железной дороге есть небольшая станция Полетаево. Большинство пассажирских да и многие грузовые поезда проскакивают ее, не останавливаясь. Маленькая, ничем вроде бы не примечательная станция и поселок при ней далеко не на всех картах обозначены. А на музыкальной карте страны с некоторых пор этот скромный населенный пункт отмечен флажком. С тех пор, когда в здешнюю среднюю школу пришел новый преподаватель музыки Петр Павлович Тырлов.

В прошлом машинист-испытатель электровозов, он ради ребят оставил в тридцать лет свою прекрасную первую профессию и стал вести музыкальные уроки в начальных классах. Не дилетантом пришел сюда — с дипломом вечернего отделения музыкального училища. И занятия вел не по обычной программе, а по «системе Д. Б. Кабалевского», предусматривающей самое активное вовлечение детей в урок. И свершилось чудо: ребята, прежде далекие от мира музыки, научились прекрасно разбираться в ней, стали «своими людьми» в концертном зале областной филармонии и в Челябинском театре оперы и балета, с удовольствием слушают грамзаписи сложных симфонических и камерных произведений, много и охотно поют сами, играют в школьных оркестрах.

Суть методики заключалась в том, что Петр Павлович Тырлов с первых уроков вводил ребят в самые глубины сложного мира искусства, учил видеть его первооснову. Не рано ли? Но ведь учат же теперь первоклассников сразу алгебре, так почему бы не сделать уроки музыки не только местом заучивания каких-то элементарных песенок, но и попытаться сразу же влиять на развитие чувств детей, помочь им разглядеть связь между музыкальной темой и производимым настроением, то есть почему бы не призвать музыку в свои союзники в воспитании и формировании внутреннего мира человека? Ведь познавая музыку, открывая ее «тайны», человек в то же время учится познавать самого себя, открывать богатства собственной души.

В этой интересной и быстро дающей отдачу работе Тырлов следовал примеру и опыту самого Дмитрия Борисовича Кабалевского, который, анализируя разработанную им систему музыкального воспитания детей, говорил следующее:

— Главное, к чему я стремился, — это вызвать в детях и подростках ясное понимание и ощущение того, что музыка (как и другие искусства) — не просто развлечение и добавление, не

«гарнир» к жизни, которым можно пользоваться или не пользоваться по своему усмотрению, а важная часть самой жизни в целом и жизни каждого отдельного человека.

Хорошо бы осознать эту глубокую и принципиально важную мысль не только тем, кто имел счастье заниматься у последователей знаменитого музыканта-педагога или кто получил специальную музыкальную подготовку, образование, а и тем, кому не довелось организованно пройти подобную школу искусств! Сколь многое изменилось бы в их жизни, интересах, после пусть и самостоятельного, но систематичного изучения основ музыки, прохождения курсов «учусь слушать и слышать».

Даже если человек не юн, не молод, даже когда, казалось бы, давным-давно определился склад жизни, сложилась структура увлечений, мир искусства для него — не призрачный воздушный замок за семью воротами. Вход в этот мир не заказан никому.

Никому!

Примеров под рукой — множество. Этот, возможно, будет особенно поучителен для молодых людей. Тридцать лет проработал вальцовщиком на Верх-Исетском металлургическом заводе Игорь Васильевич Арзамасцев. Работа трудная, напряженная, огневая — в прямом смысле слова. После смены, казалось бы, скорее домой, скорее — полежать, снять напряжение мышц, расслабиться. А он — скорее за пианино в цеховом красном уголке. Поначалу это было куда сложнее, чем на прокате: задубевшие, в мозолях пальцы плохо справлялись с клавишами нежного инструмента. Но он шел к цели с тем же упорством, с каким ворошил в цехе раскаленные болванки.

К какой цели?

А вот к какой: стать еще более счастливым, проявить еще одну свою способность — способность понимать и творить музыку. Он ощутил, понял, что не состоится как «полный» человек, не поймет и не прочувствует всего того, что должен и может на этой земле понять и прочувствовать, если не окажется в состоянии воспроизводить и понимать гармонию серьезной музыки.

Нет, он не тешил себя мыслью выучиться самостоятельно «на музыканта». И не ради того, чтобы на вечеринках забавлять компанию фокстротами и популярными песенками, отдавал многие часы и месяцы овладению сложным инструментом. А именно ради того, чтобы понять «изнутри» Шопена и Рахманинова, чтобы движением собственных пальцев вызывать прекрасные, тревожащие душу звуки, соединять ими нити прошлого и будущего, пробуждать в себе чувство сопричастности к волшебству творчества. Научившись делать это, он открыл одно

из самых счастливых удовольствий — слушать любимую музыку на концертах в разных интерпретациях, в исполнении разных мастеров, переосмыслять ее, открывать новые грани в ней. Без таких радостных минут рабочий Арзамасцев не представляет своей жизни, она бы показалась ему скучной, бледной.

Но и музыки — прекраснейшего друга и верного спутника — лишь одной ее Игорю Арзамасцеву, оказывается, мало для полной радости. Еще раньше ощутил он в себе тягу к живописи, к кистям и краскам, с помощью которых можно отображать мир вокруг себя и себя в этом мире. Не порывая с заводом, поступил на вечернее отделение художественного училища, закончил его. Значит, и среди художников этот рабочий — «свой человек».

Вот что говорит по поводу своих глубоких и серьезных увлечений сам Арзамасцев:

> «Искусство для рабочего человека необходимо. Труд на производстве и искусство не противоречат, а дополняют друг друга. Занятия искусством — это ведь и активный отдых. Что еще даст такую зарядку бодрости, как часы, проведенные в лесу с этюдником? Садишься и ждешь встречи с новым, и все это у тебя есть и еще многое будет, чем дальше, тем интереснее. Радуешься появляющемуся мастерству, радуешься, если с твоей помощью что-то новое поняли и почувствовали другие».

И еще:

> «Жизнь связала меня с раскаленным металлом, кистью и нотами. И убедила в том, что в нашем обществе нет никаких объективных условий, которые бы ограничивали возможность занятия искусством каких-то одних слоев населения в отличие от других. Главная задача в том, чтобы эти возможности использовать».

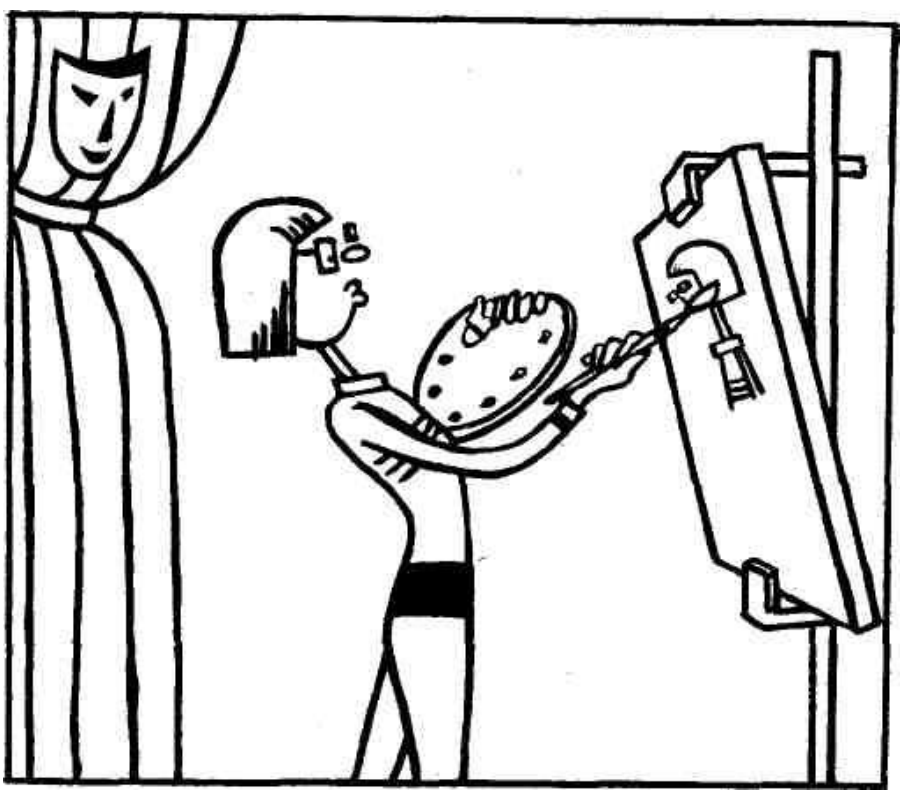
Наконец:

> «Интерес к серьезному искусству можно пробудить у любого человека. Самые теплые слова благодарности скажет он потом тому, кто помог ему сделать это открытие…»

Юный друг! Может быть, такое открытие тебе поможет сделать пример самого Арзамасцева? Пример человека, которому одинаково подвластны и раскаленная сталь, и клавиши рояля, кто остается самим собой и в сфере извечного материального труда,

и в сфере парящих художнических помыслов, прекрасно чувствует себя в гремящем цехе и в тиши библиотеки. Разве не счастье — быть таким?

Самое примечательное, дорогое, что Арзамасцев — явление не исключительное, а скорее обычное, часто повторяющееся. Мне довелось близко познакомиться с металлургом из Магнитогорска Иваном Степановичем Кауновым. Он — певец. Артист в самом высоком и полном смысле этого ответственного звания. Его любимый репертуар — сложнейшие оперные арии. Слушать его, особенно в домашних концертах, на камерных вечерах — наслаждение необычайное, его богатый голос, певческая манера, собственный аккомпанемент — все производит впечатление, вызывает радостное чувство. И тихую зависть: научился же человек т а к понимать музыку, т а к жить ею. И не в голосе тут дело, а более всего в страстном желании самого человека познать музыку, ее глубинные законы.



Но не только музыкой в себе и для других богат металлург Каунов. Когда Виктор Гюго говорил, что существует три основных средства общения людей: буква, цифра и нота, он в тот момент, видимо, забыл назвать четвертое важное средство — краску, то есть палитру художника. Богатая душа магнитогорца, «хозяина

огня» вмещает еще и любовь к живописи. Любовь, основанную опять-таки на знании предмета и каком-то владении им.

Ближайший друг Каунова и его «напарник» в вокальных дуэтах Владимир Тимофеевич Достовалов, тоже мартеновец, такой же любитель музыки и не менее интересный певец. Но петь только вдвоем — этого им мало. И вот уже вокруг друзей сплачивается большой круг «единоверцев», таких же страстных почитателей серьезной музыки, готовых верно служить ей, а через нее — людям. Вот что рассказывает по этому поводу сам Достовалов.

> «Сдружили нас металлургический комбинат и искусство. Кончается нелегкая рабочая смена в горячем цехе, и, казалось бы, впору расслабиться. Но внутри нашего большого заводского коллектива есть еще один — наш вокальный ансамбль «Металлург». И мы, люди серьезные, кадровые работники, отцы семейств, сбрасывая усталость, спешим в Дом музыки. Не развлекаться, нет, а снова работать с полной отдачей, на втором дыхании — ведь только упорством можно достигнуть мастерства, к которому стремимся. У нас в коллективе на этот счет жесткие требования: будь безупречен на производстве будь безупречен и за его пределами. Истинное искусство требует чистой совести и большого труда.
>
> Наш ансамбль был создан еще в 1963 году. Хотелось исполнять сложные произведения, народные песни в современной обработке, классику. Мы мечтали о мастерстве, не уступающем профессиональному. Стремились увлечь серьезной музыкой других. Темы брали масштабные. Сторонники академического пения, мы старались глубже раскрыть возможности выразительного звучания голосов и вскоре обрели «свое лицо». Не сразу, но успех пришел».

Да, успех пришел. И какой! Ансамбль участвовал во многих творческих смотрах-конкурсах, выступал в ответственных концертах на сцене Кремлевского Дворца съездов, неоднократно приглашался на Центральное телевидение, представлял художественную самодеятельность советских профсоюзов на Рабочем фестивале искусств в ГДР, выезжал и в другие страны. А В. Т. Достовалов и И. С. Каунов одни из первых среди рабочих страны удостоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Но главный успех ансамбля состоит, наверное, в том, что

участие в нем обогащает духовно, помогает раскрывать художественные дарования, делает жизнь еще более содержательной и красивой, насыщенной интересными встречами и событиями, объединяет людей.

Если такое подвластно «отцам семейств», то тем более доступно и посильно для еще не обремененных житейскими заботами молодых людей. И почему бы им тогда не обратить свой взор к музыке как к искусству, почему бы не попытаться познать ее на уровне более высоком, чем просто слушание записей легковесного содержания, модных шлягеров? Награда в этом случае, как говорится, «тебя найдет». Обязательно найдет. Ставка на музыку — беспроигрышная лотерея, без обогащения здесь никто не остается. Без духовного обогащения, разумеется.

Как люди приходят к пониманию музыки, какие существуют способы музыкального самообразования — это тема особого разговора, других книг, написанных специалистами этой области культуры. Сейчас же речь снова идет о возможностях каждого индивида взять еще одну из множества доступных вершин, проявить еще одну из своих разноплановых способностей — на этот раз способность к восприятию б о л ь ш о й музыки, к переживаниям в ы с о к о г о уровня. Это неправда, будто есть люди, лишенные такого счастья по причине отсутствия слуха.

Известный советский ученый-психолог, лауреат Ленинской премии Алексей Николаевич Леонтьев своими блестящими опытами доказал, что формирование способностей происходит не само по себе, стихийно, а зависит в значительной мере от условий жизни, от воспитания и тренировки. Значит, их можно создавать сознательно, направленно.

Ученый, в частности, брал большую группу взрослых людей, «глухих» к высоте звука, а это, как известно, главное в музыкальном слухе. И вот с такими «глухарями» начинались занятия по специально разработанной методике. Через несколько сеансов они стали точно различать высоту звука, а вслед затем достаточно свободно ориентироваться в нотных вариациях, в самой музыке. Это еще одно доказательство факта, что музыкальный слух и вкус можно сформировать — сформировать достаточно быстро и активно даже у взрослых людей.

Конечно, в детском возрасте, как мы уже говорили, воспитание слуха и навыков игры на инструментах более эффективно, результаты его прочнее. Но зачем сетовать на прошлое, если есть возможность в какой-то мере поправить положение в настоящем?!

Кто-то может спросить: а зачем это надо — любить и понимать искусство? Зачем воспитывать в себе творческие

способности? Ведь можно прожить и без искусства, обойтись без музыки, без театра, без полотен художников, без художественной литературы, без танца… Поищем ответ у тех, кто сам прошел путь его познания.

— Когда-то для меня не существовало мира поэзии, музыки. Да и вообще о книгах, о литературе я не очень горевал. Одна встреча помогла мне понять, что такая жизнь бедна и одностороння. В армии я подружился с парнем — большим знатоком поэзии Пушкина, Луговского. Я понял, что поэзия дает широту взгляда и понимание человека. Мне теперь дорог и интересен каждый человек — его поиски, его внутренний мир. Поэзия отучила меня от категоричности в оценках, от предвзятости в отношениях.

— В нашем цехе работает Женя Киселев, второй горновой. Его очень любят ребята. Если нужно помочь товарищу, всегда отзовется. Он знает всего Блока наизусть, и, честное слово, я уверен, что стихи и родили в нем эту отзывчивость. А посмотрите, как он работает! Женя с детства жил в атмосфере любви к стихам, литературе, живописи, и это не могло не сказаться на его характере, на его отношении к труду, к жизни, к людям…

Такими наблюдениями и мыслями поделился в свое время молодой рабочий-доменщик Магнитогорского металлургического комбината Михаил Лысенко. Сам того, вероятно, не подозревая, он подкрепил живыми фактами одно важное наблюдение социологов и психологов. Искусство помогает человеческому общению, создает условия для возникновения глубокого взаимного интереса друг к другу, взаимного внимания и взаимного понимания. Ведь многие конфликты, драмы, неприятности возникают в жизни, в частности, и из-за низкой культуры общения, из-за неумения точно выразить друг другу свои переживания, душевные состояния — свое восприятие мира. Любовь к искусству рождает любовь человека к людям, помогает ему стать более душевным, щедрым на добро.

Искусство, художественная деятельность позволяют людям постоянно открывать в себе т в о р ц о в, помогают организовать жизнь среди людей в радостном ключе, учат человека быть Человеком. «Искусство действует, как солнце…» Эти полные глубочайшего смысла слова принадлежат М. Горькому, человеку, который выстроил себя, свою гуманистическую философию сам, путем познания правды жизни и познания силы искусства. Так бы и всем открыть для себя это живительное солнце.

Все ли этого хотят? Пожалуй. Все ли видят его? Увы, нет. Вспоминается письмо Володи Д., опубликованное несколько лет

назад в «Комсомольской правде». «Как сделать интересной жизнь?» — вопрошал он. И тут же сообщал, что любое дело теряет для него привлекательность, как только выясняется, что оно требует усилий. В том числе и учеба, в том числе и приобщение к культуре. Юноша, судя по письму, жаждал духовного хлеба, увлекательных общений, проявления творческих способностей. «Страсть быть полноценным человеком во мне сильна», — утверждал он. Однако почему же тогда остановился и замер этот молодой человек перед воротами Знаний и Культуры, не постучался громко в них, не попробовал приоткрыть? Ведь только там — за этими воротами — он может найти «интересную жизнь», о которой мечтает.

В его ли силах распахнуть ворота в мир красоты, в мир искусства?

Много лет проработал все на том же Магнитогорском металлургическом комбинате инженер Владислав Николаевич Аристов. На хорошем счету по службе. А еще известен как прекрасный художник. Его работы выставлялись не только в родном городе, а и в Челябинске, Москве, даже в далеких Париже и Вене, Софии и Оттаве, экспонируются в ряде художественных собраний страны, в литературных музеях. Любит и разбирается в литературе: многие его рисунки — иллюстрации к произведениям русских классиков. Любит и разбирается в музыке, у инженера-металлурга — лучшая в городе коллекция пластинок классической музыки. В беседе с журналистами он однажды поделился соображениями, которые могут служить сегодня ответом и советом Володе Д.:

— Каждый из нас хочет прожить свою жизнь полно и интересно, это ясно. Но как это сделать? Как преодолеть трудности, порою мешающие культурному росту? Главное здесь, по-моему, — активность самого человека. Его желание преодолеть инерцию незнания, непонимания, душевной слепоты. Сейчас, после того как искусство прочно вошло в мою жизнь, захватило меня, я даже наш комбинат с его огромными цехами, агрегатами вижу словно иными глазами. Скажем так: глазами художника. Я и красоту человеческого труда только теперь по-настоящему разглядел. Даже и на футболе меня захватывает теперь больше всего именно пластика игры. Рядом с этим постоянно рождается нетерпеливое желание узнавать и узнавать новое, открывать для себя неизведанное. Я каждый отпуск ездил в музеи Ленинграда и Москвы, побывал во многих городах, чтобы увидеть красоту родной земли. Ведь ее столько рядом, этой красоты, — в книгах, картинах, музыке, архитектуре, в природе. Теперь знаю: в вопросах нравственных, в вопросах духовного

развития тоже надо уметь одолевать внутреннюю инерцию и робость и, как говорится, сопротивление материала. Не надо ждать, когда кто-то вдруг раскроет для тебя глубину музыки, богатство живописи или секреты театральных условностей. Надо самому развивать, а не быть потребителем…

Как схоже утверждение инженера с высказываниями известнейших деятелей культуры: настоящее искусство не может служить одному лишь развлечению, не есть сладкая приправа к жизни, а сама часть жизни. И в этой жизни музыкант и его слушатель, художник и зритель, поэт и читатель должны быть сродни друг другу, каждая сторона должна развивать свой талант.

ГЛАВНЫЙ ТАЛАНТ — БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Из письма в редакцию:

> «…Вы даже представить себе не можете, какую радость испытал я, когда понял, что могу и умею многое, когда почувствовал силу свою, смелость и доброту. И это — как второе мое рождение! Живешь, собственно, только тогда, когда пользуешься искренним уважением людей, тебя окружающих…»

Да, можно сполна разделить радостные чувства человека, ощущающего силу рук своих и духа, свою многогранную умелость. Еще Антон Семенович Макаренко точно подметил, что куда веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится; они не теряются ни при каких обстоятельствах, умеют владеть вещами и командовать ими. И вот сейчас, в нескольких мажорных строчках приведенного выше письма мы нашли еще одно предметное подтверждение этой мысли.

Только давайте обратим внимание еще на один важный момент: в ряд с такими личностными качествами, как сила и смелость, автор поставил доброту. Весьма существенное, необходимейшее дополнение. Без доброты в сердце, без желания творить добро в мире людей, без чуткой готовности к сопереживанию их забот еще нет Человека в полном понимании этого высокого слова.

Можно приобрести богатый деловой опыт, силу, но употреблять их во зло людям. Можно быть смелым до безрассудства, но у слепой неуправляемой энергии тот же конец — бесславный, плачевный. Доброта, точно цемент отменной марки, скрепляет воедино все лучшие человеческие качества и, будто магнит, обращает их в нужную сторону.

Как воспитать в себе чистоту и щедрость души?

Наверное, и здесь надо начинать с самоанализа, со строгого взгляда на самого себя. Каков я есть в этом плане? Каким меня видят и принимают окружающие? Уважают ли? Любят ли?

Опять самоанализ, опять самокритика, опять самопланирование… Сколько можно! — вздохнет иной из вас, читатель. Да и можно ли планировать и выстраивать такие тонкие составные стороны личности, как чуткость, отзывчивость,

доброта? Это уж как получилось: или есть они в тебе, или нет, а если нет, то и взять неоткуда.

Ничего подобного!

Даже эти сокровенные качества можно нажить, сотворить в себе осознанно, терпеливо, направленно. Как это делал, например, двадцатидвухлетний автор следующей дневниковой записи:

> «…полный человек — это… человек всесторонне развитый — физически, умственно, способный глубоко чувствовать, обладающий хорошими моральными качествами: смелостью, правдивостью, чуткостью…
>
> Я тоже хочу быть таким человеком: это трудно, но я хочу».

Хочу — значит, смогу!

Знаете, кому принадлежит эта обширная самовоспитательная программа?

Сергею Чекмареву, замечательному комсомольскому поэту тридцатых годов, юноше, который и на студенческой скамье, и с первых шагов своей подвижнической трудовой деятельности на уральской земле как бы воплощал в себе все лучшие человеческие добродетели: был честным и мужественным, непримиримым к любому злу и отзывчивым на людские беды, впечатлительным и самоотверженным, гордым и нежным. Казалось бы, чего еще надо?

А ему надо было беспредельно много — только так он и понимал свою жизненную цель. Не потому ли его стихи и деяния до сих пор — через десятилетия после трагической гибели — волнуют нас, заставляют задумываться над собственной жизнью, над своими поступками, моральными принципами и устремлениями? Но всех ли? Все ли молодые люди уже живут по законам добра?

Снова из письма в редакцию:

> «У моего сына заболел товарищ, с которым он часто бывал вместе. Говорю ему: «Зайди к Саше. Узнай, как он чувствует себя». Сын отвечает: «Не могу, мама, у меня факультатив и лыжная секция. Пропускать никак нельзя». — «Тогда, — говорю, — зайди обязательно завтра, прямо с утра». И опять ответ: «Не могу с утра, у нас волейбольные соревнования».
>
> И вечером не зашел. И на другой день тоже у него это не получилось.
>
> «А как же с Сашей?» — спрашиваю опять. «Придется

отложить до воскресенья, — отвечает сын. — Иначе не получается. Саша поймет. И не беспокойся, пожалуйста, о нем. У него есть мама, отец, сестренка, все необходимые лекарства, соки, фрукты».

— Ну, а сочувствие? — спросила я.

— Но какой смысл в сочувствии! — ответил он.

Я отступила перед упорством сына. Но чувствую, что сделала неверно. Это уступка недоброте, бессердечности.

Меня начинает беспокоить сын. Подскажите, как следовало бы поступить на моем месте?»

Мать справедливо встревожена поведением сына. А он сам, этот достаточно взрослый человек, как видим, считает, что все в порядке вещей. И, наверное, думает, что растет всесторонне развитой личностью: факультатив посещает, на спортивной площадке не последнее место занимает. Только сможем ли мы назвать его тем «полным человеком», о котором говорил и каким был Сергей Чекмарев? Состоится ли здесь личность?

Вопрос этот вовсе не риторический, а, напротив, весьма предметный и выходящий за рамки частного случая. Несколько лет назад на страницах «Комсомольской правды» разгорелась горячая полемика по поводу аналогичного вопроса, заданного семнадцатилетней Ольгой Р.: «Что такое личность и что нужно сделать, чтобы окружающие считали тебя таковой?» Сама Ольга полагала, что у личности «все черты должны быть ярче, доведены до крайности». Но коли так, то ей самой же пришлось задуматься и над проблемой: можно ли оправдать всякие проступки и нарушения во имя достижения человеком, как ему кажется, большой цели? Ольга пришла к выводу: да, можно. Ведь главное в личности, по ее разумению, — индивидуальность, сила характера.

Из множества писем-откликов, опубликованных тогда газетой, позволю привести самое пространное, но и, пожалуй, лучше других отвечающее на заданную Ольгой «загадку». Вот оно:

«В семнадцать лет я считал себя «суперменом». Во-первых, умел прилично рисовать, заканчивал художественную студию, играл в духовом оркестре, держал первое место в школе по лыжам и настольному теннису. На выпускные экзамены ездил на собственном мотоцикле. На карманные расходы всегда было. В кругу друзей — самый уважаемый человек.

Окончил десять классов, учиться дальше не стал. Зачем? Тем более, как пишет Ольга Р., что «большой личности можно оправдать всякие проступки и

нарушения». Мне прощали, не возражали, все разрешали.

К чему это привело?

Захотелось стать шофером. Кожаная куртка, белая кепка и рука в перчатке из кабины на зависть всем знакомым. Захотелось — устроили. Получил направление в автохозяйство. Через два месяца мой новенький «ГАЗ-51» уже нуждался в ремонте. Дело скучное, не для «сверхчеловека». Поныл дома, родственники помогли. И вот я уже в другом автохозяйстве, у меня другая добротная автомашина, которой хватило еще на три месяца. Учиться дальше так и не собрался.

Служить попал в автороту. Как способному, мне мелочи прощали. «Ну, подумаешь, опоздал», «Мало ли что, выпил, зато как играет».

Раз простили, два простили. Полковник советовал: «Смотри, Виктор, не дури». Все мимо ушей пропускал. Считал, что если я могу и знаю несколько больше других, то мне все можно и дозволено.

Слишком долго я так считал. Не в меру разросшийся во мне эгоизм, ложное представление о своих возможностях и, главное, неправильное понятие о личности привели меня к тому, что и вспоминать тошно.

Трижды я стоял перед судом за уголовные преступления. И это, в частности, и потому, что мне все прощалось и разрешалось в мелочах.

Настоящее мое жизненное кредо ковалось долго, трудно и, как я сейчас понимаю, очень медленно.

Вот я и считаю, что если у личности и определены, как пишет Ольга Р., все черты, обозначены ярче, может быть, «доведены до крайности», то это еще не говорит о том, что ей можно все прощать и во всем ее оправдывать. Главное, надо твердо себе уяснить, что не люди живут для тебя, а ты для людей. И будь человек хоть самой большой знаменитостью, прежде всего о нем нужно судить с точки зрения его нравственной основы. Труд — это и есть бой за счастье. Делаешь ли ты стулья или космические корабли.

Что всякий труд у нас в почете, знают даже дети. Ну, а мнение о том, что «коллективный труд не позволяет развернуться и выдвинуться», просто нелепо. Мне, теперь рабочему человеку, это просто смешно слышать. Написал я это письмо еще потому, что не хочу, чтобы кто-нибудь из молодых повторил мои ошибки. Как говорят, «на

горьком опыте убедился».

Живу я сейчас и работаю на Северном Урале, в маленьком поселке. Работу я люблю и берусь с охотой за любую, потому что считаю: для успеха в любом деле нужен один процент таланта, а девяносто девять процентов труда. Думаю, что и в «таланте стать человеком» — такое же соотношение.

В. В. Свердловская область».

Убедительный, проверенный тяжелыми уроками вывод. Как не прислушаться к нему?!

И большинство других участников дискуссии пришло к такому же пониманию вопроса: человек ценен прежде всего не исключительностью, не достижениями в узкой специальности, а душевными качествами. Человек ценен человечностью — такой была главная мысль в основной массе откликов, размышлений.

Действительно, если спросить любого из нас, кто из встреченных на жизненном пути людей оставил наибольший след в нашей памяти, о ком хотели бы сказать благодарное слово, то это, чаще всего, будет не обязательно выдающийся по своему служебному, профессиональному положению человек, но обязательно добрый, отзывчивый, чуткий, самоотверженный, всегда и без лишних слов готовый прийти на помощь окружающим, разделить их беды, трудности, окрылить живым участием.

Молодая женщина, заводская работница, вспоминает, как о самом важном событии в своей жизни, встречу с новой учительницей в четвертом классе. Так уж вышло, что на первом же уроке — это была литература — учительница вызвала ответить домашнее задание Наташу. Та хотя и знала материал, но по своей робости, болезненной стеснительности не могла вымолвить ни слова. Учителя начальных классов уже знали эту ее особенность и, махнув рукой, перестали вызывать к доске. А Галина Георгиевна терпеливо ждала, ждала десять минут, пятнадцать, не выражая при этом ни малейшего нетерпения или удивления, напротив, спокойно подбадривая. Начал подбадривать и класс.

И тогда Наташка решилась на отчаянный шаг: начала читать наизусть стихотворение. Сначала тихо, почти шепотом. Потом распалилась и закончила громко, выразительно. Галина Георгиевна поставила Наташе «пять» в журнале и огромную «пятерку» в дневнике. На следующем же уроке русского языка учительница снова вызвала первой Наташу, и снова та ответила на отлично. С тех пор в девочке произошел перелом. Но учительница еще долго спрашивала ее каждый-каждый день. И

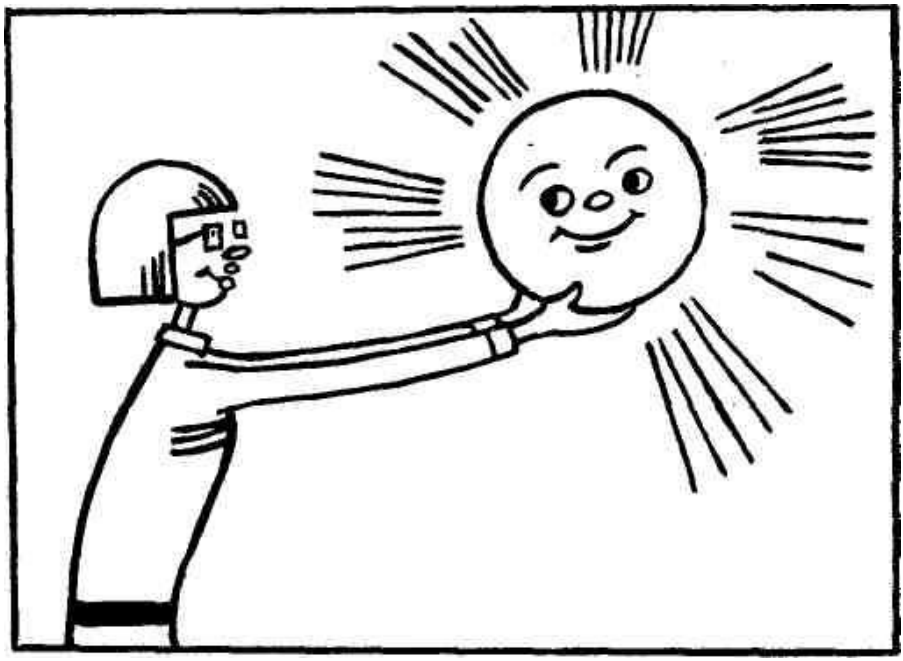
Наташа отвечала, все больше расковываясь, все больше входя в новую прекрасную роль, становясь иным по характеру человеком — общительным, радостным, уверенным в себе.

А поступи учительница иначе, прояви нервозность, нетерпение… И здесь доброта сотворила добро. И как не запомнить Наташе тот первый настоящий урок — урок деятельной доброты?! И для нее, а в принципе и с общих позиций, скромная по положению учительница Галина Георгиевна — личность.

А сколько благодарного чувства за доброту вот в этом коротком послании:

> «Моя свекровь — удивительный человек! Маленькая, хрупкая, тихая, но с добрым и прекрасным сердцем. Когда пятеро ее детей поженились, все прожили вместе с ней под одной крышей десять лет. И она умела ладить со всеми. У нее трудная судьба, но жизненные невзгоды не ожесточили ее, она осталась приветливой, внимательной и доброй к людям».

Вот и ответим на вопрос, а личность ли эта «маленькая, хрупкая, тихая» женщина? Личность! А как иначе назвать, когда ее жизнь, поведение, поступки сказываются самым благотворным образом на судьбах и настроении десятков других людей? Когда она, будто добрый волшебник, дарит радость и счастье окружающим. И взамен получает его сама.



Из писем о счастье:

«Мой отец трудился на заводе. Он любил свою работу, своих товарищей, жизнь. И все, с кем он работал, все, знавшие его, очень уважали как мастера и как человека. Мы остались без отца. Но мы видим, как люди помнят его, чтут его память. Он и сейчас остается для многих примером, как бы продолжает жить среди нас. Вот и думаю я теперь, что счастье — оно рядом. Жить не для себя, а для людей — счастье. Счастье, когда тебя уважают».

«В наше время быть счастливым — значит делать счастливыми других. Нельзя любить людей абстрактно, мечтать о больших делах ради всего человечества, не испытывая привязанности ни к кому из людей. Самые большие дела истекают из маленьких, вроде бы обычных, но конкретных дел».

Прислушаемся: самые большие дела и свершения начинаются с малых, но практически полезных дел и поступков. Как это верно!

Миша Н., старшеклассник, не стеснялся на глазах приятелей помогать матери — школьной уборщице — мыть полы, прибирать классные комнаты, таскать ведра с грязной водой. И не по нужде вовсе: глава семьи — квалифицированный заводской рабочий, в доме разумный достаток. Значит — по душевной потребности.

Откуда она в юноше? Даже сама мать объяснить того вроде бы и не могла: «Не знаю, сызмальства он у меня такой жалостливый, помогать любит».

А разгадка нашлась: перед Мишей «сызмальства» были открыты все радости и горести в семье, заботы и трудности, здесь не освобождали ребенка от дел обыденных, будничных, но рано научили видеть их приятную сторону, находить в них удовлетворение, по крайней мере, понимать их необходимость. Научили образом жизни семьи, в которой каждый — большой и малый — имел не столько прав перед другими, сколько обязанностей, вошедших в привычку, ставших разумеющейся чертой характера, чем и бахвалиться-то не принято.

А в это время в другой семье рос Витя М. Рос без отца. Мать из сил выбивалась, чтобы обеспечить сыну «счастливое детство». Бывало, он еще спит, а завтрак уже приготовлен, полы вымыты, в квартире прибрано. Витя стал принимать все это как должное. Прошли годы. Парень вырос. Неплохо кончил школу, учится в институте. Мать постарела, но по-прежнему из сил выбивается, чтобы сын выглядел «не хуже других». Однако у этого здорового, сильного парня и в мыслях нет, чтобы помочь близкому человеку. На просьбы сделать что-то по дому ответ один: «Некогда! Да и не мужское это дело — по хозяйству возиться».

Но мужское ли дело — эксплуатировать труд и здоровье старой женщины? Сыновье ли дело — помыкать матерью, всю жизнь принимать ее заботы, ничего не отдавая взамен? Не будем сейчас корить ее саму за былую родительскую ошибку — освобождение сына в детстве от обязанностей по дому, от забот о старших. Но с Виктора спросить за его бездушное поведение можно и нужно.

Как сложатся дальше судьбы Михаила и Виктора? Кто из них скорее обретет собственное счастье?

Вопрос, конечно, сложный, зависящий от множества обстоятельств. Но уже сейчас мы можем сделать смелое предположение, что Михаил будет лучше принят в трудовом коллективе, легче воспримет ту черновую, утомляющую часть работы, которая есть в любой профессии, что он энергичнее преодолеет неизбежные тернии жизненного пути, скорее найдет верных друзей, чем его сверстник — избалованный, эгоистичный Виктор. Остается лишь надеяться, что жизнь рано или поздно, но заставит Виктора осознать ложность и ущербность избранной позиции, прочувствовать утрату начал добра в своем характере. И куда лучше, в том числе и для него самого, если это произойдет раньше, быстрее.

Первые экзамены на нравственную зрелость, душевную

щедрость и самоотверженность люди начинают сдавать еще в детстве. Каждый день, если не каждый час ставит подростков в ситуацию выбора: как поступить? И уже здесь во многом предопределяется характер и поведение индивида в будущем, происходит накопление добрых или злых сил в нем. Не выходит из памяти одна из историй этого ряда, рассказанная ее очевидцем.

…Однажды отправились девятилетняя Лена с соседским Сережей в лес. В кустарнике, у самой тропинки, наткнулись на птичье гнездо. Яички в нем были маленькие, серые в крапинку. Какая-то пичужка отчаянно кричала и порхала перед гнездом, заманивая людей в сторону.

— Пойдем, — тихо сказала Лена, — слышь, как беспокоится.

— Ну и что? Сейчас возьму и разобью все яйца!

— Зачем?

— Просто так.

— Пойдем!

Но Сережа не сдавался. Потом посмотрел на Лену и сказал:

— Отдай мне свой хлеб, тогда я не трону гнездо.

Лена вынула из сумки, которая висела у нее через плечо, два маленьких кусочка и протянула их Сереже. Он съел хлеб, потом вытащил из кармана свой и съел тоже. Лена шла рядом молча, стараясь не глядеть, как мальчишка ест хлеб, предназначенный на обед. Чтобы унять подступающий голод, жевала кислые листья щавеля. Это было тяжелое лето 1947 года…

У Лены была умная добрая бабушка. Она и внучку хотела видеть такой же. А Сережка рос жестоким и бессердечным, не знающим жалости. Такое поведение неизбежно привело его к печальному итогу — преступлению.

Но даже и здесь мы не скажем, что Сергей — конченый человек, что нет у него пути к людям, к жизни праведной, осмысленной. Вспомним исповедь В. В.: встряска, пусть и жестокая, помогла ему увидеть себя со стороны, понять никчемность самомнения и вредоносность эгоизма, а поняв — найти силы для решительной перестройки характера и образа поведения. Теперь и он, исходя из собственного горького опыта, подсказывает: «Главное, надо твердо себе уяснить, что не люди живут для тебя, а ты для людей». И напоминает: для пробуждения и развития таланта «быть человеком», как и любого другого таланта, нужен все тот же труд и труд, все то же самовоспитание.

Быть может, этот талант, как никакой другой, в руках самого человека, сотворим самим человеком?

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ВЗРОСЛОСТЬ?

Как вы отнесетесь к такому сообщению: «Я совсем еще ребенок. Мне только 16 лет…»? Далее уточнялось: «Но ребенок со своими мыслями, чувствами, переживаниями». И подпись: «Студентка первого курса педагогического училища Вера». Сотрудников редакции, куда пришло письмо, это озадачило: право же, не часто доводится встречаться со столь откровенными признаниями в затянувшемся детстве, да еще с оттенком самолюбования. Ладно бы девушка просто слегка пококетничала, поиграла словами. Нет. Дальнейший ее рассказ о себе, о своих привычках и привязанностях отражал точность ее самооценки.

Однако сам факт появления такого письма в редакционной почте никого особенно не удивил. Ведь и до него было известно, что имеется определенная прослойка молодых людей, чувствующих себя детьми до 20—25 лет, легко согласившихся с ролью великовозрастных иждивенцев. Им кажется, что чем дольше продлится состояние беззаботности, тем счастливее будет их жизнь. Они как бы живут настроением новогоднего праздника: все должны дарить тебе подарки — ведь ты же ребенок! Родители должны как можно лучше одевать тебя, лелеять, беречь, учителя — служить тебе, отдавать свои знания. Друзья — скрашивать досуг. Ты же никому и ничего не должен: какой спрос с дитяти?!

Тем не менее метать критические стрелы в адрес нашей юной корреспондентки показалось занятием бесполезным. Такой она сложилась к сегодняшнему дню и немедленно, тут же не переменится. Но попытаться исследовать проблему в целом и поискать ответы на ее некоторые вопросы, безусловно, стоит, даже необходимо, поскольку линия поведения студентки Веры, как мы видим, есть отражение каких-то тенденций времени.

Попробуем начать наше маленькое исследование опять же с конкретного случая — с истории, приключившейся с Виолеттой Д. из Магнитогорска. После окончания 9-го класса решила она уйти из школы. Почему же? Девушка вдруг ощутила вокруг себя пустоту — состояние странное, нечто вроде «одиночества общительного человека». Все, казалось бы, складывалось у нее благополучно: училась без троек, могла поговорить красиво, одевалась лучше всех в классе, родители души в ней не чаяли, удовлетворяли каждое желание, любую прихоть. И показалось Виолетте, будто она как бы старше, взрослее своих сверстников-одноклассников: живут-де они детскими интересами, «радуются каждому пустяку». Отсюда и

мысль пришла: дружить здесь ей не с кем и вообще пора новое общество искать, иную жизнь начинать.

Тогда-то и задумала «сбежать». А куда? Сама толком не знает. К тетке уехать бы, к женщине твердого характера. Однако и это смутное намерение, как оказалось, не могло осуществиться: девушка вдруг вспомнила, осознала, что совершенно не готова к самостоятельной жизни:

> «Я же тряпку в руках держать не умею, собственную постель ни разу не заправляла, воротничка к форме не пришила! Кому я нужна такая?! Как же поступить? Бросить школу и ждать, когда на мне кто-нибудь женится? А что еще?»

Свой крик души Виолетта выплеснула на страницы молодежной газеты в обольстительной надежде, что кто-то со стороны поможет решить за нее и эту личную проблему. Почта откликов на ее тревожный сигнал оказалась лавинной, численно очень большой. Пусть подчас строго, даже сердито судили о поведении и привычках Виолетты представители старшего поколения и ее сверстники, но всегда — с надеждой на ее моральное выздоровление, решительное изменение стиля жизни.

Разговор зашел по сути дела о том, что следует понимать под взрослостью — вольготность поведения, самоуверенность во взглядах или основательность поступков и дел? Виолетте показалось, будто она уже взрослая, взрослее своих одноклассников. Однако сама же быстро обнаружила, что истинное положение вещей весьма далеко от ее первоначальных высокомерных представлений о себе и своем месте среди школьного коллектива. Именно она — «принцесса» (ее собственное определение) — предстала беспомощной перед прозой жизни, а значит, и неспособной познать ее поэзию, истинную красоту.

И читатели газеты сделали справедливый вывод. Белоручка, неумеха никогда не сможет стать взрослой в подлинном смысле этого понятия, никогда не испытает полной радости бытия, радости творчества, обречена на жалкую участь зависимого от всех и вся человека. Все истинно счастливые — это обязательно люди самостоятельные, уверенные в себе труженики, мастера избранного дела. Путь к быстрому становлению во взрослой, трудовой жизни лежал, как правило, через овладение еще в детские и юношеские годы многими элементарными навыками конкретного, в том числе чернового, будничного труда. Даже чисто вымытый тобою (тобою!) пол вызывает удовлетворение и чувство независимости. Пусть это самая малая малость, но и

она — кирпичик в прочный, основательный фундамент, на котором будет происходить самостроительство жизни.

Мудрый Антон Семенович Макаренко поделился тонким и точным наблюдением на этот счет:

> «Насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать и у которых все удается и спорится, которые не теряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими».

И он же указал на прямую связь такого «владения вещами и обстоятельствами» с умением обслуживать самих себя, обходиться без нянек, без сторонних услуг в собственном доме. Тут есть над чем поразмышлять.

Вот, скажем, подумывает Виолетта о замужестве как возможном выходе из положения. «А кому ты нужна такая?» — без обиняков заявили несколько парней, принявших участие в дискуссии. Вроде бы грубовато по форме, а по существу-то верно. Ведь и в самом деле, семья — это, помимо всего, опять же труд, арена проявления взаимной деятельности в домашнем хозяйствовании, воспитании детей. Увы, сколько наблюдается примеров разводов именно из-за неподготовленности молодых женщин к выполнению трудовых обязанностей в семье. Не это ли ожидает нашу белоручку? Скорее всего — да, если уже сейчас она не переломит себя, не начнет взрослеть на деле.

Письмо Виолетты невольно указало еще на одну сторону проблемы взросления. Она пожаловалась на своих родителей: это-де они виноваты — не подготовили ее к жизни. Что ж, те и в самом деле в немалой мере повинны в бедах дочери — избаловали, изнежили, закормили с ложечки манной кашкой. Да только при всем том и сама она — достаточно взрослый по возрасту человек, должный понимать свою собственную ответственность за качество своей жизни, обязанный проявлять свою собственную волю, обращенную к преодолению сложившегося нездорового положения, в самой себе искать недостатки и возможности выхода на верный путь. А обиды и жалобы на родителей лишь уведут в сторону от главного направления в поисках самой себя, в самоутверждении.

Выше промелькнуло слово «ответственность». Однажды в редакции собрали группу учащихся техникумов и попросили их поделиться своим пониманием термина «взрослость». Ответы были примерно следующие.

— Взрослость начинается с того момента, когда человек начинает осмысливать свои поступки и понимать свою

ответственность за них перед другими.

— Мало лишь одного этого понимания. Можно ведь понимать правильно, а поступать иначе. Взрослость прежде всего определяется делами, поступками, серьезностью поведения.

— Взросление происходит тогда, когда мы начинаем принимать на свои плечи груз забот родителей, когда начинаем реально отвечать за что-то и за кого-то. Родители заботятся о нас, но ведь и мы должны заботиться о них, еще о ком-то.

— Человек должен осознавать свой долг перед мамой, перед товарищами, перед коллективом, перед Родиной в конечном счете. Осознавать свой долг — значит понимать других, прикасаться к миру их забот и проблем, а не жить лишь собственными заботами и проблемами. Взрослость — это когда человек не только получает от других, но что-то отдает им от себя.

Что ж, правильные суждения. Можно было только порадоваться им.

Как ни странно, но более сложным оказался следующий вопрос, вроде бы очень простой: «Считаете ли вы себя взрослыми?»

— Не знаю.

— Не знаю.

— Да, пожалуй. С тех пор, как стала нянчить племянницу, оставшуюся на руках нашей семьи. Ощутила свои силы и свои возможности быть полезной, необходимой.

— У меня еще не было таких испытаний, чтобы почувствовать себя взрослой.

— Я еще успею стать взрослой.

— Даже когда закончу техникум, не смогу сразу считать себя взрослой, поскольку рассчитываю и в будущем на материальную помощь родителей. А значит, буду по-прежнему зависима от них.

Да, вот такая обнаружилась картина: ребята правильно понимают суть проблемы, правильно мыслят, но, увы, не все из них готовы к реализации идей в собственной практике, в своей жизни. Быть может, рано от них требовать этого?

Можно ли конкретно назвать час или день, с которого начинается или должна начинаться взрослость? День окончания школы? День зачисления в институт или поступления на завод? Благо бы так. Только вот ведь что наблюдается: иных парней и девушек даже и в вузе долго еще, как малых детей, водят за ручку, увещевают серьезнее относиться к своим обязанностям. Да и в трудовых коллективах порою вынуждены месяцами, годами приучать к порядку и порядочности взрослых по паспорту, но малоразумных, судя по поведению, молодых людей.

А в это же самое время другие их сверстники давным-давно, еще со школьной скамьи, ведут себя по-взрослому, достойно, проявляют похвальную самостоятельность. Значит, не какими-то формальными рубежами определяется взросление человека. А чем же? И когда оно должно начинаться?

«Вот тебе и стукнуло четырнадцать лет. Ты уже не ребенок, ты становишься взрослым человеком» — так писал Федор Иванович Панферов, известный советский писатель, своей дочери и подсказывал ей, подростку: надо отрешаться от беспечности и лености, надо стремиться к самостоятельности, надо уже сейчас готовить себя к активной трудовой деятельности, приобретать качества творца. «В твои годы закладывается человек. Пропустишь эти годы, там все пропало», — мудро предостерегал заботливый отец свою дочь.

Однако, быть может, кто-то посчитает, что он торопил ее со взрослением, как бы укорачивая тем самым счастливую пору безмятежного детства? Что говорят на этот счет те, кому довелось взрослеть вынужденно рано? Жалеют ли они о том?

Известный советский журналист Василий Михайлович Песков, человек исключительной работоспособности, легкий на подъем, мгновенно и страстно отзывающийся на заботы общества, рассказал однажды о своем детстве, которое пришлось на тяжелые годы войны, о заботах тринадцати-, пятнадцатилетних мальчишек той страшной поры. Война, вспоминал Песков, диктовала свои законы жизни и для детей. По ним должен был он и его деревенские сверстники целыми днями, не разгибаясь, собирать колоски на стерне, молоть зерно на самодельных «терках», собирать валежник в лесу и таскать его на плечах за несколько километров, с весны до осени ухаживать за огородом, заготавливать сено, носить воду, готовить еду, нянчить маленьких. И делать все это помимо занятий в школе, помимо домашних уроков, помимо общей работы на колхозном поле… И что же?

> «Может странным кому-нибудь показаться, но я ничуть не сетую на судьбу, вспоминая эти четыре года, — говорит Василий Михайлович. — Прокручивая сейчас назад ленту более чем сорокалетней жизни, взвешивая, где, когда и чему научился, без колебаний говорю: главная школа жизни приходится на эти годы. Суровые, требовательные годы совпали для нас, «военных мальчишек», с возрастными законами воспитания человека. Глубоко верю: уроки мужества, труд и трудности сейчас для подростков также

необходимы…»

Нет, не за то ратует Песков, чтобы и на их долю выпадали подобные тяготы, но за то, чтобы с малых лет учился, знал: жизнь определенно потребует раннего взросления. Ведь это именно то состояние, которое способствует развитию многих способностей.

Задали вопрос лауреату Ленинской премии писателю Нодару Думбадзе: считал ли он себя взрослым в 16 лет? Он ответил так:

— Думаю, что взрослым человеком я стал раньше, лет в тринадцать, когда оказался единственным мужчиной в доме.

И далее Нодар Владимирович пояснил, что еще до этого дня он уже многое умел делать своими руками, занимался домашним хозяйствованием вместе со старшими. Как видим, он тоже ратует за раннее взросление.

Итак, мы насчитали несколько примет взрослости. Самостоятельность в большом и малом. Познание истинных ценностей бытия, использование собственных сил в преодолении соблазнов минуты, дня. Готовность принимать на себя заботы других людей. И еще — готовность руководствоваться не одними личными интересами, но и жить нуждами коллектива, общества, правильно соотносить между собою «хочу» и «надо». Об этом, в сущности, и пойдет речь в заключительной главе.

САМАЯ ГОРДАЯ МУДРОСТЬ

Мальчишки и девчонки из девятого «б» класса решили узнать о себе: кто же они такие? Чего хотят от жизни? К чему готовятся? Что любят и что ненавидят? Кого считают своими друзьями? Какие принципы исповедуют?

Договорились: каждый честно и без утайки отвечает на все тридцать вопросов анкеты. Чтобы не возникло ни малейшего желания покрасоваться друг перед другом, покривить душой, анкету сделали анонимной, без подписей.

И вот двадцать пять тетрадок лежат перед учительницей литературы — ей ребята доверили роль исследователя-социолога, беспристрастного судьи их поведения, интересов, планов, привязанностей, отношения к жизни. Прочла учительница анкеты, и стало ей не по себе, тревожно. Нет, ничего чрезвычайного, в сущности; не произошло: перед ней сидели все те же девятиклассники, интересующиеся литературой и искусством, грамотные, эрудированные, достаточно дисциплинированные…

Что же тогда взволновало их наставницу?

Дух безмятежного покоя, неумение превращать свои желания и мечты в реальность, отсутствие любимого дела, надежда на пресловутое «авось»… Только трое из целого класса знают точно, кем они хотят стать. Только двое из двадцати пяти уже сейчас готовятся к будущим профессиональным занятиям.

Каждый хотел бы попасть на гастрольный спектакль знаменитого театра, — но никто не хочет постоять ради этого в очереди за билетом. Умные, с юморком ребята способны и сами разыграть веселый школьный «капустник», но не начнут и этого дела, пока не соберет их на репетицию учитель.

Пассивность, самодовольная бездеятельность — в большом и малом.

Но позвольте, откуда такая душевная леность у пышущих физическим здоровьем добрых молодцев и гордых девушек?

Вопрос сложный, и однозначного ответа на него нет. Так приучили их — жить на всем готовом? Вероятно, и это. Однако доколе, до какого возраста позволительно относить вину за любые грехи в поведении юной поросли все на тех же родителей, педагогов? Ведь речь идет не о первоклашках, а о совершеннолетних даже и по паспорту людях. Где их собственный спрос с самих себя? Неужели не унизительно это — играть пассивную роль зрителя в то время, когда жизнь предоставляет тысячи счастливых возможностей быть ее деятельными

участниками. Оказывается, встречается у некоторых молодых людей даже в наши горячие, энергичные дни иная философия бытия.

В одной из анкет против вопроса «Твой девиз?» учительница прочла: «Главное — спокойствие, нервные клетки не восстанавливаются». Так написал только один, но, судя по содержанию остальных анкет, этому принципу, сознательно или неосознанно следовали и некоторые другие ребята из этой группы.

Да, было над чем задуматься учительнице и есть о чем потолковать нам.

Насчет нервных клеток — это верно, они не восстанавливаются. Только ведь это та полуправда, которая хуже прямой кривды. Как не напомнить еще раз «экономам»: природа предусмотрительно позаботилась снабдить каждого из нас таким многомиллиардным запасом нервных клеток, которых бы хватило и на десять, и на двадцать полнокровных жизней. Зачем же тогда юным витязям уподобляться тем нищим, что испускают дух на мешках с золотом? «Скупой рыцарь» — далеко не лучшая аттестация молодому человеку, особенно когда дело идет к сокрытию, утайке интеллектуальных сил, духовных способностей.

А прибавляют ли покой, безмятежность дополнительные годы жизни, улучшают ли ее качество? Ученые отвечают на этот вопрос отрицательно. Труд, одержимость людей не старят, а молодят, служат не растрате сил, а их прибавлению. Те, для кого напряженная работа — потребность души, кто постоянно озабочен большими делами, определенно получают заметный выигрыш перед сберегателями нервных клеток и лежебоками. Прекрасным образом выразил это наблюдение неутомимейший труженик (и долгожитель) Бернард Шоу:

«Чем больше я работаю, тем больше живу».

Да, чем больше человек отдает другим, обществу, тем больше получает сам — такова диалектика жизни.

Знаменитый доктор Илизаров, имя которого уже упоминалось в книге, по свидетельству очевидцев, работает по восемнадцать-двадцать часов в сутки и никогда не устает. Непостижимо? Как он сам объясняет подобный феномен?

— Нейтрализатором усталости является творческая работа. В юности я очень любил поспать. Помню, прочел про какого-то удивительного человека, который вообще не спит. Позавидовал: вот бы мне научиться… Это, конечно, нереально. Но вот спать в сутки по три-четыре часа стало теперь нормой. Адаптировался. А как иначе? Для научной работы остается, по сути, только ночь.

Мог бы, конечно, уходить из клиники пораньше. Но сам же буду переживать, если оставил очередь больных, в таком настроении работать не смогу. И нет, значит, другого выхода, как выкраивать время за счет сна, отдыха. Впрочем, работать, по-моему, всегда полезно. Мозг от тренировок не изнашивается, скорее — наоборот…

Нет, никто не призывает к изнурению работой, к работе на быстрый износ. У каждого индивида есть свои пределы нагрузок, и нельзя не считаться с этим обстоятельством. Большинство выдающихся людей, одержимых любимым делом, подчиняясь потребности организма в разрядке, отдыхе, осознанно или интуитивно находили такую разрядку, отдых в сочетании умственного и физического труда, в смене занятий в течение дня или рабочей недели. Умение отдыхать, восстанавливать затраты нервной энергии — тоже наука, требующая освоения.

Физиологи и гигиенисты подсказывают: правильно жить и работать надо учиться у сердца. Долгие годы работает оно без устали, без видимых передышек, остановок. Но в строго размеренном ритме: за напряжением мускулатуры следует расслабление. Так и для человека, для его здоровья не покой нужен, а ритм жизни — правильно организованное чередование эмоциональных и мышечных напряжений и кратковременных расслаблений, активной трудовой деятельности и содержательного отдыха. Кто научился, придерживаться такого режима, тот изгнал или, по крайней мере, уменьшил до терпимых пределов утомление, избавил себя и окружающих от проявлений болезненной нервозности, не испытывает изнуряющего ощущения вечной спешки и вечного опаздывания. Усталость приносит, как правило, не сама работа, а неорганизованность труда и отдыха.

Расслабление, разрядка — это не обязательно пустопорожнее времяпрепровождение, праздность. Лучше всего — смена занятий, видов деятельности.

> «Параллельно он ведет три-четыре работы. Для самой трудной, требующей особого внимания, отводится «первый день» — утренние часы. После прогулки — «второй день»: работа менее трудная, чаще всего библиографическая, журнальная. Вечером, после короткого отдыха, «третий день»: записки, роман. Переход от одной работы к другой лишнего времени не отнимает, потому что… он никогда не ставит себя в положение человека чего-то ищущего, что-то потерявшего и не знающего, куда заглянуть, где порыться».

Это — строки из очерка Мариэтты Шагинян о Владимире Афанасьевиче Обручеве, выдающемся геологе, ученом, авторе знаменитых романов «Плутония» и «Земля Санникова».

Нет, жизнь Обручева, а дожил он до девяноста двух лет, не была постоянно размеренной, четко регламентированной: далекие трудные экспедиции, опасные приключения, ответственная напряженная работа по руководству научными учреждениями, участие в бурных, выматывающих нервы дискуссиях — всего досталось на его долю. И все же ученого всегда отличали внутренняя организованность, самодисциплина, умение чередовать в любой обстановке виды занятий, готовность к физическому труду. Не потому ли до последних дней своей долгой жизни сохранил он ясность ума, высокую работоспособность, присутствие духа, озабоченность общими делами? Даже в предсмертном забытьи Владимир Афанасьевич вспоминал старых друзей по экспедициям и звал их вперед, в горы!..

Чередование занятий, сочетание разнородных увлечений — все это в природе человека, отвечает потребности личности в наиболее полном самовыражении, раскрытии множественных и разнообразнейших дарований, обеспечивает высокий жизненный тонус, духовное и физическое здоровье. Вспомним примеры, приводившиеся в предыдущих главах. Вспомним и известное высказывание Цицерона, который говорил, что никогда не бывает так занят, как в часы досуга.

Итак, расслабление — это энергичное движение после вынужденных длительных «посиделок», крепкий сон после затянувшегося бодрствования, минуты веселья после часов серьезности, смена занятий в пределах дня или рабочей недели. Вот как восстанавливаются затраты нервной энергии, вот где, а отнюдь не в уклонении от страстей жизни, не в безмятежном покое лежат резервы всяческих сил.

Даже стрессы, нервные реакции, вызываемые какими-либо сложными обстоятельствами жизни, внешними раздражителями, как теперь выяснено, до определенной своей стадии могут играть положительную роль — развивают защитные механизмы организма и психики, вырабатывают «психологический иммунитет» к острым ситуациям, закаливают для борьбы с трудностями, воспитывают умение властвовать собой.

Возможна ли жизнь без стрессов?

Нет.

Процесс творчества — тоже стресс. Состояние любви, сдача экзаменов, участие в дискуссии, выполнение общественного задания, семейные неурядицы — за всеми этими и аналогичными

по накалу воздействиями на психику следуют физиологические, гормональные изменения в организме, и если избрана активная линия поведения (борьба), то и гормональное обеспечение оказывается соответствующим — «подстегивающим», позволяющим организму подготовиться для «сражения». А вот настроение примирения с трудностями, бедой, бегство от борьбы, уход в себя — ведут к тому, что в кровь начинают поступать гормоны, вызывающие состояние опасной апатии, болезненной мнительности.

Кому-нибудь из нас импонирует образ поведения чеховского Беликова? Сам того не подозревая, он все время пытался оградить себя от стресса, уйти от волнений жизни. Ну и чем все это закончилось?

Нет, человек не может, не должен воздвигать забор равнодушия между собой и другими людьми, прятаться от них, от забот и проблем жизни, пытаться окружить себя вакуумом. Подлинная личность всегда деятельна, активно контактна. Она чаще и сознательно идет на стресс, однако находит из него выход соответственно своему рассудку и темпераменту, уровню культуры.

Г. Селье, канадский врач, первым обративший внимание на последствия стрессовых воздействий и на первых порах считавший стресс в любой его форме явлением нежелательным, после более глубокого и всестороннего изучения предмета был вынужден резко изменить точку зрения. Он заявляет теперь:

> «Стресс не только необходим — он приправа жизни. Без него жизни не существует».

Неплохой аргумент в дискуссии со сберегателями нервных клеток!

Девиз «Главное — спокойствие», когда он понимается как оправдание инертности, бездеятельности, равнодушия ко всему и вся — коварный ориентир. Куда он может завести индивида? В тихую заводь? А что дальше? Ведь все равно, рано или поздно, а приходится давать самому себе отчет: так ли прожита жизнь, как надо, как должно бы? Наступит горький час прозрения, но, увы, уже недостанет ни опыта, ни сил, ни времени поправить дело, изменить стиль и образ жизни.

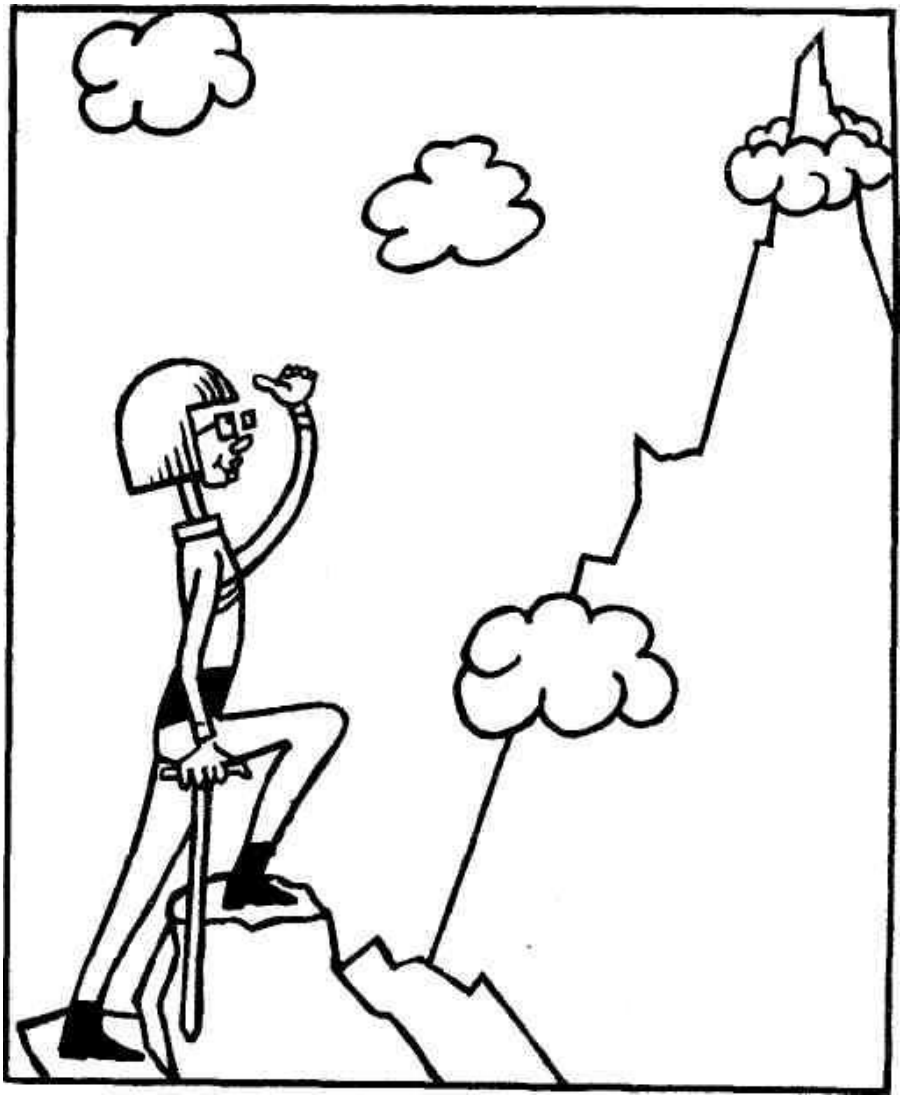
Рядом с фальшивым девизом «Главное — спокойствие» нет-нет да и соседствует еще и такой: «Жить надо для себя». Однако общественная практика убеждает: ни один из действительно счастливых людей не сможет согласиться с подобной моралью, она противоестественна и потому следование ей никому не доставит подлинного удовлетворения.

Мы уже упоминали о фантастической работоспособности доктора Илизарова, его личном «нейтрализаторе усталости» — беспокойстве за судьбы доверившихся ему больных. Так много работает и так мало отдыхает! Под настроением столь впечатляющей картины один из интервьюеров задал Гавриилу Абрамовичу вопрос, что называется, ребром: «Получается, вы живете для других и совершенно не живете для себя?» Илизаров искренне удивился:

— Не понимаю… А что ж человеку делать? Спать? Пить? Стать лабораторией по перевариванию пищи? Смысл жизни в том и состоит, чтоб трудиться на радость людям… Живу так, а не иначе, не потому, что должен, а потому, что хочу! И не нужно мне сочувствовать.

Как близки эти слова обращению к молодежи великого подвижника науки Дмитрия Ивановича Менделеева:

> «Трудитесь… Удовольствие пролетит — оно себе; труд оставит след долгой радости — он другим».



Наш разговор о самовоспитании, развитии способностей подошел к концу. Но далеко не исчерпана его проблематика. Она бесконечна, как сама жизнь, и столь же безгранична, как талантливость Детей Земли. Даже у океана есть границы и дно, измеренные и проверенные во всех направлениях. Где лежат границы человеческих сил и возможностей — этого достоверно пока никто не знает. Вот и прекрасно: всегда впереди будут маячить еще не взятые высоты, звать к себе, пробуждать к расконсервации и введению в действие все новых и новых резервов, предусмотрительно заложенных природой в человека — во благо ему.

У каждого они свои, эти высоты. Но — в ы с о т ы! Взойти на них, одолев кручи, — что может принести большее

удовлетворение, радость, счастье?

Овладеть сложным, но посильным для каждого искусством делать себя, лепить свой характер, строить Личность — значит подняться на одну из самых величественных вершин, откуда тебе станут видны многие неведомые до той поры красоты мира. Среди них выявится и твоя собственная красота — чудесный сплав силы духа, гармонии способностей, отзывчивости души.

Хочешь взойти на эту вершину?

Тогда начни без промедления следовать девизу, который провозгласил и исповедовал великий гуманист нашего времени Максим Горький:

> «Не жалей себя — вот самая гордая мудрость на земле. Да здравствует человек, не умеющий жалеть себя».